
Ежевичное вино
Джоанн Харрис
Писательница, чьи книги заворожили весь мир
ozon.ru

Ежевичное вино
Джоанн Харрис

Аннотация
Джоанн Харрис. Ежевичное вино
1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20

47
48
49
50
51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63
64
ПОСТСКРИПТУМ
БЛАГОДАРНОСТИ

Аннотация

Вино способно творить чудеса и новые миры. Джей Макинтош, писатель, который не пишет, безнадежно застряв в прошлом, находит шесть бутылок домашнего вина, чудом сохранившихся со времен его детства, о котором он вспоминает с острой ностальгией, наслаждением и горечью. Чудаковатый старик-садовод, навсегда перевернувший жизнь Джея, а потом исчезнувший без следа, создал вино, которое переворачивает жизнь. Поиск себя, своего места в мире, своего потерянного таланта гонит Джея прочь из Лондона во Францию, где он находит то, что, казалось, было навеки утрачено.

Бесподобный роман Джоанн Харрис «Ежевичное вино» — о чувствах и чувственности, о винах и вине, о правде, дружбе и волшебстве, о любительской алхимии.

Джоанн Харрис
Ежевичное вино

Моему деду Эдвину Шорту, садоводу,
виноделу и поэту в глубине души

1

Вино говорит. Это общеизвестно. Оглядитесь. Спросите уличного оракула, незваного гостя на свадебном пиру, юродивого. Оно говорит. Оно чревовещает. У него миллион голосов. Оно развязывает язык, выбалтывая тайны, которые вы не собирались выдавать, тайны, которых вы знать не знали. Оно кричит, разглагольствует, шепчет. Оно говорит о великих вещах, о гениальных планах, трагических страстях и ужасных предательствах. Оно хохочет до упаду. Оно тихонько хихикает себе под нос. Оно рыдает при виде собственного отражения. Оно вытаскивает на свет летние дни, давно минувшие, и воспоминания, крепко забытые. От каждой бутыли веет иными временами, иными местами; каждая, от простецкого «Молока Мадонны»[1] до надменной «Вдовы Клико» 1945 года, — скромное чудо. Джо называл это будничным волшебством. Превращение низменной материи в грезы. Любительская

[1] Примечания: 1

Немецкое белое полусладкое вино из регионов Рейнхессен и Наэ, производится множеством винодельческих компаний. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

алхимия.

Возьмите, к примеру, меня. «Флёри»[2] 1962 года. Последний из двенадцати могикан, розлитых и уложенных в деревянный ящик в год рождения Джея. «Бойкое, говорливое вино, веселое и немного нахальное, с пикантным привкусом черной смородины», если верить этикетке. Не из тех вообще-то, какие хранят, но он сохранил. Из ностальгии. Для особого случая. Дня рождения или, может, свадьбы. Но дни рождения он не отмечал; пил красное аргентинское и смотрел старые вестерны. Пять лет назад он выставил меня на стол меж серебряных подсвечников, но ничего не вышло. Тем не менее с девушкой они поладили. Она привела с собой целую армию бутылок — «Дом Периньон», «Столичную» водку, «Парфе Амор»[3] и «Мутон Каде»[4], бельгийское пиво в бутылках с длинными горлышками, вермут «Нуайи Пра» и «Фрез де Буа»[5]. Они тоже говорят, в основном

[2] Примечания: 2

Легкое и нежное «дамское» вино из региона Божоле. (Здесь и далее, если указан регион, но не указана страна, речь идет о Франции.)

[3] Примечания: 3

Фруктово-цветочный ликер сиреневого цвета.

[4] Примечания: 4

Массовое вино из региона Бордо.

[5] Примечания: 5

Земляничный ликер.

чепуху, металлически щебечут, этакий светский треп на вечеринке. Мы отказались иметь с ними дело. Нас задвинули в дальний угол винного погреба, — нас, трех могикан, за сверкающие шеренги пришельцев, где мы и пребывали пять лет, позабытые. «Шато Шалон»[6] 1958-го, «Сансёр»[7] 1971-го и я. «Шато Шалон», раздосадованный своей ссылкой, притворяется глухим и часто вовсе отказывается говорить. «Зрелое вино исключительного достоинства и стати», — цитирует он во время редких приступов экспансивности. Он любит напоминать нам о своем старшинстве, о долголетии желтых вин Юра. Он крайне высоко ценит свое долголетие, наравне с медовым букетом и уникальным происхождением. «Сансёр», давным-давно превратившаяся в уксус, говорит и того меньше и лишь время от времени тихонько вздыхает о своей утраченной юности.

А потом, за шесть недель до того, как началась эта история, явились другие. Незнакомцы. «Особые». Чужаки, которые заварили всю эту кашу, хотя они тоже, казалось, затерялись за блестя-

---

[6] Примечания: 6

Драгоценное желтое вино из региона Юра.

[7] Примечания: 7

Изысканное красное или белое вино из региона Сансёр (долина Луары).

щими новыми бутылками. Их было шестеро, у каждого — своя маленькая, от руки написанная этикетка, пробки запаяны свечным воском. У каждой бутылки вокруг горлышка — шнурок своего цвета: красный, как малина, зеленый, как бузина, синий, как ежевика, желтый, как шиповник, черный, как тернослив. Последняя бутылка, обвязанная коричневым шнурком, содержала вино, о каком даже я не слышал. «Особые, 1975», гласила этикетка, буквы выцвели до оттенка старого чая. Но внутри тайны жужжали пчелиным ульем. От них не было никакого спасения, от их шепотков, свиста, смеха. Мы делали вид, что нам плевать на их кривляние. Дилетанты. Ни один из них и не пах виноградом. Они ниже нас, и мы скупились выделить им место в своем кругу. И все же было нечто трогательное в бесстыдстве этих пиратов, лихорадочная кутерьма ароматов и образов, под натиском которой более серьезные марочные вина дрогнули. Конечно, заговорить с ними было ниже нашего достоинства. Но как же мне хотелось! Возможно, нас соединил мой плебейский привкус черной смородины.

Из подвала было слышно все, что происходит в доме. Мы помечали события появлением и исчезновением наших более успешных коллег:

двенадцать бутылок пива вечером пятницы и смех в передней; накануне бутылка калифорнийского красного, такого молодого, что почти слышен был запах танина[8]; на прошлой неделе — в день его рождения, как выяснилось, — девичьи полбутылки «Моэт», самый одинокий, самый разоблачительный из объемов, и далекие, ностальгические выстрелы и топот копыт наверху. Джею Макинтошу стукнуло тридцать семь. Обычное дело, но его глаза, глаза цвета индиго, цвета пино нуар[9], были глазами неловкого, слегка озадаченного человека, который заблудился. Пять лет назад Керри находила это привлекательным. Теперь она потеряла вкус к потерянности. Что-то невероятно раздражало в его пассивности и в упрямстве, крывшемся за ней. Ровно четырнадцать лет назад Джей написал роман «Три лета с Пьяблочным Джо». Разумеется, вы о нем слышали. Роман получил Гонкуровскую премию и был переведен на двадцать языков. Сообщение о премии отметили тремя ящиками «Вдовы Клико» 1976 года, выпитой слишком рано, чтобы оценить ее по достоинству, но Джей всегда был такой:

---

[8] Примечания: 8
Фенольные соединения, придают красным винам терпкость и горечь.

[9] Примечания: 9
Сорт черного винограда.

набрасывался на жизнь так, словно она никогда не иссякнет, словно то, что закупорено внутри его, будет жить вечно, успех будет следовать за успехом в вихре праздника без конца.

В те дни никакого винного погреба не было. Мы стояли на каминной полке над его пишущей машинкой — на удачу, говорил он. Закончив книгу, он открыл последнего моего собрата 1962 года и очень медленно его выпил, после чего довольно долго крутил бокал в руках. Потом подошел к каминной полке. Секунду он стоял рядом. Затем усмехнулся и, пошатываясь, вернулся в кресло.

— В другой раз, дорогой, — пообещал он. — Подождем другого раза.

Видите ли, он говорит со мной, как однажды я заговорю с ним. Я его самый старый приятель. Мы понимаем друг друга. Наши судьбы переплетены.

Конечно, другой раз так и не наступил. Телевизионные интервью, газетные статьи и рецензии постепенно сошли на нет. В Голливуде сняли фильм с Кори Фелдманом, перенеся действие на Средний Запад. Прошло девять лет. Джей написал часть романа, озаглавленного «Отважный Кортес», и продал восемь рассказов «Плейбою» — впоследствии они вышли сборником в «Пингвин

букс». Литературный мир ждал нового романа Джея Макинтоша — сперва страстно, потом в нетерпеливом любопытстве и наконец, что неизбежно, с равнодушием.

Конечно, он продолжал писать. Семь романов на сегодняшний день, с названиями вроде «Ген И-sus», или «Пси-пташки с Марса», или «Свидание со С. Мэртью», все опубликованные под псевдонимом Джонатан Уайнсеп[10], добротные коммерческие вещи, позволившие ему продержаться на плаву эти четырнадцать лет. Он купил компьютер, ноутбук «Тошиба», и держал его на коленях, подобно полуфабрикатным обедам, которые сам готовил по вечерам — ныне все чаще, — когда Керри работала допоздна. Он писал рецензии, статьи, рассказы и газетные колонки. Он читал лекции начинающим сочинителям, вел творческие семинары в университете. У него так много дел, шутил он, что едва хватает времени писать самому, — неубедительно смеялся над собой, писателем, который никогда не пишет. Керри смотрела на него, поджав губы, когда он об этом разглагольствовал. Познакомьтесь с Керри О'Нил, урожденной Кэтрин Марсден:

---

[10] Примечания: 10
«Джонатан» и «Уайнсеп» — сорта яблок.

двадцать восемь лет, короткие светлые волосы и изумительные зеленые глаза, продукт цветных контактных линз, о чем Джей и не подозревал. Журналистка, преуспевшая на телевидении посредством «Форума!» — ночного ток-шоу, где популярные авторы и звезды второй величины обсуждали социальные проблемы современности под авангардный джаз. Пять лет назад Керри, возможно, улыбнулась бы его словам. Однако пять лет назад «Форума!» не было, Керри вела колонку о путешествиях в «Индепендент» и работала над книгой «Шоколад: наблюдения феминистки». Мир был полон возможностей. Книга вышла через два года, на волне интереса СМИ. Керри была фотогеничной, раскупаемой и мейнстримной. В результате у нее взяли множество легковесных интервью. Она снялась для «Мари Клер», «Тэтлера» и «Я!», но быстро уверила себя, что это не вскружило ей голову. У нее был дом в Челси, pied-à-terre[11] в Нью-Йорке, и она подумывала отсосать жир с бедер. Она выросла. Изменилась.

Но для Джея ничего не изменилось. Пять лет назад, выпивая по полбутылки «Смирновской» в

---

[11] Примечания: 11
Временное жилье *(фр.)*.

день, он казался олицетворением артистического темперамента, обреченным, трагическим героем романа. Он пробуждал в Керри материнский инстинкт. Она собиралась спасти его, вдохновить, а взамен он напишет чудесную книгу, книгу, которая озарит жизни людей, и все это благодаря ей одной.

Но ничего не вышло. Дрянная фантастика — вот что оплачивало счета; дешевые книжки в аляповатых бумажных обложках. Он ни разу не достиг зрелости, озорной мудрости своей первой работы, даже не попытался достигнуть. И несмотря на угрюмые паузы, говорить о взрывном нраве Джея не приходилось. Он никогда не поддавался порыву. Никогда не выказывал злость, никогда не терял контроль. В общении он умом не блистал, не был интригующе груб. Даже его пьянство — единственное, в чем он оставался неумерен, теперь казалось нелепым, подобно человеку, что упорно носит вышедшие из моды фасоны своей юности. Он проводил время за компьютерными играми, слушал старые синглы и смотрел старые фильмы по видео, неизменный в своей незрелости, подобно мелодии, замурованной в дорожке грампластинки. Возможно, она ошибалась, думала Керри. Он не хотел взрослеть. Он не хотел,

чтобы его спасали.

Пустые бутылки рассказывали другую историю. Я пью, говорил себе Джей, потому же, почему пишу второсортную фантастику. Не для того, чтоб забыть, а для того, чтобы *вспомнить*, чтобы откупорить прошлое и вновь найти в нем себя, подобно косточке в горьком плоде. Каждую бутылку он открывал, каждый рассказ начинал в тайном убеждении, что вот здесь таится волшебный эликсир, который его возродит. Но магия, как и вино, хороша лишь в определенных условиях.

Джо было что рассказать об этом. Иначе не произойдет чуда. Букет испорчен.

Полагаю, я ожидал, что все начнется с меня. Это было бы поэтично. В конце концов, мы связаны, он и я. Но эта история начинается с другого вина. Я не слишком расстроен. Лучше быть его последним, чем его первым. Я даже не главный герой всей истории, но я был тут до того, как пришли «Особые», и буду после того, как их выпьют. Я могу позволить себе ожидание. Кроме того, выдержанное «Флёри» должно распробовать, меня не пьют в спешке, а я не уверен, что нёбо Джея к этому готово.

2

Лондон, весна 1999 года

Стоял март. Даже в погребе было тепло. Джей работал наверху — как обычно, с бутылкой под боком и негромко бормочущим телевизором. Керри ушла на вечеринку в честь учреждения новой премии для писательниц не старше двадцати пяти, и в доме воцарилась тишина. Джей использовал пишущую машинку для того, что полагал «настоящей» работой, и ноутбук для фантастики; по звуку или его отсутствию всегда было ясно, что именно он пишет. Он спустился после десяти. Включил радио, выбрал ретростанцию, и слышно было, как он бродит по кухне, тревожно вышагивает по терракотовым плиткам. Рядом с холодильником стоял винный шкаф. Джей открыл его, помедлил, снова закрыл. Скрипнула дверь холодильника. Там царили вкусы Керри, как и везде. Сок из проростков пшеницы, салат с кускусом, молодые листья шпината, йогурты. На самом деле, думал Джей, ему бы хотелось гигантский сэндвич с яичницей с беконом, кетчупом и луком и кружку крепкого чая. Он знал, что это же-

лание както связано с Джо и переулком Пог-Хилл. Ассоциация, вот и все, которая часто возникала, когда он пытался писать. Но с этим давно покончено. Иллюзия. Он знал, что на самом деле не голоден. Вместо еды он закурил — запретная роскошь, приберегаемая для дней, когда Керри нет дома, — и жадно затянулся. Из поцарапанного радиодинамика донесся голос Стива Харли, поющего «Заставь меня улыбнуться» — еще одна песня из далекого, неизбежного лета 1975-го, — и Джей подпел певцу: «Иди сюда, смотри на меня, заставь меня улыбну-у-у-уться», — одиноко, в гулкой кухне.

За нашими спинами в темном погребе копошились чужаки. Может, дело в музыке, а может, сам воздух этого теплого весеннего вечера был словно заряжен возможностями, но, так или иначе, они развили кипучую деятельность, бурлили в своих бутылках, трещали без умолку, ловили собственный хвост, горя от нетерпения заговорить, открыться, выпустить в воздух свою суть. Наверное, потому он и спустился, тяжело ступая по грубым неструганым ступенькам. Джей любил погреб, прохладный, таинственный. Он постоянно сюда заходил — лишь потрогать бутылки, пробежать пальцами по стенам, пушистым от

пыли. Я любил, когда он спускался в погреб. Подобно барометру, я ощущаю его эмоциональную температуру, когда он рядом. В какой-то мере я даже могу читать его мысли. Говорю же, между нами особая связь.

В погребе было темно, его освещала лишь тусклая лампочка, свисавшая с потолка. Шеренги бутылок в основном ничтожных, выбранных Керри, — на полках вдоль стен, в деревянных ящиках на каменных плитах. Джей шел и легонько касался бутылок, поднося лицо близко-близко, словно пытаясь вдохнуть аромат запертых в них летних дней. Раза два или три он доставал бутылку и крутил в руках, прежде чем вернуть на полку. Он двигался бесцельно, никуда в особенности, наслаждаясь сыростью погреба и тишиной. Даже рев лондонских машин смолк, и на секунду Джей едва не поддался искушению просто лечь на гладкий, прохладный пол и уснуть — быть может, навечно. Никто не станет его здесь искать. Но вместо этого он окончательно проснулся, настороженный, словно тишина прочистила ему мозги. Воздух вибрировал, хоть и был недвижен, будто что-то вот-вот произойдет.

Новые бутылки стояли в ящике в глубине погреба. Сверху валялась сломанная лестница. Джей

сбросил ее и, пыхтя, потащил ящик по каменным плитам. Он выудил первую попавшуюся бутылку и поднес к свету, чтобы расшифровать этикетку. Ее содержимое было темно-красным, почти черным, на дне лежал толстый слой осадка. На мгновение Джею показалось, будто он увидел внутри что-то еще, некую тень, но оказалось, обычная взвесь. Наверху, в кухне, ретростанция по-прежнему играла музыку 1975-го — теперь рождественскую, «Богемскую рапсодию»[12], тихую, но вполне различимую через пол, — и он задрожал.

Вернувшись в кухню, он с некоторым любопытством изучил бутылку — он едва ли хоть раз взглянул на нее с тех пор, как привез полтора месяца назад: восковая печать на горлышке, коричневый шнурок, написанная от руки этикетка — «Особые, 1975», стекло вымазано грязью погреба Джо. Джей гадал, зачем забрал ее из развалин. Из ностальгии, вероятно, хотя его чувства к Джо до сих пор слишком двойственны, чтобы позволить себе подобную роскошь. Злость, тоска, замешательство окатывали его контрастным душем. «Старик, ну почему ты не здесь?»

---

[12] Примечания: 12
Композиция британской рок-группы «Queen».

За стеклом что-то скакало и резвилось. Бутылки в погребе дребезжали и плясали в ответ.

Иногда это происходит случайно. После долгих лет ожидания — правильного порядка планет, судьбоносной встречи, внезапного порыва вдохновения — нужные обстоятельства возникают сами собой, украдкой, без фанфар, без предупреждения. Джей полагает это судьбой. Джо называл это волшебством. Но иногда это лишь томление, нечто в воздухе, одно движение — и то, что годами лежало мертвым грузом, меняется внезапно и необратимо.

Любительская алхимия, называл это Джо. Будничное волшебство. Джей Макинтош потянулся за ножом — срезать печать.

3

Она продержалась годы. Нож срезал ее и обнажил невредимую пробку. Немедленно в ноздри шибануло так сильно, что Джею оставалось только терпеть, стиснув зубы, пока запах пытался поработить его. Пахло землей, кисловато, как от канала в середине лета, с остротой, напомнившей ему овощерезку и жизнерадостный вкус молодого картофеля. Мгновение иллюзия была так сильна, что он практически оказался *там,* в том утраченном месте, где Джо опирался на черенок лопаты, а радио, пристроенное в развилке дерева, играло «Запускайте клоунов»[13] или «Я не влюблен»[14]. Неожиданно Джея охватило неуемное волнение, и он плеснул вина в бокал, стараясь не пролить в чрезмерном пылу. Оно оказалось темно-розовым, как сок папайи, и словно карабкалось по стенкам бокала в лихорадочном предвкушении, как будто что-то внутри его жило

[13] Примечания: 13

Песня американского композитора и либреттиста Стивена Сондхайма.

[14] Примечания: 14

Песня из альбома «The Original Soundtrack» британской поп-рок-группы «1 °CC».

и отчаянно хотело опробовать свое волшебство на плоти Джея. Он посмотрел на бокал со смесью недоверия и желания. Часть его хотела выпить вино — годами ждала этого момента, — но в то же время он медлил. Жидкость в бокале была мутной и пестрела коричневатыми хлопьями, похожими на ржавчину. Он неожиданно представил, как пьет, задыхается, корчится в агонии на плитках пола. Бокал замер на полпути ко рту.

Он снова посмотрел на жидкость. Померещившееся ему движение прекратилось. От вина пахло чем-то сладковатым, аптечным, вроде микстуры от кашля. Он вновь спросил себя, зачем прихватил бутылку. Волшебства не бывает. Но Джо заставил его поверить в обратное; старый плут в очередной раз обманул его. Однако в бокале что-то есть, настаивал рассудок. Что-то особенное.

Джей так сосредоточился на бокале, что не услышал шагов Керри за спиной.

— Смотрю, ты не работаешь. — Ее выговор был чистым, с капелькой ирландского акцента — ровно столько, чтобы, не дай бог, не обвинили в аристократическом происхождении. — Знаешь что? Если уж собрался нажраться, вполне мог бы пойти со мной на вечеринку. Замечательная

возможность встретиться с людьми.

Она сделала особое ударение на слове «замечательная», растянув третий слог втрое против его обычной длины. Джей взглянул на нее, не выпуская бокала из рук. Передразнил:

— Знаешь что? Я постоянно встречаюсь с замечательными людьми. Все писатели замечательны. Мне особенно нравится, когда кто-нибудь из твоих юных гениев подходит ко мне на какой-нибудь замечательной вечеринке и говорит: «Послушай, да ты никак этот парень, Джей, ну, который написал эту замечательную книгу?»

Керри пересекла комнату — плексигласовые каблуки размеренно простучали по плиткам — и плеснула в стакан «Столичной».

— А теперь ты ведешь себя инфантильно и асоциально. Если бы ты действительно старался время от времени писать что-то серьезное, вместо того чтобы тратить талант на ерунду…

— Замечательно.

Джей ухмыльнулся и отсалютовал ей бокалом. Оставшиеся в погребе бутылки возбужденно трещали, словно в предвкушении. Керри замерла, прислушалась.

— Ты ничего не слышал?

Джей покачал головой, продолжая ухмыляться.

Она подошла ближе, посмотрела на его бокал и бутылку, все еще стоявшую на столе.

— Кстати, а что это такое?

Ее голос был прозрачен и резок, подобно ее каблукам-сосулькам.

— Какой-то коктейль? Пахнет отвратительно.

— Это вино Джо. Одно из шести. — Он повернул бутылку, чтобы прочитать этикетку. — «Пьябло-ко, 1975». Замечательный винтаж[15].

Бутылки вокруг нас радостно бурлили. Мы слышали, как они шепчут, поют, окликают друг друга, резвятся. Их смех был заразителен, бездумный призыв к оружию. «Шато шалон» вяло бормотал что-то неодобрительное, но в буйной карнавальной атмосфере в его голосе чудилась зависть. Я, оказывается, присоединился к ним — задребезжал в своем ящике, подобно банальной молочной бутылке, безумствуя от предвкушения, понимая, что происходит нечто.

— Фу! Боже! Не пей его. Оно наверняка испортилось. — Керри вымученно хохотнула. — Кроме того, это отвратительно. Вроде некрофилии. Представить не могу, зачем ты притащил его домой, учитывая обстоятельства.

---

[15] Примечания: 15

Термин, обозначающий вино определенного года урожая, а также вообще высококачественное марочное вино.

— Я собирался выпить его, дорогая, а не трахнуть, — пробормотал Джей.

— Что?

— Ничего.

— Пожалуйста, милый. Вылей его. Уверена, в нем полно самых разных противных микробов. Или и того хуже. Антифриз, например. Ты же знаешь старика, — вкрадчиво уговаривала она. — Лучше я налью тебе водки, хорошо?

— Керри, перестань говорить как моя мать.

— Когда перестанешь вести себя как ребенок. Почему ты никак не можешь вырасти, господи боже?

Это был неизменный рефрен. Упрямо:

— Вино принадлежало Джо. Я и не ожидал, что ты поймешь.

Она рассерженно вздохнула и отвернулась.

— Ладно, порадуй себя. Как обычно. Надо же, столько лет прошло, а как старый жулик запал тебе в душу — можно подумать, он твой отец, а не старый грязный козел, любитель маленьких мальчиков. Валяй, трави себя, это так по-взрослому. Может, если помрешь, выпустят памятное издание «Пьяблочного Джо», а я продам рассказ о тебе в «Таймс литерари сапплимент»…

Но Джей не слушал. Он поднес бокал ко рту.

Запах снова ударил в ноздри, слабый сидровый аромат дома Джо с его горящим ладаном и помидорами, что зрели на кухонном окне. На мгновение Джею показалось, что он слышит, как со звоном разлетаются осколки стекла, словно люстра рухнула на накрытый стол. Он пригубил вино.

— Твое здоровье.

Вкус был не менее ужасен, чем в детстве. В бормотухе не было ни капли винограда, только мешанина сладковатых забродивших вкусов, амбре помойки. Она пахла, точно канал летом и заброшенные железнодорожные пути. Она была резкой, как дым и горящий мусор, и все же навевала воспоминания, хватая за горло и память, вытаскивая на свет образы, которые Джей числил навеки утерянными. Он сжал кулаки, атакованный картинами прошлого; внезапно закружилась голова.

— Все нормально? — Голос Керри резонировал, как во сне. Сердитый, но с тревожной ноткой. — Джей, я же говорила тебе, чтоб не пил эту дрянь. Все нормально?

Он с трудом сглотнул.

— О да. Вообще-то неплохое вино. Живое. Резкое. С красивым телом. Немного на тебя похоже,

Кес.

Он умолк, закашлявшись, но смеясь при этом. Керри недовольно смотрела на него.

— Не называй меня так. Это не мое имя.

— Как и Керри, — поддел он.

— Я пошла спать, мне надоели твои грубые шуточки. Наслаждайся своим винтажом. Только бы тебе было хорошо.

Ее слова были вызовом, который Джей проигнорировал, сидя спиной к двери, пока она не ушла. Он вел себя эгоистично и знал это. Но вино пробудило что-то необычное, и Джей хотел разглядеть его поближе. Он сделал еще глоток и обнаружил, что нёбо привыкает к странным нотам вина. Теперь он ощущал переспелые фрукты, запекшиеся кристаллами коричневого сахара, наслаждался вкусом сока из овощерезки и слышал, как Джо подпевает старому радио на задворках участка. Он в нетерпении осушил бокал, распробовав пикантное сердце вина и чувствуя, как его собственное сердце бьется с новой силой, стучит, словно после забега. Пять оставшихся под лестницей бутылок бормотали и тряслись от безудержного веселья. У Джея прояснилось в голове и успокоилось в желудке. Он попытался распознать свое ощущение и в итоге

понял: радость.

4

Пог-Хилл, лето 1975 года

Пьяблочный Джо. Имя как имя. Он представлялся Джо Коксом, косо усмехаясь, будто намекая, что не стоит верить, но даже в те дни имя его могло быть любым, меняясь в зависимости от времени года и постоянной чехарды адресов.

— Может, мы с тобой кузены, — сказал он в первый день, когда зачарованный Джей настороженно смотрел на него с гребня стены. Овощерезка жужжала и лязгала, выбрасывая куски кисло-сладких фруктов или овощей в ведро у его ног. — Кокс и Макинтош. Мы оба яблоки, так?[16] Я так думаю, мы, значится, почти что родичи.

Его акцент был непривычным, сбивал с толку, и Джей недоуменно таращился на старика. Джо, усмехаясь, покачал головой.

— Ты не знал, что тебя назвали в честь яблока? Вкусного, красного американского яблока. Очень сочного. У меня растет молодая яблонька, вон

---

[16] Примечания: 16
«Оранжевый пепин Кокса» и «Красный Макинтош» — сорта яблок.

там. — Он дернул головой в сторону задворок. — Но пока ей малехо не по себе. Небось, нужно время, чтоб прижиться.

Джей продолжал наблюдать за ним со всей настороженностью и цинизмом двенадцати лет, готовый заметить даже легкую фальшь.

— Можно подумать, у них есть чувства.

Джо поглядел на него.

— Разумеется, есть. Как и у всего, чего растет.

Мальчик завороженно следил за крутящимися лезвиями овощерезки. Воронка брыкалась и ревела в руках Джо, плюясь ошметками белой, розовой, голубой и желтой плоти.

— Что ты делаешь?

— А по-твоему, чего? — Старик указал подбородком на картонную коробку под стеной, которая их разделяла. — Передай-ка мне вон те пьяблоки.

— Пьяблоки?

Небрежный нетерпеливый жест в сторону коробки:

— Да-да, вон те.

Джей глянул вниз. Прыгать было невысоко, от силы футов пять, но сад огорожен, только чахлые кусты да рельсы в глубине, а городское воспитание научило мальчика не доверять незнакомцам. Джо усмехнулся.

— Не укушу, не бойся, — мягко сказал он.

Разозлившись, Джей спрыгнул в сад.

Пьяблоки были длинными, красными и странно заостренными с одного конца. Одно или два лопнули, когда Джо их выкапывал, обнаженная мякоть на солнце казалась тропически розовой. Мальчик слегка шатался под тяжестью коробки.

— Смотри под ноги, — велел Джо. — Не урони. А то помнутся.

— Но это всего лишь картошка.

— Ага, — кивнул Джо, не отрывая глаз от своей овощерезки.

— А мне показалось, ты назвал их яблоками или как-то похоже.

— Пьяблоки. Корешки. Кругляшки. Пом-де-теры[17].

— На вид ничего такого особенного, — заметил Джей.

Джо покачал головой и принялся скармливать корнеплоды овощерезке. Они пахли сладковато, как папайя.

— Я привез их домой из Южной Америки после войны, — сказал он. — Вырастил из семян прям тут, в саду. Пять лет угробил на то, чтоб земля им

---

[17] Примечания: 17

Искаж. *фр.* pommes de terre *(досл.,* «земляные яблоки») — картофель.

понравилась. Для жарки расти «Кинг Эдвард». Для салатов — «Шарлотту» или «Джерси». Хошь чипсов — выбирай «Марис пайпер». Но эта, — он подобрал картофелину, почерневшим пальцем любовно потер розоватую кожуру, — старше Нью-Йорка, такая древняя, что у нее даже нету английского имени. Семена дороже золотой пыли. Это не просто картофелины, сынок. Это кусочки утраченного времени, когда люди еще верили в волшебство и половины мира не было на картах. Из такого чипсы не варганят. Он снова покачал головой, в глазах под толстыми седыми бровями плескался смех. — Это мои «Особые».

Джей внимательно смотрел на него, не понимая, свихнулся старик или просто шутит.

— И что же ты из них делаешь? — наконец спросил он.

Джо кинул последнее пьяблоко в овощерезку и осклабился:

— Вино, сынок. Вино.

Дело было летом 1975-го. Джею почти исполнилось тринадцать. Сощуренные глаза, тонкие губы, лицо тугим кулаком сжалось вокруг такой тайны, что и разглядывать не станешь. Еще недавно он ходил в школу Мурлендс в Лидсе, но сейчас каникулы, и восемь непривычно пустых недель

до начала занятий тянутся медленно-медленно. Он уже ненавидел это место с его унылым дымчатым горизонтом; иссиня-черными холмами, что кишат желтыми погрузчиками; трущобами и лачугами; людьми с острыми лицами и блеклыми северными голосами. Все будет хорошо, пообещала мать. Ему понравится Керби-Монктон. Перемена обстановки пойдет ему на пользу. Все уладится. Но Джею было виднее. Пропасть родительского развода разверзлась под ним, и он ненавидел их, ненавидел место, куда они его отослали, ненавидел блестящий новенький пятискоростной велик «Роли», доставленный утром в подарок на день рождения, — взятка, не менее презренная, чем сопровождавшая ее записка «С любовью от мамы и папы», такая фальшиво-нормальная, будто мир не распадался потихоньку вокруг. Ярость его была холодна, безжизненна, она отделяла его от мира, так что звуки становились приглушенными, а люди — ходячими деревьями. Ярость была внутри, она кипела, отчаянно ждала, когда что-нибудь случится.

Они никогда не были крепкой семьей. До того лета он видел дедушку с бабушкой полдюжины раз, не больше, на Рождество или дни рождения, и они обращались с ним прохладно, но заботливо,

как того требовал долг. Бабушка была хрупкой и элегантной, подобно фарфору, который любила и которым уставила все свободные поверхности. Дед, грубовато-сердечный солдафон, без лицензии стрелял куропаток на близлежащих вересковых пустошах. Оба ругали профсоюзы, подъем рабочего движения, рок-музыку, мужчин с длинными волосами и то, что женщинам разрешили поступать в Оксфорд. Джей быстро понял, что если мыть руки перед едой и делать вид, будто слушаешь все, что тебе говорят, то можно наслаждаться неограниченной свободой. Так он и встретил Джо.

Керби-Монктон — маленький северный городок, такой же, как сотни других. Построенный вокруг угольных шахт, он уже тогда пришел в упадок; две шахты из четырех закрылись, а оставшиеся две сражались из последних сил. Там, где шахты закрывались, деревни, построенные, чтобы снабжать их рабочей силой, тоже умирали, оставляя запустение и ряды покосившихся лачуг, половина из которых была пуста, окна заколочены, сады завалены мусором и заросли сорняками. В центре было немногим лучше: несколько магазинов, пара пабов, продовольственная лавка, полицейский участок с решеткой на окне. С одной

стороны река, железная дорога, старый канал. С другой — цепочка холмов до самого подножия Пеннинских гор. Таким был Верхний Керби, где жили дедушка и бабушка Джея.

Глядя на холмы, через поля и леса, почти удавалось представить, что никаких шахт и не было. Это парадный фасад Керби-Монктона, где вдоль улочек стоят дома, переделанные из бывших конюшен. С самой верхней точки можно разглядеть собственно город в нескольких милях; пятно желтоватого дыма на зубчатом горизонте, где пилоны маршируют по полям к аспидному шраму угольного карьера, неустанно завораживающему, укрытому отвалом. Дома здесь в основном крупнее и продуманнее. Просторные викторианские особняки из мягкого йоркширского камня, с окнами в свинцовых переплетах и псевдоготическими дверными проемами, и огромные уединенные сады с фруктовыми деревьями en espalier[18] и гладкими ухоженными лужайками.

Джей был невосприимчив к их чарам. Его лондонским глазам Верхний Керби казался неустойчивым, балансирующим на каменистой кромке вересковой пустоши. От простора — рас-

---

[18] Примечания: 18
На шпалерах *(фр.).*

стояний между зданиями — кружилась голова. Покрытая шрамами путаница Нижнего Монктона и Дальнего Края в клубах дыма казалась вымершей, как во время войны. Он скучал по кино и театрам Лондона, по музыкальным магазинам, галереям, музеям. Он скучал по людям. Ему не хватало привычной лондонской речи, шума машин, запахов. На велосипеде он проезжал много миль по незнакомым пустынным дорогам и ненавидел все, что попадалось на глаза.

Дедушка и бабушка ни во что не вмешивались. Они одобряли игры на свежем воздухе и не замечали, что каждый день он возвращается домой дрожащий, обессиленный от ярости. Мальчик всегда был вежлив, всегда опрятен. Он внимательно и с интересом слушал, что они говорили. Он культивировал мальчишескую живость. Он был ходячим супершкольником из комиксов и кисло наслаждался собственным обманом.

Джо обитал в переулке Пог-Хилл, в одном из домов, задворки которых неровной цепочкой выходили на железную дорогу в полумиле от станции. Джей был здесь уже два раза, оставлял велик в кустах и забирался на насыпь к железнодорожному мосту. На той стороне поля спускались к реке, а за рекой лежал карьер, и

ветер доносил далекое гудение машин. Пару миль старый канал тянулся почти параллельно железной дороге, и стоячий воздух вдоль него был зелен от мух и горяч от запаха пепла и зелени. Между каналом и железной дорогой, укрытая ветвями деревьев, тянулась верховая тропа. Горожане почти не появлялись на Дальнем Крае. Потому он Джея и привлек. Джей купил пачку сигарет и комикс «Орел» в станционном киоске и покатил вдоль канала. Потом, надежно упрятав велик в подлеске, пошел вдоль русла канала, продираясь сквозь пышные заросли зрелого кипрея и запуская в воздух тучи белых семян. Дойдя до старого шлюза, он сел на камни и закурил, глядя на пути и время от времени считая проезжающие мимо угольные вагонетки или строя рожи пассажирским поездам, громыхающим в далекие, завидные края. Он бросал камешки в илистую воду. Несколько раз он доходил до реки и строил запруды из дерна и того, что приносила вода: покрышек, веток, шпал, а как-то раз даже целого матраса с пружинами, торчащими из чехла. На самом деле так все и началось; место как-то само наложило на него лапу. Возможно, потому, что было тайным, старым, запретным. Джей начал исследовать его. Из земли торчали

какие-то странные цилиндры из железа и бетона, которые Джо позже назвал шахтными копрами, — их странные вздохи резонировали, если подойти ближе.

Затопленный шахтный ствол, забытая угольная вагонетка, остатки баржи. Это было уродливое, даже, возможно, опасное место, но и глубоко печальное тоже, и оно тянуло Джея с неодолимой силой, природу которой он не понимал. Его родители пришли бы в ужас, узнав, что он ходит сюда, и это тоже добавляло привлекательности. Итак, он исследовал: вот зольная яма, полная старинных черепков; вот россыпь экзотичных, никчемных сокровищ — стопки комиксов и журналов, еще не тронутых дождем; металлолом; остов автомобиля, старого «форда гэлакси», крошечное деревце бузины растет прямо из крыши, подобно современной антенне; неисправный телевизор. Жить рядом с железной дорогой, как-то сказал ему Джо, все равно что жить на берегу: прилив каждый день выносит что-нибудь новенькое. Поначалу Джей ненавидел Дальний Край. Он понятия не имел, зачем вообще туда ходит. Он мог выйти из дома, намереваясь отправиться совсем в другую сторону, но все же в итоге оказывался на Дальнем Крае, между железной

дорогой и каналом, далекий гул машин звенел в ушах, и белесое летнее небо с силой давило на голову, точно колпак для защиты всходов от заморозков. Одинокое, ничейное место. Но тем не менее оно принадлежало ему. Все то долгое, странное лето — ему. По крайней мере, так он считал.

5

Лондон, весна 1999 года

Назавтра он проснулся поздно и обнаружил, что Керри уже ушла, оставив короткую записку, сквозь которую водяным знаком просвечивало неодобрение. Он прочитал ее медленно, без интереса, и попытался вспомнить, что произошло накануне.

> Джей, не забудь, вечером в «Спайс» прием — ты обязательно должен там быть! Надень «Армани». К.

Голова болела; он заварил крепкий кофе и прихлебывал его, слушая радио. Он почти ничего не помнил — вся его жизнь давно превратилась в расплывшееся пятно дней, которые ничем не отличались друг от друга, как серии мыльной оперы, которую смотришь по привычке, хотя никто из персонажей тебе не интересен. День лежал перед ним заброшенной тропой через пустыню. На вечер была запланирована консультация со студентами, но он уже подумывал,

не пропустить ли ее. Ничего страшного; он уже пропускал консультации. От него почти ждут такого. Артистический темперамент. Его рот на мгновение искривился в иронической усмешке.

Бутылка вина Джо стояла там, где он ее оставил, на столе. Джей удивился, увидев, что она еще наполовину полна. Получается, он выпил совсем мало, так откуда это жестокое похмелье и видения, что загнали его в постель, как только рассвет закровоточил в небе? От пустого бокала слабо, но отчетливо тянуло сладковатым аптечным запахом, прогоняющим боль. Джей налил вина до краев.

— Опохмел, пробормотал он.

Утром вино казалось всего лишь неясно гадким, почти безвкусным. Воспоминания кружились в подсознании, слишком глубоко — не распознать.

Загрохотала дверь, и он повернулся, чувствуя смутную вину, будто его застукали. Но оказалось, что всего-навсего принесли почту: конверты торчали из щели для писем и рассыпались по коврику. Квадратное пятно солнечного света падало через стеклянную дверь на верхний конверт, словно предлагая обратить на него особое внимание. Наверняка рекламная чепуха, сказал он себе. В последнее время он редко получал что-либо

другое. И все же благодаря шалости света конверт точно светился, придавая единственному, написанному через трафарет слову новое, сверкающее значение: «ИЗБАВЛЕНИЕ». Словно в лондонском рассвете готова была распахнуться дверь в иной мир, где все еще может быть. Он наклонился, подобрал яркий прямоугольник, открыл.

Первой его мыслью было: и правда реклама. Дешевая брошюра, озаглавленная «УБЕЖИЩА НА ВЫХОДНЫЕ, ЧУДЕСНЫЕ ИЗБАВЛЕНИЯ», размытые фотографии фермерских домов и gîtes[19] с кусками текста в промежутках. «Очаровательный коттедж всего в пяти милях от Авиньона… Большой перестроенный фермерский дом с угодьями… Сенной сарай шестнадцатого века в самом сердце Дордони…» Все картинки были одинаковы: деревенские дома под мультяшными небесами, женщины в платках и белых coiffes[20], мужчины в беретах, пасущие коз на нереально зеленых горных склонах. Странно разочарованный, он бросил брошюру на стол, словно его обманули, словно что-то доселе незнакомое прошло мимо. А потом заметил снимок. Брошюра

---

[19] Примечания: 19
Пристанище для туристов *(фр.).*

[20] Примечания: 20
Чепец *(фр.).*

раскрылась посередине, на двухстраничном развороте красовался удивительно знакомый дом. Большой, квадратный, с потускневшими розоватыми стенами и красной черепичной крышей. Внизу теснились слова: «Шато Фудуин, Ло и Гаронна». Сверху, будто неоновым маркером, было приписано красным: «ПРОДАЕТСЯ».

От неожиданности у него екнуло сердце. Это знак, сказал он себе. Именно сейчас, в этот миг — наверняка. Наверняка знак.

Он долго смотрел на фотографию. Внимательно изучив ее, он решил, что дом все же немного отличается от шато Джо. Вроде бы чуть-чуть другие линии, крыша более покатая, окна уже и глубже посажены в стены. К тому же он не в Бордо, а в соседнем департаменте, в нескольких милях от Ажена, на Танне, крохотном притоке Гаронны. И все же близко. Очень близко. Это не простое совпадение.

Под лестницей чужаки впали в зловещее, выжидающее молчание. Ни шепота, ни бормотания, ни свиста не вырывалось из них.

Джей пристально посмотрел на картинку. Над ней непрерывно и заманчиво мерцал неоновый знак.

ПРОДАЕТСЯ.

Джей потянулся к бутылке и налил еще бокал.

6

Пог-Хилл, июль 1975 года

В то лето большая часть жизни Джея протекала подпольно, словно тайная война. Дождливыми днями он сидел в своей комнате и читал «Денди» или «Орел» и слушал радио, прикрутив громкость до минимума и притворяясь, что делает домашнюю работу, или писал яростные напористые рассказы с названиями вроде «Плотоядные воины Запретного города» или «Тот, кто преследовал молнию».

Денег ему хватало. По воскресеньям он получал двадцать пенсов за мытье дедушкиного зеленого «остина» и еще столько же за стрижку лужайки. Редкие, краткие письма родителей неизменно сопровождались денежными переводами, и он тратил непривычное богатство с веселым, злорадным вызовом. Комиксы, жевательная резинка, если удавалось достать — сигареты; ему нравилось все, что могло навлечь неудовольствие родителей. Он прятал свои сокровища у канала, в жестянке из-под печенья, а дедушке и бабушке говорил, что хранит деньги в банке. Формально

— чистая правда. Он осторожно извлек расшатанный камень из руин старого шлюза — получилась дыра, пятнадцать квадратных дюймов, куда банка как раз влезла. Квадратик дерна, вырезанный на берегу перочинным ножом, прикрывал вход. Первые две недели каникул он ходил туда почти ежедневно, грелся на плоских камнях плотины, курил, читал, сочинял рассказы в очередном густо исписанном блокноте или на всю катушку врубал радио в ярком прокопченном воздухе. Его воспоминания о том лете были окрашены музыкой: Пит Уингфилд и его «18 с пулей» или «Р-А-З-В-О-Д» Тэмми Уайнетт. Джей в основном подпевал или играл на воображаемой гитаре и корчил рожи невидимым зрителям. Позже он понял, насколько безрассуден был. Со свалки все слышно, и в эти две недели Зет со своей бандой мог наткнуться на Джея в любой момент. Они могли найти его, когда он дремал на берегу, или застукать в зольной яме или, хуже того, с неосторожно распахнутой коробкой для сокровищ. Джей никогда не задумывался, что на его территории могут быть другие мальчишки. Ему и в голову не приходило, что эта территория может уже кому-то принадлежать, тому, кто постарше и покруче и к тому же опытнее его. Он никогда в

жизни не дрался. Школа Мурлендс не одобряла подобные симптомы плохого воспитания. Немногочисленные лондонские друзья Джея были сдержанными и замкнутыми, балетные девочки с пони, мальчики-кадеты с превосходными зубами. Джей всегда выпадал из картины. Его мать была актрисой, чья карьера зашла в тупик — комедийный телесериал «Ой! Мамочка!» о вдовце с тремя детьми-подростками. Мать Джея играла назойливую домовладелицу миссис Дайке, и отрочество Джея было по большей части отравлено людьми, которые останавливали их на улице и вопили ее коронную экранную фразу: «Ой, я вам не помешала?»

Отец Джея, хлебный барон, сделавший состояние на «Тримбле», популярном диетическом хлебце, заработал все же недостаточно, чтобы компенсировать свое низкое происхождение, и прятал неуверенность в себе за завесой сигарного дыма и фальшивой бодрости. Его ист-эндского произношения и блестящих костюмов Джей также стыдился. Он всегда полагал, что принадлежит к иному виду, мужественнее, грубее. Но жестоко ошибался.

Их было трое. Выше Джея и старше — четырнадцать лет, может, пятнадцать, — они важно

фланировали вдоль канала, шли самоуверенно, враскачку, как бы помечая территорию. Джей инстинктивно вырубил радио и скорчился в тени, возмущаясь хозяйским видом, с каким они расположились на плотине; один нагнулся и тыкал палкой в воду — нашел что-то; другой чиркал спичкой по джинсам, чтобы прикурить сигарету. Джей настороженно наблюдал за ними из древесной тени; в затылке покалывало. Они выглядели опасными — каста, в этих джинсах, ботинках на молнии и футболках без рукавов, члены клана, к которому Джей никогда не сможет принадлежать. Один из них — тощий, долговязый парень — нес винтовку, воздушку, и небрежно придерживал ее локтем. Его лицо было широким и алело прыщами вдоль подбородка. Глаза напоминали шарикоподшипники. Другой сидел вполоборота, и Джей видел валики жира, выпирающие из-под его футболки, и широкую полосу трусов, торчащих из-под низко посаженных джинсов. На трусах красовались самолетики, и почему-то это рассмешило Джея; сперва он тихо хихикал в кулак, но после не выдержал и пронзительно заржал.

Самолетики немедленно повернулся к нему, его лицо обмякло от удивления. Мгновение два

парня смотрели друг на друга. Потом он ухватил Джея за рубашку.

— Чё *это* тут делает, а?

Двое других наблюдали с враждебным любопытством. Третий парень, паукообразный юнец с нелепыми бачками, шагнул вперед и с силой ткнул Джея в грудь костяшками.

— Ты чё, не слышал, чё я грю?

Их речь казалась чуждой, почти непонятной, смехотворным лепетом, набором гласных, и Джей обнаружил, что снова улыбается, почти смеется, и ничего не может с собой поделать.

— Ты чё, глухой, что ли, дебил? — настаивал Бачки.

— Простите, — произнес Джей, пытаясь высвободиться. — Вы так внезапно появились. Я вовсе не хотел вас напугать.

Все трое уставились на него еще пристальнее. Их глаза были того же никакого цвета, что и небо, — странно, переменчиво серые. Высокий парень демонстративно погладил приклад воздушки. Высокому было вроде как любопытно, почти весело. Джей заметил, что на кисти у него вытатуированы буквы, по букве на костяшку, образуя его имя или прозвище: ЗЕТ. Тут не профессионал работал, понял Джей. Парень сам

наколол — циркуль и бутылочка чернил. Джею внезапно и пугающе четко представилось, как тот делал наколку, с упрямой, но довольной гримасой, одним прекрасным солнечным днем на последней парте во время урока английского или математики, пока учительница делала вид, будто ничего не замечает, хотя Зет не утруждал себя игрой в прятки. Так проще, думала учительница. Безопаснее.

— Напугать нас?

Блестящие глазки-шарикоподшипники закатились в притворном веселье. Бачки хихикнул.

— Закурить не найдется, пацан?

Говорил Зет небрежно, но Джей чувствовал, что Самолетики еще не отпустил его рубашку.

— Сигарету? — Он неловко пошарил в кармане, мечтая смыться, и вытащил пачку «Плейерс». — Конечно. Бери.

Зет взял две и передал пачку Бачкам, потом Самолетикам.

— Да ладно, оставьте себе.

В голове у Джея зазвенело.

— Спички?

Он достал коробок из джинсов.

— Тоже забирайте.

Закуривая, Самолетики подмигнул, как-то

сально, оценивающе. Двое других подобрались поближе.

— А конфеток у тя нет? И ваще? — вежливо поинтересовался Зет.

Самолетики ловко зашарил по карманам Джея.

Сопротивляться было слишком поздно. Минутой раньше он мог бы воспользоваться преимуществом неожиданности — нырнуть между ними, например, рвануть к плотине и сбежать по путям. Но теперь было слишком поздно. Они почуяли страх. Жадные, ловкие пальцы энергично шарили по карманам Джея. Жевательная резинка, пара леденцов в обертках, монеты — все содержимое его карманов выкатилось в их подставленные руки.

— Оставьте! Это мое!

Но голос его дрожал. Он пытался убедить себя, что ерунда, пусть забирают, все равно ничего ценного им не досталось, — но безрадостная, омерзительная беспомощность, стыд не пропадали.

А потом Зет схватил радио.

— Ничё так, — прокомментировал он.

Джей совсем забыл о нем; в длинной траве в тени деревьев радио почти не было видно. Игра

света, быть может, причудливое отражение в хроме, или же просто не повезло, но Зет заметил его, нагнулся и подобрал.

— Это мое, — сказал Джей почти неслышно, словно в рот набились иголки.

Зет глянул на него и ухмыльнулся.

— Мое, — прошептал Джей.

— Конечно, твое, приятель, — дружелюбно произнес Зет и подал ему приемник.

Их взгляды скрестились над радио. Джей протянул руку, почти умоляюще. Зет отдернул радио, совсем чуть-чуть, потом невероятно быстро и аккуратно ударил с лёта и запустил над головами широкой блестящей дугой. Мгновение оно мерцало в воздухе миниатюрным космическим кораблем, а потом рухнуло на каменный край плотины и разлетелось на сотни осколков пластика и хрома.

— И это го-о-о-ол! — заорал Бачки и заплясал, заскакал среди обломков.

Самолетики возбужденно захихикал. Но Зет лишь смотрел на Джея с тем же любопытством — рука лежит поверх приклада, глаза невозмутимые и странно сочувственные, словно говорят: что теперь, пацан? Что теперь? Что теперь?

Джей чувствовал, как глаза горят все сильнее,

будто слезы сделаны из расплавленного свинца, и изо всех сил старался не пустить их на щеки. Он смотрел на осколки радио, мерцающие на камнях, и уговаривал себя, что это не важно. Всего-то старое радио, ничего ценного, не стоит за это рисковать шкурой, но ярость внутри не слушала. Он шагнул к шлюзу, потом обернулся бездумно и изо всех сил съездил по терпеливому, веселому лицу Зета. В тот же миг Самолетики и Бачки бросились на Джея, они колошматили его руками и ногами, но прежде он успел хорошенько врезать Зету под ложечку, и этот удар вышел куда лучше, чем неловкий первый. Зет хрипло взвизгнул и скорчился на земле. Самолетики попытался снова сгрести Джея, но тот стал скользким от пота и умудрился нырнуть под Самолетикову руку. Оскальзываясь на обломках радио, Джей рванул вперед, увернулся от Бачков, скользнул по насыпи и помчался через тропинку к железнодорожному мосту. Кто-то кричал ему вслед, но из-за расстояния и густого местного говора слова были неразличимы, хотя угроза вполне ясна. Забравшись на насыпь, Джей показал трем далеким фигурам средний палец, вытащил велик, спрятанный в подлеске, и в следующий миг уже резво катил обратно в Монктон. Из носа текла

кровь, руки были исцарапаны после нырка в кусты, но мысленно Джей пел победную песнь. Даже ужас от потери радио был временно забыт. Возможно, это дикое, почти волшебное чувство и привело его к Джо в тот день. Позже он говорил себе, что это обычная случайность, что у него на уме ничего такого не было, хотелось только ехать куда глаза глядят, но еще позже подумал, что его вполне могло затащить туда некое безумное предопределение, своего рода зов. Его он тоже почувствовал, безмолвный глас необычайной чистоты и гармонии, и через миг увидел табличку «ПЕРЕУЛОК ПОГ-ХИЛЛ», слегка подсвеченную заревом краснеющего солнца, будто неким образом помеченную, дабы он обратил внимание, и вместо того, чтобы проехать мимо уличного устья, как он делал уже не раз, он остановился и медленно повел велосипед назад, чтобы заглянуть через кирпичную стену, за которой старик резал пьяблоки для вина.

7

Лондон, март 1999 года

Агент, должно быть, почуял его одержимость. На дом поступила заявка, сообщил он. Немного ниже запрашиваемой цены. Договор уже составляют. Но если Джей заинтересован, есть и другие дома. Правду он сказал или солгал, но Джей потерял голову. Только этот дом, настаивал он. Этот дом. Прямо сейчас. Он заплатит наличными, если угодно.

Лаконичный телефонный звонок. Еще один. Беглый французский говорок в трубку. Пока они ждали, кто-то принес кофе и итальянские булочки из кафе через дорогу. Джей пообещал заплатить чуть больше, чем назначено. Он услышал, как голос в трубке повысился на пол-октавы. И выпил caffelatte[21] за их здоровье. Оказалось, купить дом очень просто. Несколько часов подождать, составить пару бумаг, и дом — его. Он перечитал короткий абзац под фотографией, пытаясь перевести слова в камень и известковый

---

[21] Примечания: 21
Кофе с молоком *(ит.).*

раствор. Шато Фудуин. Нереальное, открытка из прошлого. Он попытался представить, как стоит у двери, гладит розовый камень, смотрит через виноградник на озеро. Мечта Джо, смутно сказал он себе, их мечта наконец-то исполнилась. Несомненно, это судьба. Несомненно.

И вот ему снова четырнадцать, он пожирает глазами картинку, гладит ее, то складывает, то снова разворачивает тонкую бумагу. Он хочет показать ее другим. Хочет оказаться там прямо сейчас, пусть бумаги готовы только наполовину. Его банк, его бухгалтер, его поверенные разберутся с формальностями. Подписи не поспевают. Самое главное уже в пути.

Несколько телефонных звонков — и все устроилось. Самолетом в Париж. Поездом до Марселя. Уже завтра он будет там.

8

Пог-Хилл, июль 1975 года

Дом Джо был темным и кривым, мало чем отличался от других домов, что выстроились вдоль железнодорожных путей. Фасад выходил прямо на улицу, дверь от мостовой отделяли только низкая стена да ящик для растений. Тылы — тесные дворики, увешанные бельем, трущобный поселок самодельных кроличьих клеток, курятников и голубятен. Эта сторона выходила на железную дорогу, здесь крутой берег был рассечен надвое, и по выемке шли поезда. Они шли через мост, из сада Джо был виден красный свет семафора, похожий на далекий маяк. Дальний Край тоже был виден и тусклые серые склоны шлаковых гор за полями. Дома, раскиданные как попало вдоль крутой узкой улочки, возвышались над всей территорией Джея. Кто-то пел в соседском саду, судя по голосу — старая леди, голос трогательно подрагивал. Кто-то стучал молотком по дереву, примитивно и успокаивающе.

— Пить хошь? — Джо небрежно кивнул на дом. — Небось не откажешься.

Джей глянул на дом, внезапно вспомнив о своих порванных джинсах и засохшей крови на носу и верхней губе. Во рту пересохло.

— Хочу.

В доме было прохладно. Джей проследовал за стариком в кухню, большую полупустую комнату с голыми деревянными половицами и большим сосновым столом, испещренным шрамами, оставленными множеством ножей. Занавесок не было, зато весь подоконник был уставлен стройными зелеными ростками, буйной защитой от солнечного света. Приятный, землистый запах растений наполнял кухню.

— Это мои помидорки, — сообщил Джо, открывая кладовку, и Джей и вправду заметил в пышной листве помидоры — маленькие желтые, большие красные, неправильной формы, и полосатые рыже-зеленые, как лягушачьи шарики.

В горшках на полу жили другие растения, тянулись вдоль стен, обвивали дверной косяк. В стороне — деревянные ящики с овощами и фруктами, аккуратно уложенными, чтоб не попортить.

— Очень милые, — сказал он из вежливости. Джо иронически посмотрел на него.

— Чтоб они росли, надо с ними говорить. И

щекотать, — добавил он, указывая на длинную палку, прислоненную к голой стене. На конце палки болтался кроличий хвостик. — Это моя палка-щекоталка, ясно? Помидорки ужасно боятся щекотки.

Джей тупо смотрел на него.

— Похоже, попал ты в переплет, — сказал Джо, открывая дверь в дальнем углу, за которой оказалась большая кладовка. — Подрался небось.

Джей сдержанно рассказал. Когда он дошел до того, как Зет разбил радио, голос дал петуха, зазвучал по-детски, зазвенел слезами. Джей умолк и густо покраснел.

Джо как будто ничего не заметил. Он залез в кладовку и достал бутылку темно-красной жидкости и пару стаканов.

— Выпей-ка, — посоветовал он, наполняя стакан.

Пахло фруктами, но незнакомо, дрожжами, как пиво, но обманчиво сладко. Джей подозрительно уставился на жидкость.

— Это вино? — с сомнением спросил он. Джо кивнул.

— Ежевичное, — сказал он, выпив свою порцию с явным удовольствием.

— Мне, наверное, не стоит… — начал Джей, но

Джо нетерпеливо сунул ему стакан.

— Попробуй, сынок, — велел он. — Раскрась жизнь новыми красками.

Джей попробовал.

Джо стучал его по спине, пока Джей не перестал кашлять, но прежде осторожно вынул стакан из пальцев, чтобы мальчик не пролил драгоценную жидкость.

— Ну и гадость! — выдавил Джей в промежутках между приступами кашля.

На вкус это походило на что угодно, только не на вино. Он пил вино прежде — родители частенько наливали ему вина за едой, и он успел полюбить кое-какие приторные белые немецкие вина, — но ничего подобного никогда не пробовал. Оно походило на землю, и болотную воду, и прокисшие от старости фрукты. Танин налетом осел на языке. Горло жгло. Глаза слезились.

Джо, кажется, сильно обиделся. Потом рассмеялся.

— Крепковато для тебя, а?

Джей кивнул, продолжая кашлять.

— Мог бы и догадаться, — весело сказал Джо, отворачиваясь к кладовке. — Пожалуй, к нему сперва попривыкнуть надо бы. Но в нем есть искусство, — нежно добавил он, осторожно воз-

вращая бутылку на полку. — А это главное.

Он обернулся, на этот раз с бутылкой «Желтого лимонада Бена Шоу» в руке.

— Пожалуй, лучше пока выпей это, — сказал он, наливая полный стакан. — А до остального скоро дорастешь.

Он вернул бутылку на полку, помедлил, посмотрел на Джея.

— Может, у меня кое-что есть и для другой твоей беды, если хошь, конечно, — сказал он. — Пойдем.

Джей понятия не имел, что старик собирается ему дать. Может, уроки кунфу, или базуку, оставшуюся с какой-нибудь войны, или гранаты, или зулусское копье, приобретенное в странствиях, или особый непобедимый удар с лёта, показанный тибетским гуру (работает безотказно). Вместо этого Джо повел его в крыло дома, где из камня торчал гвоздь, а на гвозде висел красный фланелевый мешочек. Старик снял мешочек, мельком понюхал содержимое и протянул Джею.

— Бери, — сказал Джо. — Еще немного протянет. Попозжее сварганю нам свежий.

Джей уставился на него.

— Что это? — наконец спросил он.

— Носи с собой, и все дела, — сказал Джо. — В

кармане, если хошь, или на шнурке. Вот увидишь. Поможет.

— Что в нем?

Джей смотрел на Джо во все глаза, будто старик свихнулся. Подозрения, на время забытые, вспыхнули вновь.

— Да так, то да се. Сандаловое дерево. Лаванда. Верховного Джона Завоевателя[22] чуток. Этому трюку я у одной леди с Гаити выучился, много лет назад. Каждый раз помогает.

Ну точно, решил Джей. Старик определенно рехнулся. Безобидный — хотелось бы верить, — но сумасшедший. Джей беспокойно обернулся на закуток сада и задумался, успеет ли добежать до стены, если старик начнет буянить. Джо лишь улыбнулся.

— Попробуй, — настойчиво сказал он. — Носи в кармане. Скоро вообще про него забудешь.

Джей решил ему подыграть.

— Ладно. И что он умеет делать?

Джо снова улыбнулся.

— Может, и ничего.

— Но как я пойму, сработал он или нет? — уперся Джей.

---

[22] Примечания: 22

Корень растения Ipomoea jalapa, обладающий, согласно афро-американскому фольклору, магическими свойствами.

— Поймешь, — беззаботно заверил его Джо. — Когда снова пойдешь на Дальний Край.

— Я больше не могу туда ходить, — отрезал Джо. — Эти парни…

— Значит, оставишь им свой сундучок с сокровищами?

Он был прав. Джей почти позабыл про коробку с сокровищами, до сих пор спрятанную в тайном месте за расшатанным камнем. Внезапная тревога почти вытеснила из сознания тот факт, что он совершенно точно не обмолвился Джо о коробке.

— Я мальчонкой часто туда ходил, — любезно пояснил старик. — В углу шлюза был расшатанный камень. Он все еще там, а?

Джей уставился на него.

— Как вы узнали? — прошептал он.

— Чего узнал? — чересчур простодушно переспросил Джо. — О чем ты? Я обычный шахтер. Я ничего не знаю.

Джей не вернулся к каналу в тот день. Он был слишком озадачен, в голове теснились драки, сломанные радиоприемники, гаитянское колдовство и ясные, смеющиеся глаза Джо. Джей сел на велик и медленно проехал по железнодорожному мосту раза три или четыре; сердце колотилось, он пытался набраться смелости и взобраться по

склону. В конце концов он отправился домой, подавленный и разочарованный, ликование испарилось. Он представлял, как Зет с дружками перебирают его сокровища, разражаются вульгарным смехом, разбрасывают комиксы и книги, набивают рты конфетами и шоколадками, распихивают деньги по карманам. Но хуже всего, что там остались его блокноты, его рассказы и стихи. Наконец он приехал домой — челюсти сводило от злобы, — посмотрел «Субботний вечер в кинотеатре»[23] и лег в постель, забывшись поздним, беспокойным сном, в котором все время убегал от невидимого врага и смех Джо звенел у него в ушах.

Назавтра он решил остаться дома. Красный фланелевый мешочек молчаливым вызовом лежал на тумбочке. Джей игнорировал его и пытался читать, но лучшие комиксы остались в коробке с сокровищами. Отсутствие радио наполняло воздух враждебной тишиной. На улице сияло солнце, а ветра было ровно столько, чтобы воздух не обжигал. День обещал стать прекраснейшим днем лета.

В каком-то оцепенении он доехал до моста. Он

---

[23] Примечания: 23

Канадский телесериал, представляющий классические фильмы в сопровождении интервью с участниками съемок.

не собирался ехать сюда, и даже когда катил к городу, глубоко внутри знал, что должен развернуться, поехать другой дорогой, оставить канал Зету и его банде — теперь это их территория. Возможно, он зайдет к Джо — тот не предлагал заходить, но и держаться подальше не велел, словно присутствие Джея было ему безразлично, — а может, заскочит в газетный киоск и купит курева. В любом случае он определенно не собирался возвращаться к каналу. Он повторял это, пряча велик в знакомых зарослях кипрея, повторял, взбираясь по склону. Только дураки наступают дважды на одни грабли. Красный фланелевый мешочек Джо лежал в кармане джинсов. Джей чувствовал его — мягкий мячик не больше скомканного носового платка. Он гадал, как мешочек с травой ему поможет. Джей открыл его накануне вечером, высыпал содержимое на тумбочку. Несколько веточек, какая-то коричневатая пыль и кусочки чего-то ароматного, серо-зеленого — вот и все. А ведь он почти ожидал увидеть сушеные головы. Это всего лишь шутка, отчаянно твердил себе Джей. Старик пошутил. Но упрямая его часть, которая отчаянно хотела верить, так просто не сдавалась. А вдруг в мешочке все же есть волшебство? Джей представил, как держит

амулет в вытянутой руке, звенящим голосом плетет волшебное заклинание, Зет и его приятели съеживаются… Мешочек уютно давил на бедро, словно рука успокаивала. Сердце екнуло; Джей начал спускаться к каналу. Как знать, может, он никого и не встретит.

Снова ошибся. Он крался по тропе, держась в тени деревьев, кроссовки тихо ступали по выжженной желтой земле. Его трясло от адреналина, он готов был сорваться с места от малейшего шороха. Птица шумно выпорхнула из своего камышового ложа, когда он шел мимо, и он замер, уверенный, что всполошились все на мили вокруг. Ничего. Джей уже почти добрался до шлюза, он видел то место на склоне, где была спрятана коробка с сокровищами. Осколки пластика валялись на камнях. Он опустился на колени, сдвинул дерн с камня и потащил.

Он думал о них так долго, что мгновение сомневался, взаправду ли слышит их голоса. Но теперь он видел за кустами их смутные тени, они приближались с той стороны канала, где была зольная яма. Бежать слишком поздно. Полминуты, не больше, и они обнаружат его укрытие. Тропинка слишком широка здесь, слишком далека от моста. Миг-другой — и он будет у них как

на блюдечке.

Джей понял, что есть лишь одно место, где можно спрятаться. Сам канал. Он почти высох, не считая лужиц, зарос камышом, забился мусором и столетним илом. Небольшая плотина возвышалась над ним фута на четыре, вполне можно спрятаться, хотя бы на время.

Конечно, едва они выйдут на плотину, или вернутся на тропу, или нагнутся, чтобы рассмотреть что-нибудь на поверхности грязной воды…

Но времени думать об этом не было. Не поднимаясь с колен, Джей скользнул в канал, одновременно впихнув на место коробку с сокровищами. Мгновение ноги утопали в грязи без сопротивления, потом он коснулся дна, по щиколотки увязнув в иле. Ил затек в кроссовки и просочился между пальцев. Не обращая внимания, Джей припал к земле, стараясь стать как можно меньше; трава щекотала лицо. Инстинктивно он поискал взглядом оружие: камни, жестянки, все, что можно кинуть. Если его заметят, внезапность будет единственным его преимуществом.

Он забыл об амулете Джо в кармане. Тот умудрился вывалиться, когда Джей скорчился, и мальчик автоматически подобрал его, внезапно устыдившись. Как мог он поверить, что мешочек

с листьями и веточками сумеет его защитить? Почему ему так хотелось в это верить?

Они были совсем уже близко, футах в десяти. Он слышал, как грохочут их башмаки. Кто-то со всей дури кинул бутылку или банку на камни; она взорвалась, и Джей вздрогнул, когда осколки стекла градом посыпались на его голову и плечи. Решение спрятаться у них под ногами теперь казалось нелепым, самоубийственным. Им достаточно глянуть вниз — и он окажется в полной их власти. Он мог сбежать, горько говорил он себе, сбежать, пока еще была возможность. Шаги приближались. Девять футов. Восемь. Семь. Джей вжался щекой во влажные камни стены, стараясь стать стеной. Амулет Джо отсырел от пота. Шесть футов. Пять футов. Четыре.

Голоса — Бачков и Самолетиков — звучали убийственно близко.

— Как по-твоему, он вернется?

— Да хрен там, пацан. Он, блин, тогда покойник.

«Обо мне, — как во сне подумал Джей. — Они говорят обо мне».

Три фута. Два фута.

Голос Зета, почти равнодушный, холодный, угрожающий:

— Ничё, подожду.

Два фута. Фут. Тень упала на него, пригвоздив к земле. Волосы на затылке зашевелились. Парни смотрели вниз, разглядывали канал, и он не осмеливался поднять голову, хотя необходимость знать была как нестерпимый зуд, как крапивница рассудка. Он чувствовал их взгляды затылком, слышал хриплое прокуренное дыхание Зета. Еще мгновение — и он не выдержит. Он должен поднять голову, должен посмотреть…

Камень плюхнулся в лужицу грязи футах в двух от него. Джей видел это уголком глаза. Еще камень. Плюх!

Наверное, они его дразнят, отчаянно подумал он. Они заметили его и теперь тянут время, давясь гадким смехом, молча подбирая камни и комья грязи, чтобы кинуть в него. А может, Зет вскинул воздушку, глядит задумчиво…

Но ничего такого не произошло. В тот самый миг, когда Джей собрался поднять голову, он услышал, как шаги удаляются прочь. Еще один камень плюхнулся в грязь и заскользил к нему; Джей вздрогнул. Потом услышал лениво затухающие голоса: парни шагали к зольной яме, кто-то что-то говорил, мол, поискать бутылки да пострелять по мишеням.

Он ждал, оставаясь неподвижным. Это уловка, сказал он себе, трюк, чтобы заставить его вылезти из укрытия, они не могли не заметить его. Но голоса уходили все дальше, за плотину, слабели, пока их владельцы шли по заросшей тропе к зольной яме. Далекий треск винтовки. Смех из-за деревьев. Не может быть. Они должны были его заметить. Но почему-то…

Джей осторожно вытащил коробку с сокровищами. Амулет почернел от его пота. Он работает, изумленно сказал себе Джей. Невероятно, но он работает.

9

Лондон, март 1999 года

— Даже самый скучный и неинтересный герой, — сказал он своим студентам-вечерникам, — станет больше похож на человека, если подарить ему любимое существо. Ребенка, возлюбленного или хотя бы собаку.

«Если, конечно, вы не пишете фантастику, — подумал он и внезапно осклабился, — в этом случае вполне достаточно выкрасить ему глаза в желтый цвет».

Он примостился на столе рядом с разбухшей сумкой, борясь с настоятельным желанием потрогать ее, открыть. Студенты благоговейно глазели на него. Кое-кто делал заметки. «Или, — усердно записывали они, напряженно стараясь не пропустить ни единого слова, — или… хотя бы… собаку».

Он учил их по настоянию Керри, смутно недолюбливая за тщеславие и слепое повиновение правилам. Пятнадцать человек, почти все в неизменном черном; серьезные молодые люди и пылкие юные девушки, с короткими стрижками

и кольцами в проколотых бровях, но с аристократическим произношением. Одна девушка — настолько похожая на Керри пять лет назад, что они могли бы быть сестрами, — читала вслух свой рассказ, упражнение, словесный портрет чернокожей матери-одиночки, живущей в квартире в Шеффилде. Джей теребил брошюру «Избавлений» в кармане и пытался слушать, но голос девицы был не более чем бубнежом, довольно неприятным, назойливым осиным жужжанием. Время от времени Джей кивал, делая вид, что ему интересно. Он до сих пор был слегка под хмельком.

Со вчерашней ночи мир будто слегка сдвинулся, навелся на резкость. Будто нечто, на что Джей годами смотрел, не видя, внезапно совершенно прояснилось.

Девица бубнила. Читая, она хмурилась и маниакально пинала ножку стола. Джей подавил зевок. Она так усердна, сказал он себе. Усердна и довольно омерзительна в своем самопоглощении, словно подросток, давящий прыщи. Она вставляла «блядь» в каждое предложение — очевидно, в поисках жизненной правды. Джею хотелось смеяться. Она произносила «блиадь».

Он знал, что не пьян. Он допил бутылку много

часов назад — и даже тогда был практически трезв. После всех дел он решил пропустить урок, но все же пошел, внезапно придя в ужас от мысли о возвращении в дом, где вещи Керри встретят его безмолвным упреком. «Убиваю время, — мысленно сказал он себе. — Убиваю время». Вину Джо вообще-то пора выветриться, и все-таки Джей до сих пор был странно навеселе. Будто нормальный порядок вещей приостановился на день, своего рода нечаянный выходной. Может, он слишком много думал о Джо. Воспоминания накатывали одно за другим, он давно потерял им счет, словно в бутылке было не вино, но время, что раскручивалось струйкой дыма, подобно джинну из прокисшего осадка, изменяя его, заставляя его… что? Сходить с ума? Или, наоборот, трезво мыслить? Он не мог сосредоточиться. Ретростанция, неизменно настроенная на те давние летние дни, бесцельно пульсировала в подсознании. Ему словно опять тринадцать, и голова набита мечтами и фантазиями. Сидит на уроке и вдыхает запахи лета, плывущие через окно, а переулок Пог-Хилл — рукой подать, за углом, и вязкое тиканье часов отмеряет время до конца уроков.

Но он же теперь учитель, вспомнил он. Учитель, который ждет не дождется конца занятий. А

ученики страстно жаждут продлить их, впитать каждое бессмысленное слово. В конце концов, он, Джей Макинтош, — человек, который написал «Три лета с Пьяблочным Джо». Писатель, который никогда не писал. Учитель, которому нечему учить.

Подумав так, он расхохотался.

Должно быть, что-то в воздухе, решил он Дуновение веселящего газа, аромат дальних странствий. Бубнящая девица сбилась, замолкла — а может, уже дочитала — и уставилась на него с безмолвным упреком. Она так походила на Керри, что он не удержался и снова захохотал.

— Сегодня я купил дом, — внезапно сказал он.

Они молча смотрели на него. Юноша в байроновской рубашке старательно записал: «Сегодня… я купил… дом».

Джей вытащил брошюру из кармана и снова посмотрел на нее. Она измялась и запачкалась оттого, что он все время ее теребил, но при виде снимка сердце его екнуло.

— Ну, не совсем дом, — поправился он. — *Шатто.* — Он снова засмеялся. — Так его называл Джо. Его шатто в Бордо.

Он открыл брошюру и зачитал описание. Студенты покорно внимали. Байроновская Рубашка

конспектировал.

— «Шато Фудуин, Ло и Гаронна. Ланскне-су-Танн. Это подлинное шато восемнадцатого века в сердце самого известного винодельческого региона Франции включает в себя виноградник, фруктовый сад, озеро и обширные неокультуренные земли, а также гараж, винокурню в рабочем состоянии, пять спален, приемную, гостиную и подлинные дубовые стропильные балки. Возможна перестройка». Конечно, мне пришлось заплатить немного больше, чем пять тысяч фунтов. С тысяча девятьсот семьдесят пятого цены выросли.

Секунду Джей гадал, многие ли из них уже хотя бы родились в семьдесят пятом. Они молча смотрели на него, пытаясь понять.

— Прошу прощения, доктор Макинтош, — встряла девица — она так и не села и сейчас глядела на него довольно агрессивно. — Вы не могли бы объяснить, как это связано с моим заданием?

Джей снова засмеялся. Внезапно все показалось ему забавным, нереальным. Можно выкинуть все, что угодно, сказать что угодно. Норма на время забыта. Он сказал себе, что именно таким и должно быть опьянение. Оказывается, все эти

годы он напивался совершенно неправильно.

— Конечно. — Он улыбнулся ей. — Это, — он поднял брошюру, чтобы всем было видно, — это самый оригинальный и выразительный художественный текст, который я видел с начала семестра.

Тишина. Даже Байроновская Рубашка оторвался от конспекта и уставился на него, открыв рот. Джей широко улыбнулся классу, ища отклика. Все тщательно следили за собственными лицами.

— Что вы тут делаете? — внезапно поинтересовался он. — Чему вы надеялись научиться на этих уроках?

Он старался не засмеяться над их шокированными лицами, над их благовоспитанным потрясением. Он чувствовал себя моложе любого из них, провинившимся учеником перед полной комнатой косных, педантичных учителей.

— Вы молоды. У вас богатое воображение. За каким хреном вы пишете о чернокожих матерях-одиночках и наркоманах из Глазго и лепите куда попало слово «блиадь»?

— Но, сэр, вы дали задание.

Агрессивная девица не сдавалась. Она сверлила его взглядом, сжимая отвергнутое задание тонкими пальцами.

— К черту задание! — весело вскричал он. — Вы пишете не потому, что кто-то дает задания! Вы пишете потому, что не можете не писать, или потому, что надеетесь — вас кто-то услышит, или чтобы починить то, что внутри вас сломалось, или вернуть что-то к жизни…

Дабы подчеркнуть свои слова, он хлопнул по тяжелой разбухшей сумке на столе, и та брякнула друг о друга бутылками — безошибочно узнаваемый звон. Кое-кто из студентов переглянулся. Джей вновь повернулся к классу, уже почти в бреду.

— Где волшебство, я вас спрашиваю? — поинтересовался он. — Где ковры-самолеты, и гаитянское вуду, и одинокие стрелки, и обнаженные леди, привязанные к железнодорожным путям? Где индейские следопыты, и четверорукие богини, и пираты, и гигантские обезьяны? Где, черт побери, космические пришельцы?

Повисла долгая пауза. Студенты глазели. Девица вцепилась в свое задание так крепко, что страницы смялись в кулаке. Лицо ее побелело.

— Да вы пьяны, верно? — Ее голос дрожал от ярости и отвращения. — Вот почему вы так со мной поступаете. Вы наверняка пьяны.

Джей снова засмеялся.

— Перефразируя не помню кого — Черчилля, кажется, — я-то просплюсь, а ты наутро так и будешь уродиной.

— Блядь! — кинула она ему в лицо, на сей раз произнеся слово правильно, и прошествовала к двери. — Иди ты в задницу со своими уроками! Я все расскажу декану!

Ее уход почтили секундой молчания. Потом начались шепотки. Комнату затопило ими. Мгновение Джей сомневался, реальные ли это звуки или существуют лишь у него в голове. Сумка звенела и лязгала, крутилась и вертелась. Звук, воображаемый или нет, плыл над комнатой.

Затем Байроновская Рубашка встал и захлопал.

Несколько студентов опасливо посмотрели на него и присоединились. Потом еще несколько. Вскоре половина класса стояла и большинство хлопали. Они хлопали, когда Джей подхватил свою сумку, повернулся к двери, открыл ее, вышел и очень бережно закрыл за собой. Потом хлопки увяли, и недоуменно загудели голоса. В сумке звенели, стукались друг о друга бутылки. Подле меня, закончив свой труд, «Особые» выбалтывали свои секреты.

10

Пог-Хилл, июль 1975 года

После этого он часто бывал у Джо, хотя так и не полюбил его вино. Джо не удивлялся его приходу, а просто лез за бутылкой лимонада, словно ждал его. И про амулет не спрашивал. Джей пару раз закинул удочку со скептицизмом человека, который втайне хочет, чтобы его убедили, но старик был уклончив.

— Волшебство, — сказал он и подмигнул, намекая, что шутит. — Выучился у одной леди из Пуэрто-де-ла-Круса[24].

— Ты же, кажется, говорил про Гаити, — перебил его Джей.

Джо пожал плечами.

— Какая разница? — спокойно сказал он. — Сработало ведь?

Джею пришлось признать, что да, сработало. Но ведь это всего лишь травы, верно? Травы и веточки, завернутые в тряпочку. И все же они сделали его…

---

[24] Примечания: 24
Город на Тенерифе, крупнейшем из Канарских островов.

Джо усмехнулся.

— Нет, сынок. Не невидимым.

Он сдвинул козырек кепки с глаз.

— А каким?

Джо пристально посмотрел на него.

— Некоторые растения обладают особыми свойствами, так? — спросил он.

Джей молча кивнул.

— Аспирин. Дигиталис. Хинин. В старину их назвали бы волшебством.

— Лекарством.

— Как скажешь. Но пару сотен лет назад никакой тебе разницы не было между магией и медициной. Люди просто знали что-то. Верили во что-то. Например, что гвоздика унимает зубную боль, болотная мята лечит ангину, а ветки рябины отгоняют злых духов. — Он глянул на мальчика, словно проверяя, не смеется ли тот. — Свойства, — повторил он. — Много узнаешь, путешествуя, если глаз не закрывать.

Джей никогда не понимал, взаправду ли Джо верит, или его беззаботное приятие магии — часть тщательно разработанного плана по ошеломлению мальчика. Конечно, старик любил пошутить. Вопиющее невежество Джея во всем, что связано с садоводством, забавляло Джо, и несколько

недель он позволял парню верить, что невинный лемонграсс в действительности представляет собой макаронное дерево — показывал ему мягкие бледные ростки «спагетти» меж тонких, как бумага, листьев — или что гигантские борщевики могут вытаскивать корни из земли и ходить, как триффиды[25], и даже что мышей можно поймать на валериану. Джей был доверчив, и Джо развлекался, изобретая все новые способы его подловить. Но кое в чем он был искренним. Возможно, годами убеждая других, он со временем поверил в свои выдумки сам. Его жизнью управляли крошечные ритуалы и суеверия, многие из которых происходили из потрепанного экземпляра «Травника» Калпепера[26], который Джо хранил под подушкой. Он щекотал помидоры, чтобы они росли. Не выключал радио, заявляя, что растения крепнут от музыки. Предпочитал «Радио-1»[27] — утверждал, что лук-порей вырастает на два дюйма после каждого «По заявкам

[25] Примечания: 25

Вымышленные хищные растения, персонажи романа «День триффидов» Джона Уиндема.

[26] Примечания: 26

«Полный травник» Николаса Калпепера, английского ботаника, травника, медика и астролога XVII в.

[27] Примечания: 27

Одна из основных программ Би-би-си, передающая поп-музыку.

детей» Эда Стюарта, — и неизменно включал его, работая в саду, и подпевал «Королеве диско» или «Будь рядом с мужем»[28]; старческий проникновенный голос торжественно взмывал над кустами красной смородины, пока Джо разрыхлял и обрезал. Сажал он только на новую луну, а собирал — на полную. В теплице висел лунный календарь, и каждый день был помечен дюжиной разноцветных чернил: коричневые обозначали картошку, желтые — пастернак, оранжевые — морковь. Полив также производился по астрологическому расписанию, как и обрезка и рассадка деревьев. Как ни странно, от такого эксцентричного обращения сад процветал, красуясь стройными, крепкими рядами капусты и репы, сладкой, сочной, загадочным образом избавленной от слизняков моркови, деревьев, чьи ветки заметно пригибались к земле под весом яблок, груш, слив, вишен. Яркие знаки, по виду восточные, были скотчем примотаны к веткам — якобы чтобы птицы не клевали фрукты. Астрологические символы, старательно выложенные из черепков и осколков цветного стекла на гра-

[28] Примечания: 28

«Disco Queen», песня из альбома «Discomania» британской поп-рок-группы «Hot Chocolate»; «Stand by Your Man», песня Билли Шеррилла и Тэмми Уайиетт, в 1975 г. ставшая хитом в Британии.

вийных дорожках, ограждали клумбы. В саду Джо китайская медицина браталась с английским фольклором, а химия — с мистицизмом. Джей вполне мог и поверить. Разумеется, Джей верил. В тринадцать поверишь во что угодно. Будничное волшебство, называл это Джо. Любительская алхимия. Никакой суеты, никаких фейерверков. Лишь смесь вершков и корешков, собранных при удачном расположении планет. Пробормотанное заклинание, нарисованный в воздухе знак, в странствиях подсмотренный у цыган. Может, ни во что прозаичнее Джей не поверил бы. Но, несмотря на его веру — а может, благодаря ей, — было в Джо нечто удивительно мирное, некий внутренний покой, что окружал его и наполнял мальчика любопытством и своего рода завистью. Джо казался таким безмятежным, жил один в своем домике, в окружении растений, и все же обладал поразительным умением удивляться и восторженно любоваться миром. Образования у него, считай, не было, в двенадцать лет бросил школу и пошел в шахту, и все же он бесконечно извергал знания, байки и фольклор.

Лето шло, и Джей навещал Джо все чаще. Тот никогда не задавал вопросов, но позволял Джею говорить, пока работал в саду или на незаконных

посевах на насыпи, время от времени кивал, давая понять, что все слышит, что слушает. Они перекусывали фруктовым пирогом и толстыми сэндвичами с яйцом и беконом — диетических хлебцев для Джо не существовало — и пили крепкий сладкий чай из кружек. Время от времени Джей приносил сигареты и конфеты или журналы, и Джо принимал эти дары без особой благодарности или удивления, в точности как само присутствие мальчика. Немного освоившись, Джей даже почитал ему свои рассказы — Джо выслушал в торжественном и, как показалось Джею, благосклонном молчании. Когда Джею не хотелось говорить, Джо рассказывал о себе, о работе в шахте, о том, как отправился во Францию на войну и полгода куковал в Дьеппе, пока граната не оторвала ему два пальца на руке — при этом изуродованная конечность извивалась, точно шустрая морская звезда, — и как потом, негодный к строевой, он еще шесть лет провел в шахте, пока не уплыл в Америку на сухогрузе.

— Потому как из-под земли мир особо не увидишь, сынок, а мне ужасно хотелось глянуть, как оно там в других краях. А ты много путешествовал?

Джей рассказал ему, что два раза был во Фло-

риде с родителями и по разу — на юге Франции, на Тенерифе и в Алгарви[29] на каникулах. Джо презрительно фыркнул:

— Я ж про настоящие путешествия, сынок. Не про всякую чушь из туристских брошюр. Парижский Новый мост ранним утром, когда никого нету, одни бродяги выползают из-под мостов и из метро, а солнце отражается в воде. Нью-Йорк, Центральный парк весной. Рим. Остров Вознесения[30]. Перебраться через итальянские Альпы на ослике. Уплыть с Крита на каике зеленщика. Пересечь Гималаи пешком. Есть рис с листьев в храме Ганеши. Попасть в шторм у берегов Новой Гвинеи. Встретить весну в Москве, когда целая зима собачьего говна из-под талого снега лезет. — Его глаза сверкали. — Я все это видал, сынок, — мягко сказал он. — И много чего еще. Я себе поклялся, что увижу все.

Джей верил ему. Карты путешествий висели на стенах, старательно подписанные неровным почерком и утыканные булавками с цветными головками, отмечающими места, где Джо побы-

---

[29] Примечания: 29

Историческая область на юге Португалии.

[30] Примечания: 30

Вулканический остров в центральной части Атлантического океана; принадлежит Великобритании.

вал. Он травил байки о борделях Токио и храмах Таиланда, о райских птицах, баньянах и стоячих камнях на краю земли. В большом комоде для пряностей у кровати хранились миллионы семян, аккуратно завернутые в квадратики газетной бумаги и помеченные мелко и разборчиво: tuberosa rubra maritima, tuberosa panax odorata, тысячи и тысячи картофельных семян, разложенных по полочкам, а еще семена моркови, тыквы, томатов, артишоков, лука-порея — одного лука сотни три сортов; шалфей, тимьян, сладкий бергамот и поразительный, драгоценный запас лекарственных трав и овощей, собранный в путешествиях, — все подписаны, упакованы и готовы к посадке. Некоторые из этих растений в диком виде уже не встречаются, сказал Джо, их свойства забыты всеми, кроме кучки знатоков. Из миллионов когда-то существовавших овощей и фруктов ныне выращивают дай бог пару дюжин.

— Это все ваше интенсивное земледелие, — говаривал он, опершись на лопату, чтобы отхлебнуть чая из кружки. — Специализация убивает разнообразие. К тому же людям разнообразие не нужно. Они хотят, чтобы все было одинаковое. Помидоры — красные и круглые, неважно, что есть желтые и длинные, которые в сто раз

вкуснее, если рискнуть их попробовать. Красные лучше смотрятся на полках.

Он неопределенно обвел рукой посевы, стройные ряды овощей, взошедших на насыпи, самодельные холодные парники в бесхозной сигнальной будке, фруктовые деревья, опирающиеся на стену.

— Тут такое растет, чего не найдешь во всей Англии, — тихо произнес он, — а в комодике моем есть такие семена, что не найдешь во всем белом свете.

Джей благоговейно слушал. Он никогда прежде не интересовался растениями. Он едва ли сумел бы сказать, чем «Грэнни Смит» отличается от «Ред делишес»[31]. Картошку он, разумеется, видел и прежде, но разговоры Джека о голубых пьяблоках и розовых ельяблоках выходили за рамки его опыта. Мысль о том, что здесь прячется тайна, что загадочные, забытые вещи растут прямо тут, на насыпи, и старик — их единственный хранитель, воодушевляла Джея — он и не подозревал, что такое возможно. Конечно, отчасти в этом был повинен Джо. Его рассказы. Его воспоминания. Его сила. Джей начал видеть в Джо то, чего ни

[31] Примечания: 31

Популярные американские сорта яблок: «Грэнни Смит» — зеленые, «Ред делишес» — красные.

в ком еще не встречал. Призвание. Целеустремленность.

— Почему ты вернулся, Джо? — спросил он как-то раз. — Ты столько ездил по миру. Зачем ты вернулся сюда?

Джо серьезно выглянул из-под козырька своей шахтерской кепки.

— Это часть моего плана, сынок, — сказал он. — Я ж не навсегда вернулся. Когда-нибудь снова уеду. Когда-нибудь. Очень скоро.

— Куда?

— Сейчас покажу.

Он полез в спецовку и достал потертый кожаный бумажник. Открыв его, развернул фотоснимок, вырезку из цветного журнала, очень осторожно, чтобы тот не разъехался по побелевшим сгибам. На снимке был дом.

— Что это?

Джей сощурился на картинку. Ничего особенного, большой дом из выцветшего розоватого камня, перед ним длинная полоса земли, где стройными рядами что-то растет. Джо разгладил листок.

— Мое шатто, сынок, — сказал он. — В Бордо, вот где, во Франции. Мое шатто с виноградником и столетним фруктовым садом, а там персики

растут, миндаль, яблоки и груши. — Его глаза лучились. — Вот только деньжат поднакоплю, куплю его — пяти тыщ хватит — и сделаю лучшее вино на всем юге, во как. «Шатто Кокс, 1975». Ну как, звучит?

Джей глядел на него с сомнением.

— Солнце светит в Бордо круглый год, — весело продолжал Джо. — Апельсины в январе. Персики с крикетный мяч. Оливы. Киви. Миндаль. Дыни. И простор. Целые мили фруктовых садов и виноградников, земля дешевле грязи. Земля как фруктовый пирог. Хорошенькие девочки давят виноград босыми ногами. Рай.

— Пять тысяч фунтов — это очень много, — с сомнением сказал Джей.

Джо постучал пальцем по носу.

— Разберусь, — загадочно произнес он. — Если чего хочешь по-настоящему, рано или поздно получишь.

— Но ты даже по-французски не говоришь.

В ответ Джо внезапно разразился потоком непонятной тарабарщины, не похожей ни на один язык, который Джей слышал.

— Джо, я учу французский в школе, — сообщил он. — Это совсем не…

Джо снисходительно посмотрел на него.

— Это диалект, сынок, — пояснил он. — Выучился у цыганского табора в Марселе. Мне там самое место, это уж как пить дать.

Он аккуратно сложил картинку и убрал в бумажник. Джей благоговейно таращился на него, полностью убежденный.

— Погодь, потом сообразишь, о чем это я, сынок, — сказал Джо. — Погодь только чуток.

— Можно с тобой? — спросил Джей. — Возьмешь меня?

Джо старательно подумал, склонив голову к плечу.

— Это можно, сынок, если хошь. Можно, ага.

— Обещаешь?

— Заметано. — Он усмехнулся. — Обещаю. Кокс и Макинтош, лучшие виноделы в Бордо, во как. Неплохо, а?

Они выпили за его мечты теплого «Ежевичного 1973».

11

Лондон, весна 1999-го

Джей приехал в «Спайс» лишь к десяти, когда вечеринка была уже в самом разгаре. Опять Керри спускает литератора на воду, уныло подумал он. Скучающие журналисты, дешевое шампанское, и пылкие юные существа ходят на задних лапках перед blase[32] стариками вроде него самого. Керри никогда не уставала от подобных мероприятий, сыпала именами, как конфетти: Жермен, и Уилл, и Эван, — порхала от одного важного гостя к другому с пылом верховной жрицы. Джей только сейчас понял, как страстно ненавидит все это.

Заскочив домой на пару минут, кое-что взять, он увидел, что красный огонек на автоответчике яростно мигает, но слушать сообщение не стал. Бутылки в сумке вели себя очень тихо. Теперь брожение шло только в Джее: он дрожал и трясся, сейчас навеселе, через мгновение вот-вот разрыдается, рылся в своих пожитках, точно вор,

---

[32] Примечания: 32
Пресыщенными *(фр.).*

боялся, что, если остановится хоть на секунду, утратит движущую силу и вяло плюхнется обратно в старую жизнь. Он включил радио, и да, там опять была ретростанция, Род Стюарт пел «Под парусами», Джо ее очень любил — «напоминает мне о странствиях, сынок», — и Джей слушал ее, запихивая одежду в сумку поверх безмолвных бутылок. Забавно, со сколь немногими вещами он не в состоянии расстаться. Пишущая машинка. Неоконченная рукопись «Отважного Кортеса». Несколько любимых книг. Само радио. И конечно, «Особые» Джо. Еще один импульс, сказал он себе. Вина бесполезны, их почти невозможно пить. И все же не отпускало ощущение, что в бутылках прячется нечто нужное. То, без чего ему не обойтись.

«Спайс» мало чем отличался от других лондонских клубов. Имена меняются, меняется интерьер, но сами заведения остаются неизменными — глянцевыми, шумными и бездушными. К полуночи большинство гостей оставят попытки прикинуться интеллектуалами и возьмутся за дела посерьезнее — выпивку, флирт и оскорбление конкурентов. Вылезая из такси с сумкой через плечо и единственным чемоданом в руке, Джей сообразил, что забыл приглашение. После

перебранки со швейцаром ему, впрочем, удалось передать весточку Керри, и та выскочила через несколько минут с поджатыми губами в платье от «Гоуст».

— Все в порядке, — бросила она швейцару. — Просто он ни на что не годится, только и всего.

Ее зеленые глаза хлестнули по Джею, отметив джинсы, плащ, сумку.

— Смотрю, «Армани» ты не надел, — подколола она.

Эйфория наконец-то прошла, оставив какое-то смутное похмелье, но Джей с удивлением понял, что решимость не испарилась. Прикосновение к сумке как будто успокаивало, и Джей коснулся ее, будто хотел убедиться в ее реальности. Бутылки тихонько звякнули под парусиной.

— Я купил дом. — Джей предъявил мятую брошюру. — Смотри. Это шато Джо, Керри. Я купил его сегодня утром. Я его узнал.

Под этим пристальным зеленым взглядом он казался себе до нелепого инфантильным. Почему он думал, что она поймет? Он и сам-то едва понимал.

— Его название — шато Фудуин, — сказал Джей.

Керри уставилась на него.

— Ты купил дом?

Он кивнул.

— Просто взял и купил? недоверчиво переспросила она. — Сегодня?

Джей снова кивнул. Так много слов теснилось на языке. Это судьба, хотел сказать он, то самое волшебство, которое он двадцать лет пытался вновь отыскать. Он хотел рассказать о брошюре, о квадратике солнечного света, о том, как картинка прыгнула на него со страницы. Он хотел поведать о внезапной уверенности, о том, что это дом выбрал его, а не наоборот.

— Ты не мог купить дом. — Керри все никак не могла смириться с этой мыслью. — Господи, Джей, да ты рубашки часами выбираешь!

— Это совсем другое. Больше похоже на…

Он отчаянно пытался выразить словами, на что это похоже. Завладевшее им желание приобрести дом было поистине сверхъестественным. Ничего подобного не бывало с отрочества. Знание, что жизнь не будет полной без некоего бесконечно желанного, волшебного, тотемного предмета — пары рентгеновских очков, набора переводных картинок с «Ангелами Ада», билета в кино, нового сингла модной группы; уверенность, что обладание все изменит, и ты нащупываешь, про-

веряешь, перепроверяешь в кармане — здесь ли? Со взрослыми такого не случается. Это слишком примитивно, слишком глубоко для них. Джей вздрогнул от удивления, поняв, что двадцать лет ничего по-настоящему не хотел.

— Это похоже на… возвращение в Пог-Хилл, — наконец сказал он, зная, что она не поймет. — Как будто последних двадцати лет не было.

Лицо Керри оставалось бесстрастным.

— Поверить не могу, что ты с бухты-барахты купил дом, — сказала она. Машину еще куда ни шло. Ну ладно, мотоцикл. С тебя станется, если подумать. Большие игрушки. Но дом? — Она озадаченно затрясла головой. — Что ты собираешься с ним делать?

— Жить в нем, — безмятежно сообщал Джей. — Работать.

— Но он же где-то во Франции. — Ее голос зазвенел от злости. — Джей, я не могу себе позволить неделями торчать во Франции. Мне через месяц новый цикл снимать. У меня куча обязательств. Ладно, аэропорт хотя бы недалеко?

Она осеклась, вновь перевела взгляд на сумку, словно впервые увидела чемодан, дорожную одежду. Меж ее выгнутых бровей прорезалась складка.

— Керри, слушай…

Керри властно подняла ладонь.

— Иди домой, — сказала она. — Мы не можем говорить об этом здесь. Иди домой, Джей, отдохни, мы обсудим все подробно, когда я вернусь. Хорошо?

Голос опасливый, будто она обращалась к легковозбудимому маньяку.

Джей покачал головой.

— Я не вернусь, — сказал он. — Мне надо на время уехать. Я хотел попрощаться.

Даже теперь Керри не выказала удивления. Раздражение — да. Почти злость. Но она оставалась спокойной, уверенной — во что там она верила.

— Ты снова пьян, Джей, — объявила она. — Ты не подумал как следует. Ты явился ко мне с безумной идеей о втором доме, и когда я не пришла в восторг немедленно…

— Это не второй дом.

Его тон удивил их обоих. Секунду он был почти груб.

— Это что еще за хрень?

Тихо, угрожающе.

— А вот что: ты меня не слушаешь. Сомневаюсь, что ты вообще когда-нибудь по-настоящему меня слушала. — Он перевел дух. — Ты всегда мне гово-

рила, что пора вырасти, жить своим умом, встать на ноги. Но ты с радостью поселила меня у себя дома, чтобы я во всем от тебя зависел. У меня нет ничего своего. Связи, друзья — они все твои, не мои. Ты даже одежду мне выбираешь. У меня есть деньги, Керри, у меня есть книги, я определенно больше не голодаю в мансарде.

Керри ответила весело, даже снисходительно:

— Так вот в чем, оказывается, дело? Декларируем независимость? — Она клюнула его в щеку. — Хорошо. Я так понимаю, на вечеринку ты не хочешь, — извини, что утром не поняла, ладно?

Она положила руку ему на плечо и улыбнулась. Патентованной улыбкой Керри О'Нил.

— Пожалуйста. Выслушай. Хоть разок.

Уж не это ли чувствовал Джо, подумал Джей. Настолько проще уйти без единого слова, избавиться от упреков, слез, неверия. Избавиться от вины. Но почему-то он не мог так поступить с Керри, не мог, и все. Она больше не любит его, и он это знает. Если вообще когда-нибудь любила. Но все равно он не мог так поступить. Возможно, потому что знал, каково это.

— Попытайся понять. Этот город… — Он взмахнул рукой, обозначая клуб, улицы в неоновом

свете, низкое небо, весь Лондон под ним, задыхающийся, темный, зловещий. — Я больше не здешний. Я тут не могу толком думать. Я целыми днями жду, когда же что-нибудь случится, жду какого-то знака…

— Господи боже, ты как маленький! — внезапно разъярилась она, ее голос взмыл рассерженной птичьей трелью. — Это твое оправдание? Подростковые тревоги, а? Если б ты меньше грезил об этом старом ублюдке, о Джо Коксе твоем, и посмотрел для разнообразия вокруг, если б ты только взял на себя ответственность, вместо того чтоб талдычить о знаках и знамениях…

— Но я так и делаю, — перебил он. — Я беру на себя ответственность. Делаю то, о чем ты прожужжала мне все уши.

— Сбегая во Францию? — Теперь в ее голосе слышалась почти паника. — Ну нет! Ты всем мне обязан. Ты и двух минут без меня бы не протянул. Я представила тебя людям, подняла все свои связи. Ты был никем, писателем-однодневкой, бывшим гением, чертовой подделкой…

Джей секунду бесстрастно смотрел на нее. Странно, отстраненно подумал он, как быстро может сорванец превратиться в убогую посредственность. Ее тонкие красные губы злобно

поджаты. Глаза сузились. Злость, знакомая и освобождающая, окутала его плащом, и он рассмеялся.

— Не пори чушь, — сказал он. — Это всегда было выгодно нам обоим. Ты любила небрежно ронять мое имя на вечеринках, правда же? Я был вроде сумочки. Я был тебе к лицу. Все равно как читать стихи в подземке. Люди видели нас вместе и думали, что ты настоящая интеллектуалка, а не журналистка-подражательница без единой оригинальной мысли в голове.

Она таращилась на него, изумленная и взбешенная. Ее глаза широко распахнулись. Что?!

— Прощай.

Он шагнул к двери.

— Джей!

Она вцепилась в него, резко хлопнула по сумке. Бутылки внутри перешептывались и хихикали.

— Да как ты смеешь меня бросать? — прошипела она. — Ты охотно пользовался моими связями, когда тебе было удобно. Да как ты смеешь отворачиваться и говорить, что уходишь, толком даже не объяснив? Если тебе нужно личное пространство, так и скажи. Вали в свое французское шато, раз уж приспичило, наслаждайся атмосферой, если это тебе на пользу. — Внезапно она уставилась

на него. — В этом все дело? Ты пишешь новую книгу? — Голодный голос, злость переросла в возбуждение. — Если так, ты должен мне сказать, Джей. Ты просто обязан. После стольких лет…

Джей посмотрел на нее. Так просто ответить «да», сказал он себе. Дать ей то, что она сможет понять и, может, простить.

— Не знаю, — наконец сказал он. — Вряд ли.

Подъехало такси, Джей махнул ему, кинул багаж на заднее сиденье и вслед прыгнул сам. Керри разочарованно взревела и вмазала ладонью в окно такси, точно Джею в лицо.

— Тогда вали! Беги! Прячься! Не забудь, ты такой же, как он: трус! Больше ты ничего не умеешь! Джей! Джей!

Такси плавно отъехало от обочины, Джей усмехнулся и откинулся на свою сумку. Ее содержимое тихо и довольно позвякивало всю дорогу до аэропорта.

12

Пог-Хилл, лето 1975 года

Лето шло своим чередом, и Джей все чаще заходил в переулок Пог-Хилл. Джо, казалось, был рад его видеть, но помалкивал, когда Джей не приходил, и мальчик целыми днями прятался у канала или железной дороги, охраняя свою неверную территорию, выслеживая Зета и двух его друзей. Тайник у шлюза больше не был надежен, поэтому Джей вынул коробку с сокровищами из углубления в насыпи и принялся подыскивать место побезопаснее. Наконец нашел: в брошенной машине на свалке, приклеил коробку скотчем снизу к сгнившему бензобаку. Джей любил этот старый автомобиль. Он часами нежился на его единственном уцелевшем сиденье, спрятанный от чужих глаз буйной зеленью, и вдыхал заплесневелый запах старой кожи. Раз или два он слышал невдалеке голоса Зета с приятелями, но, припав к низкому брюху машины — и крепко зажав амулет Джо в руке, — был в безопасности, если только они не надумают сунуть нос внутрь. Он наблюдал и слушал, опьяненный радостью

слежки за врагами. В такие мгновения он верил в амулет безоговорочно.

Лето неизбежно катилось к закату, и Джей понимал, что постепенно полюбил Керби-Монктон. Как ни сопротивлялся, он нашел здесь то, чего у него нигде еще не было. Июль и август неторопливыми белыми шхунами проплыли мимо. Он приходил в переулок Пог-Хилл почти каждый день. Иногда они с Джо были одни, но слишком часто в доме бывали гости, соседи, друзья, хотя семьи у Джо, похоже, не было. Джей иногда ревновал Джо, обижался, что тот тратит время на чужаков, но Джо всегда был приветлив, ящиками раздавал фрукты из своего сада, пучки моркови, картошку, бутылку ежевичного вина одному, рецепт зубного порошка другому. Он составлял приворотные зелья, чаи, саше. Люди делали вид, будто пришли за овощами и фруктами, а сами таились, тихо перешептывались с Джо, иногда уходили, пряча кулечки из салфеток или кусочки фланели в кулаках или карманах. Денег Джо никогда не требовал. Иногда люди давали ему что-нибудь взамен: каравай-другой хлеба, домашний пирог, сигареты. Джей гадал, где Джо берет деньги и откуда возьмутся пять тысяч фунтов, чтобы купить шато мечты. Но когда

он заговаривал об этом, старик лишь смеялся.

Сентябрь маячил все ближе, и каждый день приобретал особое, мучительное значение, становился легендой. Джей гулял вдоль канала, окутанный дымкой ностальгии. Он записывал фразы, которые Джо говорил ему во время долгих бесед над кустами красной смородины, и проигрывал их в голове, лежа в постели. Он часами колесил по пустынным, теперь знакомым дорогам и вдыхал теплый прокопченный воздух. Он взбирался на холм Верхнего Керби, окидывал взором темно-фиолетовую ширь Пеннин и мечтал, чтоб ему было позволено остаться здесь навсегда.

Сам Джо, казалось, ничуть не переживал. Он вел себя как обычно, собирал фрукты и укладывал в ящики, варил варенье из падалицы, выискивал дикорастущие травы и рвал их в полнолуние, собирал чернику в торфяниках и ежевику на насыпи, готовил чатни[33] из помидоров и острый салат из цветной капусты, саше с лавандой от бессонницы, гаультерию[34] для

---

[33] Примечания: 33

Индийский соус из фруктов или овощей, уваренных с сахаром, пряными травами, специями и уксусом.

[34] Примечания: 34

Вечнозеленый кустарник из семейства вересковых.

быстрого исцеления, острые перчики и розмарин в масле и маринованный лук на зиму. И конечно, вино. Все лето Джей вдыхал ароматы варки сусла, брожения, созревания. Все сорта вин: свекольное, из гороховых стручков, малиновое, бузинное, шиповниковое, пьяблочное, сливовое, пастернаковое, имбирное, ежевичное. Дом превратился в винокурню, кастрюли с фруктами кипели на плите; большие бутыли в оплетке ждали на полу кухни, пока их содержимое разольют в бутылки; муслин для процеживания сох на бельевой веревке; сита, ведра, бутылки, воронки лежали ровными рядами, готовые к использованию.

Перегонный куб стоял в погребе. Здоровенный медный агрегат, похожий на гигантский чайник, старый, но отполированный и ухоженный. Джо готовил в нем свои «спирты», неразбавленные, пробирающие до слез, чистые дистилляты, которыми заливал летние фрукты, что блестящими рядами выстраивались на полках погреба. Джо называл их картофельной водкой, пьяблочным соком. Семидесятипроцентной крепости. Он клал в них равные количества фруктов и сахара — получались ликеры. Вишни, сливы, красная смородина, черника. Фрукты окрашивали ликеры фиолетовым, красным и черным в тусклом

свете погреба. Каждая банка была старательно подписана и датирована. Одному этого не съесть за целую жизнь. Но Джо не переживал; большую часть он все равно раздавал. Не считая вина и пары ложек клубничного варенья с утренним тостом, Джей никогда не видел, чтобы Джо употреблял свои экстравагантные заготовки и крепкие напитки. Наверное, старик продает часть запасов зимой, думал Джей, хотя никогда ничего такого не видел. Как правило, Джо отдавал все даром.

В сентябре Джей вернулся в школу. Школа Мурлендс была ровно такой, какой он ее запомнил: благоухала пылью, хлоркой, мастикой и слабой, неотвязной застарелой кухонной вонью. Родительский развод прошел довольно гладко, после множества слезливых звонков матери и почтовых переводов хлебного барона. Как ни странно, Джей ничего не почувствовал. За лето ярость его превратилась в равнодушие. Злость почему-то казалась ему слишком детской. Он писал Джо примерно раз в месяц, хотя старик никогда не был столь пунктуален. Писатель из него никудышный, признался он и удовлетворился открыткой на Рождество и парой строчек в конце семестра. Его молчание не беспокоило Джея.

Достаточно было знать, что Джо никуда не делся.

Летом Джей вернулся в Керби-Монктон. Отчасти потому, что настаивал сам; впрочем, он видел, что родители втайне вздохнули с облегчением. Мать как раз снималась в Ирландии, а хлебный барон проводил лето на яхте — если верить слухам, в компании юной модели по имени Кандида.

Джей, не раздумывая, смылся в Пог-Хилл.

13

Париж, март 1999 года

Джей заночевал в аэропорту. Он даже поспал на анатомическом оранжевом кресле, хотя все равно был слишком взвинчен и отдохнуть не получалось. Его энергия казалась неистощимой, в грудной клетке колотился электрический шар. Его чувства сверхъестественно обострились. Запахи — чистящего средства, пота, сигаретного дыма, духов, раннего утреннего кофе — накатывали волнами. В пять утра он оставил попытки заснуть и направился в кафе, где купил эспрессо, пару круассанов и дозу сахара в виде шоколада «Пулен». Первый corail[35] до Марселя отправлялся в десять минут седьмого. Оттуда поезд помедленнее отвезет его в Ажен, где он сможет взять такси до… докуда? Карта, прикрепленная к брошюре, была всего лишь схемой, наброском, но Джей надеялся выяснить точнее, когда доберется до Ажена. Кроме того, было что-то притягательное в этом путешествии, в размытом от скорости

---

[35] Примечания: 35
Комфортабельный поезд дальнего следования *(фр.)*.

пейзаже за окнами, в дороге — пока еще просто к крестику на карте. Словно, выпив вино Джо, он внезапно смог стать Джо, размечать путь, царапая знаки на карте, менять личность, повинуясь своим капризам. И в то же время он будто стал легче, избавился от обиды и злости, что так долго в себе носил бесполезным балластом, много-много лет.

«Если уехать достаточно далеко, — говорил Джо, — никаких правил не останется».

Теперь Джей начал понимать. Истина, верность, подлинность. То, что привязывает нас к домам и лицам, давно ставшим чужими. Он может быть кем угодно. Ехать куда угодно. В аэропортах, на станциях и автобусных остановках возможно что угодно. Никто не задает вопросов. Люди становятся почти невидимыми. Он тут всего лишь пассажир, один из тысяч. Никто его не узнает. Никто вообще о нем не слышал.

Он умудрился несколько часов поспать в поезде, и ему приснилось — изумительно живо, — как он бежит по берегу канала на Дальнем Крае, тщетно стараясь угнаться за уходящим угольным поездом. С невероятной ясностью видел он почему-то старомодный металл ходовых частей платформ. Он вдыхал запах угольной пыли и за-

старелой смазки колесных осей. И на последней платформе он увидел Джо: тот сидел на куче угля в своем оранжевом шахтерском комбинезоне и кепке механика Британских железных дорог, прощально махал руками — в одной зажата бутылка домашнего вина, в другой карта мира — и голосом, жестяным из-за расстояния, выкрикивал слова, которые Джей толком не разобрал.

Джей проснулся, хотелось выпить; до Марселя двадцать миль, сельский пейзаж за окнами слился в длинную яркую полосу. Джей сходил к мини-бару за водкой и тоником, медленно выпил, потом закурил. Сигарета все еще казалась запретным наслаждением — вина мешалась с возбуждением, будто школу прогуливаешь.

Он опять вытянул брошюру из кармана. Окончательно измятая, дешевая бумага уже расползалась по складкам. Мгновение он почти ожидал, что чувства изменятся, что исчезнет это «должен обладать». Но оно никуда не делось. В сумке у него под боком «Особые» качались и булькали в такт поезду, осадок минувших летних дней бурлил на донышках подобно темно-красной жидкой глине.

Джею казалось, что поезд никогда не дотащится до Марселя.

14

Пог-Хилл, лето 1976 года

Он ждал на грядках. Играло радио, привязанное к ветке обрывком веревки, и Джей слышал, как Джо экстравагантным водевильным голосом подпевает песне «Парни вернулись в город» группы «Худышка Лиззи». Джо стоял спиной к нему, склонившись над полянкой логановых ягод[36] с секатором в руке, и поздоровался не оборачиваясь, небрежно, словно Джей никогда и не уезжал. Джею сперва показалось, что Джо постарел: волосы под засаленной кепкой поредели, и под древней футболкой проступал острый, уязвимый хребет, но, когда старик повернулся, оказалось, что это все тот же Джо, чьи лазурные глаза и улыбка уместны в четырнадцать, а не в шестьдесят пять. На шее у него болталось красное фланелевое саше. Внимательнее осмотрев посевы, Джей увидел, что такой же амулет украшает каждое дерево, каждый куст и даже углы теплицы и самодельного холодного парника.

---

[36] Примечания: 36
Гибрид малины и ежевики.

Крошечные ростки прятались под банками и разрезанными пополам бутылками из-под лимонада, на каждой виднелся виток красной нитки или знак, нанесенный красным мелком. Должно быть, очередная выверенная шутка Джо, типа капканов на уховерток, или шербетного растения, или просьбы сбегать в магазин для садоводов за долгим ящиком, но на сей раз в веселье старика было что-то затравленное, унылое, словно враги смыкали вокруг кольцо. Джей спросил об амулетах, ожидая шутки или подмигивания, но лицо Джо оставалось серьезным.

— Защита, сынок, — тихонько сказал он. — Защита.

Но мальчик очень нескоро понял, насколько серьезен тот был.

Лето вилось пыльной тропинкой. Джей заглядывал в переулок Пог-Хилл почти каждый день, а когда нуждался в уединении, уходил на Дальний Край и на канал. Мало что изменилось. Новые радости на свалке: выброшенные холодильники, мешки с тряпьем, часы в треснувшем корпусе, картонная коробка изорванных книг в бумажных обложках. Железная дорога тоже поставляла сокровища: газеты, журналы, разбитые пластинки, посуду, жестянки, стеклотару. Каждое утро Джей

прочесывал рельсы, подбирая все, что казалось интересным или ценным, и, вернувшись в дом, делился находками с Джо. У Джо ничего не пропадало. Старые газеты летели в компост. Куски ковра сдерживали рост сорняков на грядках с овощами. Полиэтиленовые пакеты защищали ветки фруктовых деревьев от птиц. Джо показал, как из круглого конца пластиковой бутылки из-под лимонада делаются cloche[37] для молоденьких ростков, а грядки для картофеля — из потертых автомобильных покрышек. Они целый день затаскивали выброшенный холодильник на насыпь, чтобы превратить его в парник. Металлолом и поношенную одежду складывали в картонные коробки и продавали старьевщику. Пустые банки из-под краски и пластиковые ведра превращались в горшки для растений. В благодарность Джо рассказывал Джею о саде. Мальчик потихоньку начинал отличать лаванду от розмарина, розмарин от иссопа, иссоп от шалфея. Он научился пробовать почву — подобно дегустатору табака совать щепотку земли под язык, чтобы определять ее кислотность. Он узнал, как успокаивать головную боль толченой лавандой,

[37] Примечания: 37
Колпак из стекла или пластика для защиты растений.

а желудочную — перечной мятой. Он научился заваривать чай из шлемника и ромашки, чтобы лучше спалось. Он узнал, что картофель надо перемежать с ноготками, чтобы избавиться от паразитов, что из верхушек крапивы можно варить пиво, что, если мимо пролетит сорока, непременно надо выкинуть пальцы вилкой от дурного глаза. Конечно, иногда старик не мог устоять перед соблазном чуть-чуть пошутить. Например, подсунуть Джею луковицы нарциссов и попросить их поджарить или посадить клубничины в бордюр, чтобы проверить, вырастут ли они. Но в основном он был серьезен, или, по крайней мере, так казалось Джею, и поистине наслаждался своей новой ролью учителя. Возможно, он уже тогда знал, что конец близок, хотя Джей ничего не подозревал и счастливее всего был именно в тот год, когда сидел на грядках и слушал радио, или рылся в коробках с мусором, или держал овощерезку Джо, помогая отбирать фрукты для новой партии вина. Они спорили, что лучше: «Хорошие вибрации»[38] (выбор Джея) или

[38] Примечания: 38
«Good Vibrations», хит американской поп-группы «The Beach Boys».

«Новехонький уборочный комбайн»[39] (выбор Джо). Джей чувствовал себя в безопасности, защищенным, точно спрятался в кусочке вечности, который никогда не исчезнет, не потеряется. Но что-то менялось. Возможно, дело было в Джо: в его непривычной тревожности, настороженности, в том, что гостей становилось все меньше — иногда всего один или два за целую неделю, — а может, в новой, зловещей тишине Пог-Хилла. Больше не стучали молотки, во дворах умолкли песни, меньше белья сушилось на веревках, кроличьи клетки и голубятни опустели и разваливались.

Джо часто выходил на край своего участка и молча смотрел на пути. Поездов тоже стало меньше, парочка скорых пассажирских в день, а в остальном лишь незанятые сцепщики и угольные поезда ползли к северу на сортировочную. Рельсы, такие блестящие и яркие в прошлом году, уже покрывались ржой.

— Кажись, дорогу собираются закрыть, — как-то раз отметил Джо. — «Центральную Керби» сносят в будущем месяце. — «Центральная Керби» была главной сигнальной будкой возле станции. — Пог-Хиллу конец, если я чего смыслю.

---

[39] Примечания: 39

«Combine Harvester (Brand New Key)», хит 1976 г. британской группы «The Wurzels».

— Но там же у тебя оранжерея, — возмутился Джей.

Сколько он знал Джо, старик использовал заброшенную сигнальную будку в пятидесяти ярдах от сада как незаконную оранжерею, и она была набита хрупкими растениями: помидоры, два персиковых дерева, пара виноградных лоз забрались на крышу и раскинули широкие, сочные листья на белом. Джо пожал плечами.

— Обычно с них начинают, — сообщил он. — Мне и так повезло.

Его взгляд переместился на красные амулеты, прибитые к задней стене; он ущипнул один.

— Мы-то вели себя осторожно, — продолжал он. — Не привлекали внимания. Но если дорогу закроют, придут люди и снимут все рельсы от Пог-Хилла до Дальнего Края. Могут тут несколько месяцев проторчать. А это частная собственность. Принадлежит Британской железной дороге. Мы с тобой нарушители, сынок.

Джей вслед за ним посмотрел через пути и словно в первый раз вобрал взглядом раскинувшиеся посадки, ровные стройные ряды овощей, парники, сотни пластиковых горшков, дюжины фруктовых деревьев, густые заросли малины, черной смородины, ревеня. Странно: он никогда

прежде не задумывался, что они нарушают чьи-то границы.

— Ой. Думаешь, они захотят их забрать?

Джо не смотрел на него. Конечно захотят. Джей видел это в профиле старика, в его глазах, подсчитывающих убытки, — долго ли пересаживать? Перестраивать? Не потому, что они им нужны, а потому, что они им принадлежат, это их территория, пустырь или нет, их земля. Джей вдруг отчетливо представил Зета и его приятелей в тот миг, когда Зет подбросил радио в воздух. Точно с такими же лицами они будут сдирать рельсы, громить оранжерею, вырывать растения и кусты, ровнять бульдозером сладкие заросли лаванды и недозревшие груши, засевший в земле картофель, морковь и пастернак и всю загадочную экзотику, которую Джо собрал за свою жизнь. Джея внезапно захлестнула злая обида за старика, он до боли вжал кулаки в кирпичи.

— Они не посмеют! — яростно воскликнул он.

Джо пожал плечами. Конечно посмеют. Теперь Джей понимал значение амулетов, висевших где только можно, на каждом торчащем гвозде, на каждом дереве, на всем, что хотелось сохранить. Они не могли сделать сад невидимым, но могли… что? Отпугнуть бульдозеры? Нереально.

Джо промолчал. Глаза его были ясны и безмятежны. Мгновение он походил на старого стрелка из сотни вестернов, что обвешивается пистолетами для решающей схватки. Мгновение все — что угодно — казалось возможным. Что бы ни произошло позже, тогда он в это верил.

15

Марсель, март 1999 года

Поезд прибыл в Марсель около полудня. Было тепло, но пасмурно, и Джей перекинул пальто через руку, пробираясь сквозь бесцельные толпы. Он купил пару сэндвичей на лотке у платформы, но был слишком взвинчен, слишком разгорячен, чтобы есть. Поезд до Ажена опоздал почти на час и шел медленно; поездка заняла едва ли не столько же времени, сколько от Парижа до Марселя. Энергия утекала, превращаясь в усталость. Джей кое-как устроился и задремал, пока поезд останавливался у каждого столба; было жарко, хотелось пить, да еще легкое похмелье. Он по-прежнему не выдерживал и время от времени доставал брошюру — просто убедиться, что все правда, а не разыгравшееся воображение. Он пытался раскачать радио, но добился лишь белого шума.

До Ажена он добрался ближе к вечеру. К нему возвращалась бдительность, он внимательнее смотрел вокруг. Из окон вагона он видел поля и фермы, фруктовые сады и вспаханную землю шоколадного цвета. Все казалось очень зеленым.

Многие деревья уже цвели; как рано, необычно для марта, подумал он, хотя его опыт садоводства ограничивался садом Джо в тысяче миль севернее. Он взял такси до агентства недвижимости — адрес значился в брошюре, — надеясь получить разрешение осмотреть дом, но контора уже закрылась. Ч-черт!

В лихорадке бегства Джей не успел обдумать, что будет делать, если подобное произойдет. Найдет гостиницу в Ажене? Не увидев сперва дом — ни за что. *Его дом.* От одной мысли волоски на руках встали дыбом. Завтра воскресенье. Скорее всего, агентство снова будет закрыто. Придется ждать до утра понедельника. Он стоял в нерешительности, таксисту у него за спиной не терпелось уехать. А вообще далеко ли до Ланскне-су-Танн? Наверняка там есть какая-нибудь гостиница, что-нибудь до боли банальное, вроде «Кампанил», или «Ибис»[40], или хотя бы chambre d'hôte[41], где можно остановиться. Половина шестого. Он успеет осмотреть дом, пусть только снаружи, пока не стемнеет.

Желание было непреодолимо. Обернувшись

---

[40] Примечания: 40
Крупные французские сети отелей.

[41] Примечания: 41
Комнаты внаем *(фр.).*

к скучающему таксисту, Джей с непривычной решимостью показал карту:

— Vous pouvez m'y conduire tout de suite?[42]

Таксист помолчал эдак задумчиво, неторопливо — обычное дело в этих краях. Джей вытащил из кармана джинсов пачку банкнот. Водитель меланхолично пожал плечами и кивком велел лезть обратно в машину.

Джей обратил внимание, что помочь с багажом таксист не предложил.

Поездка заняла полчаса. Джей снова прикорнул на пропахшем кожей и табаком заднем сиденье, пока водитель курил «Голуаз» и довольно бормотал себе под нос; от души давя на гудок, он пробирался через пробки и сворачивал на узкие улочки, где надменно трубил на каждом углу и время от времени разгонял стайки цыплят, которые с возмущенным писком подлетали в воздух. Джей проголодался и хотел пить. Он решил, что перекусит в Ланскне. Но теперь, глядя на пыльный переулок, по которому, подпрыгивая, мчалось такси, он всерьез усомнился, что ему это удастся.

Он похлопал водителя по плечу.

---

[42] Примечания: 42

Не могли бы вы прямо сейчас отвезти меня в гостиницу? *(фр.)*

— C'est encore loin?[43]

Таксист пожал плечами, ткнул пальцем вперед и, громыхая, затормозил.

— Là[44].

Ну конечно, вон же он, за рощицей. Красные косые лучи застенчивого заката освещали черепичную крышу и побеленные стены довольно зловеще. Где-то в стороне блестела вода, а сад — на фотографии зеленый — сейчас купался в пене бледных цветов. Он был прекрасен. Джей отдал водителю львиную долю оставшихся французских денег и вытащил чемодан на дорогу.

— Attendez-moi ici. Je reviens tout de suite[45].

Водитель неопределенно махнул рукой; Джей трактовал это как согласие и, оставив такси ждать на обочине пустынной дороги, быстро зашагал к деревьям. От рощицы дом и виноградник были видны намного лучше. Фотография в брошюре была обманчивой, она едва ли передавала масштаб. Как и положено городскому парню, Джей понятия не имел об акрах, но участок ка-

---

[43] Примечания: 43
Еще далеко? *(фр.)*

[44] Примечания: 44
Там *(фр.)*.

[45] Примечания: 45
Подождите меня здесь. Я скоро вернусь *(фр.)*.

зался огромным; с одной стороны граница шла по дороге и реке, с другой — по длинной живой изгороди, что уходила за дом, в поля. За рекой он увидел другой жилой дом, маленький, с низкой крышей, а дальше деревню — церковный шпиль, дорогу, бегущую от реки, дома. Дорожка к дому вилась мимо виноградника — лозы уже зеленели и тянулись ввысь среди зарослей сорняков — и мимо заброшенного огорода, где прошлогодние спаржа, артишок и капуста качали пушистыми макушками над одуванчиками.

Джей шел до дома десять минут. Вблизи он заметил, что здание, как и виноградник и огород, нуждается в некотором ремонте. Розоватая краска местами облупилась, явив потрескавшуюся серую штукатурку. Черепицы осыпались с крыши и завалили осколками заросшую тропу. Окна первого этажа были закрыты ставнями или заколочены, а часть стекол верхнего разбита, отчего создавалось впечатление, что дом беззубо щерится. Передняя дверь забита. В целом казалось, что в доме годами никто не жил. Однако за огородом явно недавно — ну, или почти недавно — приглядывали. Джей обошел дом, прикидывая ущерб. Внутри все может быть по-другому. Он нашел место, где сломанная ставня отходила

от штукатурки, оставляя щель, через которую вполне можно было заглянуть внутрь, что он и проделал. В доме было темно, где-то вдалеке капала вода.

Внезапно что-то шевельнулось в здании. Крысы, сперва решил Джей. И снова: тихое, вкрадчивое царапание, словно кто-то разгуливал по бетонному погребу в башмаках с металлическими набойками. Значит, точно не крысы.

Он крикнул — по-английски, вот глупость — «Эй!». Царапанье прекратилось.

Джей прищурился сквозь щель в ставне, и ему показалось, что он видит некое движение, легкую тень как раз там, куда он смотрит, — оно вполне могло оказаться человеком в большом пальто и кепке, надвинутой на глаза.

— Джо? Джо?!

Безумие. Конечно, это не Джо. Просто он так много думал о нем в последние дни, что начал видеть его повсюду. Вполне естественно, рассудил Джей. Когда он вгляделся снова, человек — если человек вообще был — исчез. Дом затих. На миг Джей познал разочарование или даже огорчение, которое не осмелился рассмотреть ближе из опасения, что оно окажется еще безумнее — уверенностью, быть может, что Джо и

вправду мог быть там, ждать его в доме. Старина Джо, в кепке и шахтерских ботинках, в мешковатом теплом пальто, ждет в пустом доме, живет с огорода. Память безжалостно подсунула Джею образ недавно заброшенного огорода — должен же кто-то был посадить семена, есть в этом некая безумная логика. Кто-то был там.

Он посмотрел на часы и испугался, увидев, что провел у дома почти двадцать минут. Он попросил водителя подождать на обочине и не хотел проводить ночь в Ланскне. Насколько он успел разглядеть городок, вряд ли ему удастся найти достойный ночлег; к тому же ужасно хочется есть. У фруктового сада он припустил бегом, подмаренник цеплялся за шнурки, и Джей вспотел, когда наконец обогнул рощицу и выбежал на дорогу.

Такси как сквозь землю провалилось.

Джей выругался. Его чемодан и сумка нелепо выстроились на обочине. Водитель, устав ждать чокнутого англичанина, смылся.

Хочешь не хочешь, придется остаться.

16

Пог-Хилл, лето 1976 года

«Центральная Керби» умерла в конце августа. Прячась в высоких зарослях созревшего кипрея, Джей видел, как ее закрывали, а когда рабочие ушли, забрав с собой рычаги, семафоры и все, что иначе могло быть сперто, прокрался вверх по лестнице и заглянул в окно. Журналы регистрации и маршрутные схемы остались в коробке, но стойка с рычагами разинула пустую пасть, отчего будка выглядела странно жилой, словно сигнальщик только что вышел и может вернуться в любую минуту. Тут полно полезного стекла, отметил Джей; надо бы им с Джо его забрать.

— Забудь, сынок, — сказал Джо, когда услышал об этом. — У меня и так осенью дел полно.

Джей прекрасно его понял. С начала августа Джо все больше беспокоила судьба его участка. Он редко говорил об этом прямо, но иногда прекращал работу и смотрел на свои деревья, словно прикидывая, сколько им еще отмерено. Иногда он останавливался у яблони или сливы, касался гладкой коры и говорил — с Джеем, с самим со-

бой, — понизив голос. Он всегда называл их по имени, будто они люди.

— Мирабель. Она у меня умница. Французская слива, желтая, самое то для джема, вина, да и просто так пальчики оближешь. Ей хорошо тут на насыпи, сухо и светло. — Он приумолк. — Слишком поздно старушку пересаживать, — печально сказал он. — Не выживет. Только пустишь корни глубоко, только решишь, что будешь жить вечно, и на тебе. Ублюдки.

Впервые за несколько недель он заговорил о проблемах с участком.

— Они хотят снести Пог-Хилл. — Джо повысил голос, и Джей сообразил, что впервые видит старика в ярости. — Пог-Хилл, которому больше ста лет, заложен был, когда еще на Дальнем Крае шахта работала и землечерпалки рыли канал.

Джей уставился на него.

— Снести Пог-Хилл? — переспросил он. — В смысле, дома?

Джо кивнул.

— На днях письмо получил, — коротко ответил он. — Ублюдки считают, что тут опасно жить. Все дома хотят отобрать. Всю улицу. — Его изумленное лицо казалось зловещим. — Отобрать. Это сколько ж времени прошло? Тридцать девять лет

я тут жил, с тех самых пор, как Дальний Край и Верхний Керби закрыли. Купил халупу у местного совета. Не доверял им даже тогда… — Он резко замолчал, поднял искалеченную левую руку — три пальца, насмешливый салют. — Чего им еще надо, а? Я оставил пальцы в шахте. Пускай убираются к черту из моей жизни! Я думал, это многого стоит. Я думал, такое не забывается!

Джей уставился на него, открыв рот. Такого Джо он еще не видел. Мальчик онемел от благоговения и чего-то вроде страха. Джо умолк так же резко, как заговорил, и заботливо склонился над недавно привитой веткой — проверить, как прижилась.

— Я думал, это во время войны случилось, — наконец сказал Джей.

— Что?

Привой был примотан к ветке ярко-красной ниткой. Поверх Джо намазал какой-то смолы, от которой пахло едко и сладко. Он кивнул своим мыслям, словно состояние дерева его удовлетворило.

— Ты мне говорил, что потерял пальцы в Дьеппе, — напомнил Джей. — Во время войны.

— Ну да. — Джо ничуть не смутился. — Здесь тоже война была, как ни поверни. Я их потерял,

когда мне шестнадцать годков было, — защемил между вагонетками в тысяча девятьсот тридцать первом. Меня потом в армию не брали — ну, я к «Мальчикам Бевина»[46] попал. У нас три обвала было в тот год. Семь человек осталось под землей, когда тоннель обрушился. И далеко не все взрослые — мальчишки, сверстники мои, и младше; в шахтах с четырнадцати сполна платят. Мы неделю работали по две смены, откапывали их. Мы слышали, как они кричат и плачут за обвалом, а как попытаемся их достать, опять кусок тоннеля рушится. В темноте, потому как рудничный газ, по колено в жидкой глине. Мокро, дышать нечем, и все до единого знали, что потолок может снова обвалиться в любую минуту, но мы все равно пытались. А потом заявились хозяева и закрыли весь ствол. — Он посмотрел на Джея в нежданном бешенстве, глаза потемнели от застарелого гнева. — Так что вот этого не надо, сынок, мол, я не был на войне, — рявкнул он. — Я знаю о войне не меньше — о том, что такое война, — чем любой парнишка во Франции.

Джей глядел на него, не зная, что сказать.

---

[46] Примечания: 46

Британские юноши, в 1943–1945 гг. мобилизованные на угольные шахты вместо армии по инициативе Эрнеста Бевина, британского министра труда и национальной повинности.

Джо смотрел в пустоту и слышал крики и мольбы мальчишек, давным-давно погребенных в зарубцевавшейся ране Дальнего Края. Джей вздрогнул.

— И что ты будешь делать?

Джо пристально уставился на него, словно выискивая малейшие признаки осуждения. Затем расслабился и улыбнулся привычно и печально, одновременно ища в кармане замызганный пакетик жевательного мармелада. Взял конфетку себе, а остальные протянул Джею.

— Что всегда, сынок, — заявил он. Я свое так просто не отдам, во как. Они у меня попляшут. Пог-Хилл — мой, и никто не заставит меня переехать в гнусную дыру какую, ни они и никто другой.

Он смачно откусил голову мармеладному человечку и достал из пакетика другого.

— Но что ты можешь? — возразил Джей. — Они же придут с ордерами на выселение. Отключат газ и электричество. Может, ты…

Джо посмотрел на него.

— Всегда можно что-то сделать, сынок, — тихо произнес он. — Думаю, пора проверить, что работает по правде, а что нет. Пора достать мешки

с песком и задраить окна[47]. Откормить черного петушка, как на Гаити.

Он демонстративно подмигнул, словно предлагая вместе посмеяться над своей загадочной шуткой.

Джей оглядел участок. Он увидел амулеты, прибитые к стене и привязанные к ветвям, знаки, выложенные битым стеклом на земле и написанные мелом на цветочных горшках; внезапно накатил приступ кошмарной безысходности. Все казалось таким хрупким, таким трогательно обреченным. Потом Джей перевел взгляд на улицу, на закопченные убогие домики с их кривыми крышами, уличными сортирами и окнами, прикрытыми полиэтиленом. Через пять-шесть участков от них на веревке сохло белье. Перед домом двое детишек играли в канаве. И Джо — славный псих Джо, с его мечтами, его путешествиями, его *шатто,* его миллионами семян и погребом, набитым бутылками, — готовился к войне, не надеясь выиграть, вооружаясь лишь будничным волшебством да парой кварт домашнего вина.

— Не дрейфь, сынок, — настаивал Джо. — Мы

[47] Примечания: 47

Мешки с песком кладут под двери во время шторма, чтобы в дом не затекала вода.

победим, ты погодь только. У меня куча трюков припасена — эти ублюдки из совета скоро увидят.

Но слова его были неискренни. Сколько бы он ни болтал, его речи — пустая бравада. Он ничего не мог поделать. Конечно, ради него Джей притворился, что верит. Он собирал травы на насыпи. Зашивал сушеные листья в красные саше. Повторял странные слова и подражал пассам Джо. Два раза в день полагалось *запечатывать периметр,* как это называл Джо. А именно ходить вокруг участка — вверх по насыпи, вокруг посадок, мимо будки стрелочника, которую Джо полагал своей, затем по переулку Пог-Хилл, нырнуть в щель между домом Джо и соседским, мимо парадной двери, обогнуть стену и вернуться в исходную точку — с красной свечой в руке и тлеющими лавровыми листьями, пропитанными ароматическим маслом, торжественно произнося набор непонятных фраз — Джо уверял, что латинских. Джо говорил, ритуал должен оградить дом и прилегающие к нему земли от нежелательных влияний, обеспечить защиту и укрепить хозяйскую власть над территорией, и по мере того как каникулы подходили к концу, церемония удлинялась и усложнялась, превра-

щаясь из трехминутной пробежки вокруг сада в торжественную процессию минут на пятнадцать, а то и больше. В иных обстоятельствах Джей наслаждался бы этими ежедневными обрядами, но если весь прошлый год в каждом слове Джо таился подвох, ныне у старика не осталось времени для шуток. Джей догадывался, что за маской безразличия тревога растет. Джо все чаще говорил о путешествиях, расписывал былые приключения и строил планы будущих экспедиций; то оглашал свежепринятое решение удалиться из переулка Пог-Хилл во французское chateau, то, не переведя дыхания, клялся, что никогда не покинет свой старый дом, разве что его вперед ногами вынесут. Он лихорадочно трудился в саду. Осень в тот год наступила рано, пора убирать урожай фруктов, делать джем, вино, заготовки, соленья, выкапывать и укладывать на хранение картошку и репу, а также удовлетворять растущие запросы волшебного щита Джо — ритуал занимал теперь полчаса и требовал отчаянной жестикуляции и рассыпания порошков, а также приготовления ароматических масел и травяных настоев. Лицо Джо стало измученным, вытянулось, его глаза блестели от бессонницы — или от выпивки. Поскольку пил он теперь гораздо больше, не

только вино или крапивное пиво, но и спирты, картофельную водку из перегонного куба в погребе, прошлогодние ликеры со склада внизу. Джей гадал, переживет ли Джо зиму такими темпами.

— Не боись, — твердил Джо, когда Джей беспокоился. — Еще чуток поработать, и все. К зиме буду как огурчик, только погодь. — Он встал руки в боки и потянулся. — Так-то лучше. — Потом усмехнулся и на мгновение почти стал прежним Джо, чьи глаза искрились смехом под засаленной шахтерской кепкой. — Я годков немало сам за собой приглядывал, пока ты не появился, сынок. Да разве пара шутов из совета со мной справятся?

И он немедленно принялся рассказывать длинную нелепую историю времен своих странствий о человеке, который попытался продать дешевые безделушки амазонским индейцам.

— И вождь племени — вождь Мунгавомба, так его звали — вернул ему барахло и сказал — я его английскому учил в свободное время: «Забирай свои бусы, приятель, но буду жуть как признателен, если сумеешь мне тостер починить!»

Оба засмеялись, и на время неловкость была забыта или, по крайней мере, выброшена из головы. Джею хотелось верить, что Пог-Хилл в безопасности. Иногда он смотрел на таинствен-

ную путаницу в саду и огороде и почти убеждался. Джо казался таким уверенным, таким неколебимым. Конечно, он тут будет всегда.

17

Ланскне, март 1999 года

Он мгновение стоял на обочине, растерянный и заблудившийся. Уже почти стемнело; небо приобрело тот светящийся оттенок темно-синего, что предшествует ночному мраку, и горизонт за домом испещряли полосы бледно-лимонного, зеленого и розового. От его красоты — от красоты *его* собственности, вновь напомнил Джей себе, потрясенно, не веря, — у него захватило дух. Несмотря на затруднительное положение, волнение не покидало его, словно и это было неким образом предопределено.

Никто — никто, повторил он себе, — не знает, где он.

Бутылки вина задребезжали друг о друга, когда он подхватил сумку с обочины. Аромат лета, глинистой пыли или мари белой на миг поднялся от влажной земли. Что-то слетело с ветки цветущего боярышника, привлекло его взгляд, и Джей машинально подобрал его, поднес к глазам.

Лоскут красной фланели.

Бутылки в сумке забурлили, зазвенели. Их голо-

са шептали, потрескивали, вздыхали, хихикали потаенные согласные и загадочные гласные. Внезапный ветерок потянул Джея за одежду, неясно зашелестело, теплый воздух запульсировал, точно сердце. «Дом — там, где твое сердце». Одна из любимых поговорок Джо. «Там, где твое искусство».

Джей оглянулся на дорогу. Вообще-то не так уж поздно. По крайней мере, не поздно найти ночлег и ужин. До деревни — несколько огоньков, мерцающих за рекой, далекая музыка за полями, — должно быть, полчаса ходьбы, не больше. Можно оставить чемодан здесь, надежно спрятать в придорожных кустах, и взять только сумку. Почему-то — бутылки в сумке тряслись и хихикали — он не хотел ее бросать. Но дом притягивал его. Нелепица, сказал он себе. Он уже видел, что дом для жилья непригоден, во всяком случае пока. Выглядит непригодным, поправился он, вспоминая переулок Пог-Хилл, заброшенные сады, заколоченные окна и тайное ликование жизни за ними. А вдруг прямо за дверью…

Забавно, как упорно его разум возвращается к этой мысли. Нелогичной, но тем не менее вкрадчиво убедительной. Заброшенный огород, обрывок красной фланели, подозрение, уверен-

ность, что на самом деле в доме кто-то есть.

В сумке с новой силой грянул карнавал. Свист, смех, далекие фанфары. Словно возвращение домой. Даже я чувствовал — я, дитя виноградников Бургундии, далеко отсюда, где воздух чище, а земля жирнее, добрее, — домашние очаги и открытые двери, запах пекущегося хлеба, чистых простыней и теплых, дружелюбных немытых тел. Джей тоже слышал, но думал, что дело в доме, и, почти не раздумывая, шагнул к темному строению. «Ничего страшного, если взгляну еще разок, — сказал он себе. — Проверю, и все».

18

Пог-Хилл, лето 1977 года

Настал сентябрь. Джей вернулся в школу, придавленный обреченностью, сознавая, что на Пог-Хилле все не как прежде. Но если и так, по коротким, редким письмам Джо этого не было заметно. На Рождество пришла открытка, две строчки, старательно написанные почерком почти неграмотного; на Пасху — еще одна. Триместры ползли к концу, как всегда. Настал и минул пятнадцатый день рождения Джея — крикетная бита от отца и Кандиды, билеты в театр от матери. Потом пришла пора экзаменов, вечеринок, выболтанных секретов и нарушенных обещаний; пара жарких стычек, школьная пьеса «Сон в летнюю ночь», где все роли исполняли мальчишки, как во времена Шекспира. Джей играл Пака, к вящему неудовольствию хлебного барона, но все время думал о Джо и Пог-Хилле и к концу летнего триместра стал нервным, раздражительным и нетерпеливым. В этот год мать решила на несколько недель отправиться с ним в Керби-Монктон, якобы чтобы подольше

побыть с сыном, но на самом деле чтобы спастись от журналистов, слетевшихся на очередной ее амурный разрыв. Джей не слишком-то стремился стать объектом ее нежданно проснувшегося материнского инстинкта, о чем довольно прямо и сказал, вызвав вспышку театрального гнева. Он впал в немилость еще до начала каникул.

Они приехали в конце июня, на такси, в дождь. Мать изображала Mater dolorosa[48], а Джей пытался слушать радио, пока она лавировала меж длинными, эмоциональными паузами и девичьими восторгами при виде позабытых достопримечательностей.

— Джей, дорогой, ты только посмотри! Вон та церквушка — ну разве не премиленькая?

Он считал, что во всем виноваты бесконечные роли в ситкомах, но, может, она всегда так разговаривала? Джей сделал радио чуть громче. «Иглз» пели «Отель „Калифорния“». Мать бросила на него страдальческий взгляд и поджала губы. Джей ее проигнорировал.

Дождь лил и лил без продыху всю первую неделю каникул. Джей сидел дома, смотрел на дождь и слушал радио, уговаривая себя, что непогода не

---

[48] Примечания: 48

Мать скорбящая (лат.) — в католической церкви изображение Девы Марии в горе о страданиях Сына.

может длиться вечно. Белесое небо предвещало дурное. Если задрать голову, капли походили на хлопья сажи. Дедушка с бабушкой тряслись над ними обоими, обращались с его матерью как с маленькой девочкой, которой она была когда-то, готовили ее любимые блюда. Пять дней они прожили на яблочном пироге, мороженом, жареной рыбе и эскалопах. На шестой Джей взял велик и отправился в Пог-Хилл, наплевав на погоду, но дверь Джо была заперта и никто не откликнулся на стук. Джей оставил велосипед у задней стены и забрался в сад, намереваясь заглянуть в окно. Окна были заколочены.

Он до смерти перепугался. Замолотил кулаками в замурованное окно.

— Эй, Джо! Джо!

Нет ответа. Он снова заколотил, зовя Джо. Красный фланелевый лоскут, выбеленный стихиями, был прибит к оконной раме, но казался старым, выдохшимся, прошлогодним волшебством. За домом стена высоких сорняков — болиголов, полынь и кипрей — укрыла заброшенный участок.

Джей сидел на стене, не чувствуя дождя, который прилеплял футболку к телу и капал с волос на глаза. Джей полностью оцепенел и тупо думал: как мог Джо уйти? Почему он ничего не сказал?

Хоть бы записку оставил! Как мог Джо уйти без него?

— Не дрейфь, сынок, — крикнул кто-то из-за спины. — Все не так плохо, как кажется.

Джей обернулся так быстро, что чуть не упал со стены. Джо стоял футах в двадцати, почти неразличимый среди высоких сорняков. Поверх шахтерской кепки он напялил желтую зюйдвестку. В руке держал лопату.

— Джо?

Старик усмехнулся:

— Он самый. А ты чего подумал?

У Джея не было слов.

— Я так порешил, — с довольным видом объяснил Джо. — Лектричество мне обрубили, но я прицепился в обход счетчика и пользуюсь, как прежде. Вот колодец докопал, теперь и вода есть. Пойдем, поглядишь.

Как всегда, Джо вел себя так, будто они расстались только вчера, будто Джей никогда и не уезжал. Он раздвинул сорняки, которые их разделяли, и поманил паренька за собой. За сорняками огород был таким же ухоженным, как обычно, лимонадные бутылки укрывали ростки, старые окна служили парниками, и картофельные кусты росли в стопке покрышек. Издалека участок мог

показаться многолетним мусором, но вблизи все было на местах, совсем как прежде. На насыпи с фруктовых деревьев, отчасти укутанных полиэтиленом, тек дождь. Лучшей маскировки Джей в жизни не видал.

— Потрясающе, — наконец произнес он. — А я и вправду решил, что ты ушел.

Джо явно был доволен.

— И не только ты, сынок, — загадочно сказал он. — Глянь-ка.

Джей посмотрел в выемку. Сигнальная будка, оранжерея Джо, стояла, хоть и несколько заброшенная с виду; виноградные лозы росли из пробитой крыши и спускались по облупившимся бокам. Рельсы были убраны, шпалы выкопаны — все, кроме пятидесятиярдового участка между будкой и домом Джо, пропущенного словно по недосмотру. Между ржаво-красными следами росли сорняки.

— Через год никто и не вспомнит, что рядом с Пог-Хиллом шла железка. Может, тогда нас оставят в покое.

Джей медленно кивнул, все еще немой от удивления и облегчения:

— Может, и впрямь.

19

Ланскне, март 1999 года

Воздух пахнул сумерками, горько и дымно, как чай «Лапсанг сушонг», и был довольно теплым — можно спать и на улице. Слева виноградник полнился звуками: птицы, лягушки, насекомые. Джей еще различал тропинку под ногами, слегка посеребренную последними лучами заката, но солнце уже покинуло фасад дома, и тот возвышался мрачный, почти зловещий. Джей подумал, не отложить ли визит на утро.

Мысль о долгой прогулке до деревни его убедила. На нем были ботинки — в Лондоне казалось вполне разумным их надеть, но сейчас, после многочасового путешествия, они стали тесными и неудобными. Если он сумеет забраться в дом — судя по тому, что он видел, это несложно, — он переночует там, а в деревню отправится утром.

Вообще-то взломом это не назовешь. В конце концов, дом уже практически принадлежит ему. Он дошел до огорода. Сбоку дома что-то — ставня, может, — ритмично хлопало по штукатурке, ворчливо, уныло. У дальней стены тени двига-

лись под деревьями, и казалось, что там стоит человек, согбенная фигура в кепке и пальто. Что-то хлестнуло по дорожке — колючий стебель артишока, еще увенчанный прошлогодним цветком, высохшим почти до небытия. Еще дальше переросшие остатки огорода бодро качались на посвежевшем ветру. На полпути через заброшенный сад нечто трепетало, словно зацепившись за жесткую ветку шиповника. Лоскут. Джей видел смутно, но немедленно понял, что это. Фланель. Красная. Бросив сумку на дорожку, он размашисто зашагал в заросли сорняков, раздвигая длинные стебли. Это знак. Наверняка.

Только он протянул руку к лоскуту, как что-то хрустнуло под левой ступней и, яростно лязгнув, сжало челюсти, прокусив мягкую кожу ботинка и впившись в лодыжку. Нога подвернулась, Джей упал спиной на траву, и боль, поначалу просто скверная, стала тошнотворной. Бранясь, он схватился за чертову штуку, неразличимую в тусклом свете, и пальцы наткнулись на что-то зазубренное и металлическое, вцепившееся в его стопу.

Капкан, озадаченно подумал он. Какой-то капкан.

Мыслить разумно было больно, и несколько драгоценных секунд Джей лишь глупо дергал

штуку, которая впивалась все глубже. Его пальцы скользили по металлу; он понял, что истекает кровью, и запаниковал.

Усилием воли он заставил себя замереть. Если это капкан, значит, его можно открыть. Вообразить, будто кто-то поставил его на человека, — что за паранойя! Наверное, кто-то ловил кролика, лису — в общем, зверька.

На секунду злость притупила боль. Какая безответственность, какая преступная халатность — ставить ловушки на животных так рядом с домом, с *его* домом! Джей ощупал капкан. Древний какой-то, примитивный. Будто раковину моллюска прибили к земле металлическим колышком. Сбоку защелка. Джей ругался и боролся с механизмом, ощущая, как с каждым шевелением зубы капкана все глубже вгрызаются в лодыжку. Наконец он справился с защелкой, но разжать металлические челюсти удалось не сразу. Избавившись от капкана, Джей неловко отодвинулся и попытался оценить ущерб. Ступня изрядно распухла в ботинке, снять его обычным путем будет сложно или вообще невозможно.

Стараясь не думать о многочисленных штаммах бактерий, что уже сейчас, возможно, вьют в нем гнездо, Джей заставил себя встать и даже

умудрился неуклюже допрыгать до дорожки, где сел на камни и попытался стянуть ботинок.

Потребовалось минут десять. Закончив, он вспотел. Было уже слишком темно, ничего не разглядишь, но и так понятно было, что он не скоро рискнет ходить.

20

Пог-Хилл, лето 1977 года

Новые укрепления Джо — не единственное, что изменилось в Пог-Хилле в тот год. На Дальнем Крае появились гости. Джей по-прежнему бывал там раз в пару дней, привлеченный его обещаниями благородной запущенности, гниения с миром. Даже на пике того лета он не отказался от излюбленных привычек; бывал на берегу канала, у зольной ямы и на свалке, отчасти искал что-нибудь полезное для Джо, отчасти потому, что само место до сих пор его пленяло. Видимо, оно привлекло и цыган, которые явились в один прекрасный день на четырех потрепанных фургонах и составили их вместе в квадрат, словно повозки первопоселенцев для защиты от врагов. Фургоны были серыми и ржавыми, оси прогибались под грузом накопленных пожитков, двери висели на веревках, окна побелели от времени. Люди разочаровывали не меньше. Шестеро взрослых и столько же детей в джинсах, комбинезонах или дешевых ярких нейлоновых тряпках с рынка; от них несло едва заметной нечистоплотностью

— зримое воплощение запахов их лагеря, неизбывной вони жира для жарки, грязного белья, бензина и мусора.

Джей никогда прежде не видел цыган. Эти неряшливые, прозаичные бродяги были совсем не такими, какими он представлял их по книгам. Он воображал запряженные лошадьми кибитки с диковинно раскрашенными боками, опасных темноволосых красоток с кинжалами, заткнутыми за пояса, слепых старух с даром к прорицанию. Конечно, рассказы Джо о цыганах все это подкрепляли. Джей наблюдал за фургонами со своей выигрышной позиции над шлюзом, и вторжение его раздражало. Они казались совсем обыкновенными, и пока Джо не подтвердил их экзотическую родословную, Джей склонен был считать их всего лишь отдыхающими, туристами с юга, приехавшими на торфяники.

— Нет, сынок, — сказал Джо, когда мальчик показал на далекий лагерь, на бледную струйку дыма, поднимающуюся из жестяной трубы в небо Дальнего Края. — Это не туристы. Еще какие цыгане. Может, и не настоящие ромалэ, но чавэла-то уж точно. Бродяги. И я таким же был. — Щурясь в сигаретном дыму, он вперил любопытный взгляд в лагерь. — Небось зазимуют. Как весна — в путь.

На Дальнем Крае никто их не тронет. Туда больше не ходят.

Конечно, он был не совсем прав. Джей полагал Дальний Край своей территорией и несколько дней наблюдал за цыганами с возмущением, как за бандой Зета в первый год. Он редко видел шевеление вокруг фургонов, хотя иногда замечал белье, развешанное поблизости меж деревьев. Пес, привязанный к ближней повозке, иногда захлебывался пронзительным лаем. Пару раз Джей видел женщину, что несла к фургону воду в больших канистрах. Вода поступала из какого-то крана, вделанного в квадрат бетона у гаревой дороги. Такой же агрегат красовался на противоположной стороне лагеря.

— Сто лет назад поставили, — объяснил Джо. — Цыганский лагерь с водой и лектричеством. Там дальше счетчик и резервуар. Даже мусор забирают раз в неделю. Вроде подумаешь — больше народу могло б использовать, ан нет. Забавный народ эти цыгане.

Насколько Джо помнил, в последний раз цыгане появлялись на пустоши лет десять назад.

— Это были ромалэ, вот кто, — сказал он. — В наши дни настоящих ромалэ раз, два и обчелся. Покупали у меня фрукты и овощи. С ними в те

дни мало кто торговал. Говорили, они ничем не лучше попрошаек. — Он усмехнулся. — Что ж. Я не говорю, что все их делишки кристально честные, но надо же как-то сводить концы с концами на дороге. Они чего-то нахимичили со счетчиком. Он принимал полтинники, понимаешь? В общем, они пользовались водой и лектричеством все лето, а когда уехали и из совета пришли забрать монетки, на дне счетчика была только лужица воды. Так и не дознались, как они это провернули. Замок был на месте. Похоже, вообще ничего не трогали.

Джей с интересом посмотрел на Джо.

— И как же они это провернули? — полюбопытствовал он.

Джо снова усмехнулся и постучал себя по носу.

— Алхимия, — прошептал он к досаде Джея и больше ничего об этой истории не рассказал.

Байки Джо возродили интерес Джея к цыганам. Джей несколько дней следил за лагерем, но никаких примет тайной жизни не обнаружил. В конце концов он покинул свой наблюдательный пост на шлюзе ради занятий поинтереснее: искать комиксы и журналы на свалке, изучать мусор, выносимый каждый день железной дорогой. Он разработал отличный способ добычи

халявного угля для кухонной плиты Джо. Дважды в день угольные поезда медленно громыхали от «Главной Керби». В каждом двадцать четыре платформы, на последней сидит сторож и следит, чтоб никто не забрался. А то раньше случалось, поведал Джо, что дети друг друга подзуживали запрыгивать на поезда.

— Хоть и кажется, что они еле тащатся, — мрачно сказал он, — но в каждой платформе — сорок тонн весу. Даже не пытайся на них забраться, сынок.

Джей и не пытался. Он нашел способ получше, и плита Джо топилась его углем все лето и начало осени, пока линию не закрыли окончательно.

Ежедневно, дважды в день, аккурат перед прибытием поезда, Джей выстраивал на мосту старые жестянки. Он выставлял их пирамидой, как в ручном тире, для вящей привлекательности. Скучающий сторож на последней платформе ни разу не устоял перед искушением. Когда поезд проходил по мосту, сторож кидался обломками угля в банки, стараясь их сбить, и Джею неизменно перепадало с полдюжины увесистых кусков угля за раз. Джей хранил их в пустой трехгаллонной банке из-под краски, спрятанной в кустах, и каждые несколько дней, когда банка наполня-

лась, относил в дом Джо. И однажды, ошиваясь у моста, он услышал выстрелы из Дальнего Края и застыл, уронив банку.

Зет вернулся.

21

Ланскне, март 1999 года

Джей вытащил носовой платок из сумки и остановил кровь; он мерз и жалел, что не захватил свой плащ «Берберри». Еще он достал один из сэндвичей, купленных на станции утром, и заставил себя поесть. Вкус омерзительный, зато отступила тошнота, и Джей, кажется, немного согрелся. Уже почти ночь. Ломтик луны поднялся ровно настолько, чтобы легли тени, и, несмотря на боль в ноге, Джей с любопытством озирался. Он бросил взгляд на часы, почти ожидая увидеть светящийся циферблат «Сейко», которые ему подарили на Рождество, когда ему было четырнадцать, и которые Зет разбил в последнюю, самую кошмарную неделю августа. Но «Ролекс» не светились. Тгор[49] вульгарно, mon cher. Керри всегда предпочитала высший сорт.

В тени, на углу дома, что-то пошевелилось.

— Эй! — крикнул он, встал, опираясь на здоровую ногу, и похромал к дому. — Эй! Пожалуйста!

---

[49] Примечания: 49
Чересчур *(фр.).*

Погодите! Тут есть кто-нибудь?

Что-то хлопнуло по стене дома — тот же глухой звук. Ставня, видимо. Джею показалось, что он видит ее контур на фиолетово-черном небе, видит, как она расхлябанно качается от ветерка. Он вздрогнул. Все-таки никого. Если б только забраться в дом, спрятаться от холода.

Окно футах в трех над землей. Внутри широкий подоконник, наполовину заваленный мусором, однако Джей обнаружил, что вполне в состоянии расчистить себе путь. Воздух пахнул краской. Выставив перед собой сумку, Джей осторожно перебросил ногу через подоконник, в комнату, нащупывая осколки стекла. Глаза привыкли к темноте, и теперь он видел, что в комнате почти ничего нет, не считая стола да стула посередине и какой-то груды — тюки, наверное, — в углу. Опираясь на стул, Джей добрался до угла и обнаружил спальный мешок и подушку, аккуратно свернутые и придвинутые к стене, а также картонную коробку с банками краски и связкой восковых свечей.

Свечей? Что за черт?..

Он полез в карман джинсов за зажигалкой. Обычная дешевенькая «Бик» почти выдохлась, но ему удалось высечь огонек. Свечи были су-

хими. Фитиль зашипел и занялся. Пламя уютно осветило комнату.

— Ну хоть что-то.

Можно спать здесь. Вполне уютно. Есть одеяла, постельное белье и остатки обеденных сэндвичей. На мгновение он забыл о боли в ступне и усмехнулся: наконец-то дома. Это надо отметить.

Он порылся в сумке, достал одну из бутылок Джо и кончиком перочинного ножа срезал печать и зеленый шнурок. Явственный аромат бузины разлился в воздухе. Джей отпил, наслаждаясь знакомым, насыщенным вкусом фруктов, оставленных гнить в темноте. Определенно удачный урожай, сказал он себе и, несмотря ни на что, слабо рассмеялся. Он выпил еще чуть-чуть. Невзирая на вкус, вино согревало, отдавало мускусом; Джей сел на свернутую постель, глотнул еще, и ему полегчало.

Он снова полез в сумку и достал радио. Включил, наполовину ожидая лишь белый шум, который слушал всю дорогу от Марселя, но, как ни странно, сигнал был четким. Не ретростанция, конечно, но что-то местное, французское, тихие музыкальные трели, которых он не узнавал. Джей снова засмеялся, внезапно закружилась голова.

В сумке четверо «Особых» вновь слились в

хоре, забродившей мешанине криков, свиста и воинственных кличей, что лихорадочно двоились, пока напряжение не обернулось диким, тревожным, вульгарным шампанским звуков и впечатлений, голосов и воспоминаний, взболтанных в горячечном коктейле триумфа. Оно тянуло меня, тащило, и на миг я перестал быть собой — «Флёри», респектабельным винтажом с легчайшим оттенком черной смородины, — но стал варевом вкусов, кипящим, и бурлящим, и бьющим в голову в дикой вспышке тепла. Что-то вот-вот произойдет. Я знал. И внезапно упала тишина.

Джей внимательно огляделся. Мгновение он дрожал, словно ощутив порыв ветра, ветра нездешнего. Краска на стене свежая, заметил он; рядом с банками краски — вымытые и аккуратно уложенные в поддон кисти, еще влажные. Ветер свежел, пахнул табаком и цирком, жженым сахаром, яблоками и кануном середины лета. Радио тихонько потрескивало.

— Ну, сынок, — раздался голос в тени, — смотрю, ты не спешил.

Джей развернулся так быстро, что чуть не потерял равновесие.

— Осторожней, — добродушно посоветовал

Джо.

— Джо?

Он не изменился. Старая кепка, футболка с «Худышкой Лиззи», рабочие брюки и горняцкие ботинки. В руке два винных бокала. Перед ним на столе стояла бутылка «Бузины 1976».

— Всегда говорил, что рано или поздно ты к нему привыкнешь, — довольно отметил он. — Бузинное шампанское. Изрядно по мозгам бьет, а?

— Джо?!

Вспышка радости опалила его, столь неистовой, что бутылки задрожали. Теперь все понятно, бессвязно подумал он; теперь все стало на свои места. Знаки, воспоминания — все ради этого, все наконец понятно.

А потом навалилось осознание, как пробуждение ото сна, где все как будто колеблется на грани объяснения, но рассыпается на осколки с рассветом.

Разумеется, этого не может быть. Джо сейчас за восемьдесят. Если он еще жив. Джо смылся, отчаянно сказал себе Джей, яко тать в нощи, не оставив ничего, кроме вопросов.

Джей смотрел на старика, озаренного свечами, на его блестящие глаза и смешливые морщинки под ними и впервые заметил, что все в Джо

— даже мыски горняцких ботинок — словно *позолочено* сверхъестественным светом ностальгии.

— Ты ведь не настоящий? — спросил он. Джо пожал плечами.

— А что настоящее? — беспечно спросил он. — Да ничего, сынок.

— Настоящее — в смысле, по-настоящему здесь. Джо терпеливо взглянул на него, как учительница на отстающего. Голос Джея взвился почти от злобы:

— Настоящее — в смысле, существующее материально. А не в моем обманутом, пропитанном винными парами воображении, или как первый симптом заражения крови, или как внетелесный опыт, в то время как настоящий я сижу где-нибудь в белой комнате, в одной из этих рубашек с длинными рукавами.

Джо спокойно смотрел на него.

— Значит, ты вырос и стал писателем, — заметил он. — Всегда говорил, что ты смекалистый паренек. Ну как, написал что-нибудь приличное? Заработал деньжат?

— Деньжат заработал уйму, а вот приличное написал только одно. И слишком давно. Черт, поверить не могу, что и вправду сижу и разговариваю сам с собой.

— Всего одно, говоришь?

Джей снова поежился. Пронизывающий ночной ветер тянул из-за полуоткрытой ставни беспокойным нездешним сквозняком.

— Похоже, я и правда болен, — тихо сказал Джей сам себе. — Токсический шок или вроде того. Чертов капкан. Я схожу с ума.

Джо покачал головой.

— До свадьбы заживет, сынок. — Джо всегда перескакивал на местный говор, когда был ироничен. — Обычный капкан на лис. Мужик, который здесь жил, держал кур, а чертовы лисы вечно шастали по ночам. Он даже помечал лоскутом места, где капканы.

Джей посмотрел на обрывок фланели, зажатый в руке.

— Я думал…

— Я знаю, что ты думал. — Глаза Джо искрились весельем. — Ты ничуть не изменился, вечно поперед батьки в пекло лезешь. Вечно задаешь вопросы. Вечно хочешь поскорее все выяснить. — Он протянул один из бокалов — теперь в нем плескалось желтое бузинное вино. — Выпей-ка, — добродушно предложил он. — Пользительно. Я б посоветовал сходить на задний двор да нарвать епископовых листьев, но звезды сегодня никуда

не годятся.

Джей уставился на него. Для галлюцинации Джо был слишком реален. Под ногтями и в линиях ладоней — земля из сада.

— Я болен, — тихо прошептал Джей. — Ты ушел тем летом. И даже не попрощался. Тебя тут нет. Я знаю.

Джо покачал головой.

— Ну да, — ласково сказал он. — Поговорим об этом потом, когда чуток в себя придешь.

— Когда я приду в себя, тебя здесь не будет.

Джо расхохотался и закурил. Едкий запах табака в холодном воздухе. Джей без удивления заметил, что сигарета появилась из старой пачки «Плейерс № 6».

— Хочешь?

Джо протянул ему пачку.

Мгновение сигарета казалась почти реальной в руках. Джей затянулся, но дым пахнул каналом и кострами. Он щелчком отправил окурок на бетонный пол, поглядел, как летят искры. Голова слегка плыла.

— Может, приляжешь? — предложил Джо. — Вон там спальник и одеяла, довольно чистые, во как. Ты выжатый, как лимон.

Джей с сомнением посмотрел на стопку одеял.

Он до смерти устал. Голова болела, ныла нога, к тому же он безнадежно запутался. Он знал, что должен волноваться. Но на время словно потерял способность задавать вопросы. Морщась от боли, он лег на импровизированную кровать и влез в спальный мешок. Теплый, чистый, удобный. Мимолетно он задумался, не галлюцинация ли и это, вызванная переохлаждением, своего рода нездоровая взрослая версия «Девочки со спичками», и тихо засмеялся себе под нос. Пьяблочный Человек. Забавно, правда? Утром его найдут с красным лоскутом в одной руке и пустой бутылкой в другой, замерзшего, с улыбкой на лице.

— Когда рак на горе свистнет, — весело сказал Джо.

— Старые писатели не умирают, — пробормотал Джей. — Они просто доходят до ручки.

Он снова засмеялся, довольно громко. Пламя свечи задрожало и угасло, хотя глаза Джея утверждали, что видели, как старик свечу *задул.* В комнате стало очень темно. Одинокая полоса лунного света касалась каменного пола. Птица за окном извергла короткую, душераздирающую трель. Вдалеке кто-то кричал — кошка или сова. Джей лежал в темноте и прислушивался. Ночь полнилась звуками. За окном прошелестели

шаги, и он замер.

— Джо?

Но старик ушел — если вообще был. Шаги раздались снова, мягкие, вкрадчивые. Животное, должно быть, сказал себе Джей. Собака, например, или лиса. Он встал и подошел к окну.

За ставнями кто-то стоял.

— Иисусе!

Он отшатнулся, раненая лодыжка подвернулась, и он едва не рухнул на пол. Фигура за окном была высокой и непомерно большой в тяжелом пальто и кепке. Под козырьком кепки смутно маячили черты лица, волосы рассыпались по воротнику, злые глаза на бледном лице. Вспышка почти узнавания. Но уже через мгновение женщина по ту сторону подоконника оказалась совершенной незнакомкой.

— Что вы тут забыли? — Он машинально заговорил по-английски, не ожидая, что она поймет. После всех ночных происшествий он вовсе не был уверен в ее реальности. — И вообще, кто вы такая?

Женщина не отводила взгляда. Старый дробовик в ее руке не был нацелен на Джея, но стоило ей чуть шевельнуть стволом…

— Вы вторглись в чужие владения. — Она го-

ворила по-английски с сильным акцентом, но правильно. — Этот дом не заброшен. Это частная собственность.

— Я знаю. Я…

Она тут, должно быть, вроде смотрителя, сказал себе Джей. Возможно, ей платят, чтобы приглядывала за домом. Ее присутствие объясняло загадочные звуки, свечи, спальный мешок, запах свежей краски. Остальное — неожиданное появление Джо, например, — пустое воображение. Он с облегчением улыбнулся.

— Простите, что накричал на вас. Не сообразил. Я — Джей Макинтош. В агентстве, возможно, обо мне говорили.

Она недоуменно смотрела на него. Ее глаза быстро ощупали его, вобрав пишущую машинку, бутылки, багаж.

— В агентстве?

— Да. Я тот человек, что купил дом. По телефону. Позавчера. — Он коротко, нервно хохотнул. — С бухты-барахты. Впервые в жизни. Не мог дождаться, пока оформят бумаги. Хотел увидеть прямо сейчас.

Он снова засмеялся, но ответной улыбки в ее глазах не появилось.

— Говорите, вы купили дом?

Он кивнул.

— Решил приехать посмотреть. Ключей не добыл. Умудрился тут застрять. Повредил лодыжку…

— Этого не может быть. — Ее голос был ровен. — Мне бы сказали, если б появился другой покупатель.

— Вряд ли меня ожидали так скоро. Послушайте, вообще-то все проще простого. Извините, если напугал вас, я вообще-то ужасно рад, что вы приглядываете за домом.

Женщина странно посмотрела на него, но промолчала.

— Смотрю, дом немного привели в порядок. Я заметил банки с краской. Ваша работа?

Она кивнула, глаза ее оставались темны. Небо за ее спиной было туманным, тревожным. Ее молчание начало смущать Джея. Очевидно, его история не убедила ее.

— Вы… ну, поблизости хватает такой работы? В смысле, присмотра. Реставрации старых зданий.

Она пожала плечами. Могло означать все, что угодно. Джей понятия не имел, что она имела в виду.

— Джей Макинтош. — Он опять улыбнулся. — Я писатель.

Снова этот взгляд. Ее глаза пробежали по нему, то ли презрительно, то ли с любопытством.

— Мариза д'Апи. У меня виноградник за полями.

— Приятно познакомиться.

То ли в этих краях не принято пожимать руки, то ли ее отказ — намеренное оскорбление.

Нет, она не смотритель, сказал себе Джей. Мог бы и сразу сообразить. Ее надменность, резкость — тому доказательство. Эта женщина владеет собственным хозяйством, собственными лозами. Жесткая, как и взрастившая ее земля.

— Значит, мы будем соседями.

И снова нет ответа. Лицо — точно закрытые ставни. И не узнать, что скрывается за ними — изумление, злоба или просто равнодушие. Она отвернулась. Мгновение ее лицо, обращенное к луне, было посеребрено светом, и Джей увидел, что она молода — двадцать восемь, двадцать девять, не старше, — разглядел лукавое острое личико под большой кепкой. А потом она ушла, грациозная несмотря на мешковатое пальто, приминая ботинками влажные сорняки.

— Эй! Подождите! — Слишком поздно Джей сообразил, что женщина способна ему помочь. Наверняка у нее есть еда, горячая вода, антисеп-

тики для раненой лодыжки. — Погодите минутку! Мадам д'Апи! Вы не поможете мне, часом?

Если она его и слышала, отвечать не стала. Секунду ему казалось, что он видит ее силуэт на фоне неба. Может, трава шелестела под ее ногами, а может, и нет.

Поняв, что она не вернется, Джей вернулся в свою импровизированную постель в углу и зажег свечу. Почти пустая бутылка вина Джо стояла у изголовья, хотя Джей был уверен, что оставил ее на столе. Вероятно, сам переставил, когда галлюцинировал, подумал он. Вполне естественно. Он пережил шок. При свете свечи он стащил носок и исследовал лодыжку. Уродливый порез, плоть вокруг распухла и посинела. Епископовы листья, сказал старик, и Джей против воли улыбнулся. Епископовы листья — йоркширское название норичника ушковидного — были у Джо одним из обычных ингредиентов защитных саше.

Но пока единственный антисептик — вино. Джо наклонил бутылку и полил желтой жидкостью порез, тоненькой струйкой. С минуту пощипало, запахло летом и пряностями, и, хотя Джей знал, что это глупо, власть аромата была такова, что ему немного полегчало.

Радио неожиданно затрещало и умолкло.

Нездешний ветер — несущий запах яблок, колыбельную проходящих поездов и далеких машин, болтовню радио. Забавно, как в голове все время крутится эта песня, зимняя песня, «Богемская рапсодия».

Джей уснул, крепко сжимая красный фланелевый лоскут.

Но вина — красная малина, синяя ежевика, желтый шиповник, черный тернослив — бодрствовали. Говорили.

22

Дальний Край, лето 1977 года

Зет не изменился. Джей мгновенно узнал бы его, даже без винтовки на плече, хотя Зет сильно вытянулся за год, а длинные волосы были убраны теперь в крысиный хвостик. В джинсовой куртке — поперек спины шариковой ручкой написано «Грейтфул Дэд»[50] — и высоких ботинках. Из своего укромного места над каналом Джей не видел, один Зет или нет. Пока он наблюдал, Зет вскинул воздушку и прицелился куда-то за тропу. Утки, сидевшие у воды, брызнули вверх, крылья затрещали, как хлопушки. Зет улюлюкнул и выстрелил снова. Утки совсем рехнулись. Джей не двигался. Если Зет хочет пострелять уток, думал он, это его дело. Джей не собирается вмешиваться. Но чем дольше он наблюдал, тем больше сомневался. Похоже, Зет стреляет не в канал, а куда-то подальше. За деревья, ближе к реке, хотя местность слишком открытая для птиц. В кроликов, может, подумал Джей, хотя он так шумит, что все

[50] Примечания: 50
«Grateful Dead», американская рок-группа.

зверье наверняка давно разбежалось. Джей сощурился на закатное солнце, стараясь разобрать, что Зет делает. Тот выстрелил снова, дважды, и перезарядил винтовку. Джей понял, что Зет стоит почти на том самом месте, где Джей сам прятался, чтобы понаблюдать за… Цыганами.

Зет, должно быть, стреляет в веревку с бельем, натянутую между двумя ближними фургонами, поскольку один ее конец уже безвольно стелется по траве, как подраненное крыло птицы, вяло хлопает на ветру. Пес на привязи визгливо залаял. Джею показалось, что в окне фургона что-то шевельнулось, занавеска на мгновение отошла в сторону и лицо, бледное, размытое, с глазами, расширенными от злости или страха, мелькнуло, прежде чем занавеска рывком вернулась на место. После этого фургоны окончательно замерли, Зет снова захохотал и начал перезаряжать винтовку. Теперь Джей услышал, что он кричит:

— Чернома-азые! Чернома-азые!

Что ж, сказал себе Джей, тут он ничего не может поделать. Даже Зет не настолько рехнулся, чтобы и вправду кого-нибудь поранить. Палить по веревке с бельем — вот это на него похоже. Людей пугать. И у него неплохо получается, признал Джей. Он вспомнил себя тем первым летом, как

он корчился под шлюзом, и лицо его запылало.

Черт побери, ничего тут не поделаешь.

Цыганам в фургонах ничего не грозит. Они подождут, пока Зет устанет или у него кончатся заряды. Должен же он когда-нибудь уйти домой. Кроме того, это всего лишь воздушка. От воздушки не бывает настоящего вреда. Серьезно. Даже если в человека выстрелить.

Ну а что он, интересно, должен сделать?

Джей развернулся и взвизгнул от удивления. В кустах, в каких-то пяти футах от него, сидела на корточках девочка. Джей так увлекся наблюдением за Зетом, что не услышал, как она появилась. На вид лет двенадцать. Под ежевичником рыжих кудряшек лицо казалось маленьким и пятнистым, словно веснушки, пытаясь удержаться на коже, растянулись и вовсе утратили форму. На девочке были джинсы и белая футболка, настолько большая, что рукава свободно болтались вокруг худеньких рук. Она сжимала грязную красную бандану, кажется набитую камнями.

Девочка вскочила на ноги мгновенно и бесшумно, как апач. Джей и слова не успел сказать — брошенный ею камень с невероятной скоростью просвистел в воздухе и с отчетливым нехорошим хрустом метко врезался в его колено.

Джей снова завизжал и рухнул на землю, вцепившись в колено. Девочка смотрела на него, держа наготове второй камень.

— Эй, — возмутился Джей.

— Извини, — сказала девочка, не выпуская камня из рук.

Джей закатал штанину и осмотрел пострадавшую коленку. Уже расплывался синяк. Джей уставился на девочку; та глядела спокойно и явно не раскаивалась.

— Не надо было так поворачиваться, — сказала девочка. — Ты застал меня врасплох.

— Застал тебя!..

Джей потерял дар речи. Девочка пожала плечами.

— Я думала, вы заодно, — сказала она, свирепо дернув маленьким подбородком в направлении шлюза. — Практикуешься в стрельбе по нашим фургонам и бедному старому Тоффи.

Джей вернул штанину на место.

— Заодно! Он мне не друг, — с негодованием отрекся он. — Он псих.

— А. Ладно.

Девочка вернула камень в бандану. Раздались еще два выстрела и вслед за ними воинственное улюлюканье Зета: «Чернома-а-азые!» Девочка

осторожно глянула вниз через кусты, отвела ветку и приготовилась скользнуть под нее вниз по насыпи.

— Эй, погоди.

— Чего?

Девочка едва на него глянула. В тени куста глаза ее золотились, как у совы.

— Ты что делаешь?

— А ты как думаешь?

— Но я же говорю. — Негодование Джея — напала не понять с чего! — сменилось тревогой. — Он псих. Не связывайся. Он скоро устанет. И тогда оставит вас в покое.

Девочка посмотрела на него с откровенным презрением.

— Ты, небось, так бы и сделал? — спросила она.

— Ну… да.

Она хмыкнула, не то удивленно, не то презрительно, и легко поднырнула под ветку, балансируя свободной рукой, соскользнула по склону, затормозив каблуками на осыпи. Джей понимал, куда она направляется. В пятидесяти ярдах ниже был обрыв, выходивший прямо на шлюз. Красный глинистый сланец, выпавшие камни покрывали насыпь там, где холм открывался. За тонкой ширмой кустов можно укрыться.

Забраться туда непросто — если лезть быстро или неосторожно, можно съехать по осыпи и свалиться с обрыва на камни внизу, — зато оттуда ей будет удобно атаковать. Если она собралась атаковать. А поверить в такое непросто. Джей вновь глянул вниз и увидел ее уже намного дальше, почти не различимую в подлеске — разве что волосы видны. Пусть делает что хочет. Он ее предупредил.

Все это, в общем-то, его не касается. Не его дело.

Вздохнув, он подхватил банку с углем, собранным за три дня, и пополз вниз по каменистой тропинке вслед за девочкой.

Он выбрал другой путь, к зольной яме, по большей части скрытый кустами. В любом случае, подумал он, Зет не смотрит. Слишком занят стрельбой и криками. Довольно легко пересечь открытое пространство зольной ямы и спрятаться под выступом за ней. Место не такое укромное, как над обрывом, но тоже ничего, а против двоих даже Зет не устоит. Если их, конечно, действительно двое против одного. Джей старался не думать о друзьях Зета, которые, возможно, ошиваются поблизости — только кликни.

Он поставил банку с углем на землю и подо-

брался к краю ямы. Крики Зета раздавались совсем близко; Джей слышал его дыхание, треск винтовки, когда Зет переламывал ствол, чтобы перезарядить. Быстро выглядывая за край ямы, Джей видел его: затылок, часть профиля, шею, пылающую прыщами, сальный хвостик. Девочки над шлюзом не видать; Джей внезапно забеспокоился, не ушла ли она. А потом что-то рыжее мелькнуло над обрывом, камень со свистом вылетел из кустов и ударил Зета в плечо. Джей на мгновение изумился точности броска. Зет вихрем развернулся, взревев от боли и удивления. Второй камень ударил его под дых, и когда он рывком обернулся к обрыву, Джей швырнул два куска угля ему в спину. Один попал, другой промазал, но Джея жарко окатило весельем, и он снова припал к земле.

— Я убью тебя, сволочь!

Голос Зета прозвучал совсем близко, пугающе взрослый, голос переодетого юного тролля. Потом девочка пальнула снова, попав в лодыжку, еще раз, но промахнулась, затем записала на свой счет прямой удар в висок — стук такой, будто кии загнал бильярдный шар в лузу.

— Оставь нас в покое! — крикнула девочка из своего гнезда над шлюзом. — Оставь нас в покое,

чертов ублюдок!

Теперь Зет ее заметил. Джей увидел, как Зет подвигается к обрыву, не выпуская винтовку из рук. Джей понимал, что делает Зет. Он попытается укрыться под выступом, перезарядить винтовку, выскочить и пальнуть. Ему придется стрелять вслепую, но это не важно. Джей выглянул за край зольной ямы, прицелился. И изо всех сил залепил Зету между лопаток.

— Отвали! — яростно крикнул он и метнул очередной кусок угля через край ямы. — Иди к другим цепляйся!

Зря он показался так открыто. Джей увидел, как глаза Зета расширились, узнавая.

— Так-так-так.

Зет все-таки изменился. Стал шире, раздался в плечах соответственно росту. Он показался Джею совсем взрослым, окончательно выросшим и беспощадным. Улыбнувшись, Зет направился к зольной яме, целясь из винтовки. Теперь он держался под выступом, прячась от девочки. Он ухмылялся. Джей бросил еще два куска угля, но промазал, а Зет неуклонно приближался.

— Вали отсюда!

— А то чё? — Зет был уже так близко, что, кося глазом из-под выступа, ясно видел все, что проис-

ходит в яме. Его оскал напоминал костяной серп. Он целился из воздушки, глядя насмешливо, почти ласково. — А то чё? А то чё?

В отчаянии Джей перекидал в него все остатки угля, но глазомер ему изменил. Уголь отскакивал от плеч Зета, словно пули от танка. Джей смотрел в дуло винтовки Зета. Это всего лишь воздушка, твердил рассудок, всего лишь воздушка, всего лишь игрушка дурацкая. Это вам не кольт и не парабеллум, ничего такого, и вообще он не осмелится выстрелить.

Палец Зета потянул курок на себя. Щелчок. С такого расстояния винтовка совсем не казалась дурацкой. Она казалась смертельно опасной.

Внезапно за его спиной раздался шум, и шквал мелких камней полетел с обрыва, осыпая шею и плечи. Джей сообразил: Зет, наверное, вышел из-под спасительного выступа и снова попал под обстрел Девочки. (Забавно, как внезапно это слово стало именем собственным.) Джей отшатнулся к краю ямы, не спуская глаз с Зета. Предположение, что Девочка кидает камни из банданы, оказалось неверным: камни летели не поодиночке, но дюжинами или даже сотнями — голыши, осколки, камешки, галька, а порой камни побольше съезжали в облаке охряной пыли. Что-то

сдвинуло часть выступа, и с него нарастающей лавиной поползла щебенка. Джей видел, как что-то движется над обрывом — мешковатая футболка, уже не слишком белая, увенчанная морковной путаницей волос. Девочка на четвереньках стояла на насыпи и изо всех сил работала ногами, сбрасывая куски скалы, землю и пыль на камни внизу, где они разбивались, осыпая Зета землей, камнями и едкой оранжевой пылью. За грохотом обвала Джей слышал, как ее тоненький голосок победно орет: «Что, съел, ублюдок?»

Зета ее атака застигла врасплох. Он бросил ружье, метнулся было под защиту выступа, но хотя тот прикрывал от метательных снарядов, против обвала он был бесполезен, и, оступаясь, задыхаясь, Зет угодил в самую гущу лавины. Он выругался, прикрыл голову руками, когда на него внезапно посыпалась щебенка. Один булыжник размером с кирпич треснул его по локтю, после чего Зет внезапно потерял интерес к схватке. Кашляя, задыхаясь, ничего не видя в пыли, прижимая раненую руку к животу, пошатываясь, он выбрался из-под выступа. Сверху донесся победный воинственный клич, и мелкие камни посыпались с новой силой, но битва уже была выиграна. Зет кровожадно глянул через плечо и

смылся. Он бежал по боковой тропке до самого верха и только там остановился, чтобы бросить вызов.

— Вы оба покойники, ясно? — Его голос отразился от камней на берегу канала. — Только попадитесь мне, и оба вы покойники!

Девочка насмешливо улюлюкнула под деревьями.

Зет бежал.

23

Ланскне, март 1999 года

Джей проснулся от прикосновения солнечного луча к лицу. Свет был странно желтоватым, каким-то процеженным и винным, непохожим на обычную бледную прозрачность рассвета, и Джей, посмотрев на циферблат, с удивлением понял, что проспал больше четырнадцати часов. Он вспомнил лихорадку и даже бред прошлой ночи и в тревоге осмотрел больную лодыжку, ища признаки заражения, каковых, впрочем, не обнаружил. Опухоль уменьшилась, пока он спал, и, несмотря на разноцветный синяк, а также уродливый порез, все оказалось намного лучше, чем он помнил. Должно быть, долгий сон пошел ему на пользу.

Он умудрился натянуть ботинок. В ботинке нога побаливала, но не так сильно, как он опасался. Съев последний сэндвич — весьма несвежий, но голод не тетка, — он собрал вещи и медленно побрел к дороге. Он бросил сумку и чемодан в кустах и пустился в долгий путь к деревне. До главной улицы он шел почти час, не раз останав-

ливался передохнуть, так что времени оглядеться хватило. Ланскне оказался крошечным городком: единственная главная улица и несколько переулков, площадь, на ней несколько лавок — аптекаря, булочника, мясника, цветочника, церковь за двумя рядами лип, потом долгий спуск к реке, кафе и несколько заброшенных домов, шатко бредущих по зазубренным берегам к полям. Джей явился с реки, которую перешел вброд на отмели по камням, поэтому сначала зашел в кафе. Яркий красно-белый навес прикрывал окошко, пара металлических столиков была выставлена на мостовую. Вывеска над дверью гласила: кафе «Марод».

Джей зашел и заказал blonde[51]. Propriétaire[52] за барной стойкой с любопытством воззрилась на него, и он понял, как, должно быть, выглядит: немытый и небритый, в грязной футболке, пропахший дешевым вином. Он улыбнулся, но женщина продолжала смотреть с сомнением.

— Меня зовут Джей Макинтош, — объяснил он ей. — Я англичанин.

— А, англичанин.

---

[51] Примечания: 51
Светлое пиво *(фр.)*

[52] Примечания: 52
Хозяйка *(фр.)*.

Женщина улыбнулась и кивнула, словно это все объясняло. У нее было круглое, розовое, блестящее личико, словно у куклы. Джей хорошенько приложился к пиву.

— Жозефина, — представилась proprietaire. — Вы… турист?

Судя по тону, подобное немало удивило бы ее. Джей покачал головой.

— Не совсем. Я вчера вечером еле сюда добрался. Я… заблудился. Пришлось спать где попало.

Он коротко объяснил.

Жозефина смотрела на него с настороженным сочувствием. Очевидно, не представляла, как можно заблудиться в таком крохотном, знакомом местечке, как Ланскне.

— У вас есть комнаты? На ночь?

Она покачала головой.

— А гостиница тут есть? Или chambre d'hôte?

Вновь смотрит удивленно. Джей начал понимать, что туристов здесь бывает не густо. Ну ладно. Значит, Ажен.

— Можно от вас позвонить? Вызвать такси?

— Такси? — На это она расхохоталась. — Такси вечером в воскресенье?

Джей заметил, что еще нет шести, но Жозефина покачала головой и снова рассмеялась. Сейчас

все такси едут домой, объяснила она. Никто не потащится в такую даль за клиентом. Деревенские мальчишки часто шутят по телефону, улыбаясь, рассказала она. Заказывают такси, пиццу на дом… Они думают, это смешно.

— Ясно.

Конечно, есть еще дом. Его дом. Он уже провел в нем ночь и со спальным мешком и свечами вполне может выдержать и вторую. Купит еды в кафе. Наберет дров, разведет огонь в камине. В чемодане есть одежда. Утром он переоденется и поедет в Ажен, подпишет бумаги и заберет ключи.

— Туда приходила женщина, когда я спал. Мадам д'Апи. По-моему, приняла меня за взломщика.

Жозефина стрельнула глазами.

— Наверное. Но если дом теперь ваш…

— Я решил, она сторож. Она стояла на часах. — Джей усмехнулся. — По правде говоря, она была не слишком приветлива.

Жозефина покачала головой:

— Да, я догадываюсь.

— Вы с ней знакомы?

— Толком нет.

Казалось, упоминание Маризы д'Апи встрево-

жило Жозефину. Она снова глядела с сомнением и весьма нарочито оттирала пятно со стойки.

— По крайней мере, теперь я знаю, что она существует, — весело заметил Джей. — В полночь я решил, что видел привидение. Надеюсь, днем она выходит?

Жозефина молча кивнула, продолжая тереть стойку. Джея заинтриговала ее немногословность, но он был чересчур голоден, чтобы допытываться.

Меню было не слишком обширным, но plat du jour[53] — большой омлет с салатом и жареной картошкой — вполне его устроило. Он купил пачку «Голуаз» и запасную зажигалку, потом Жозефина дала ему с собой сырный багет в вощеной бумаге, три бутылки пива и пакет яблок. Джей ушел еще засветло, унося покупки в пластиковом пакете, и быстро добрался до дома.

Он перенес остатки багажа из укромного места у обочины в дом. Он устал, измученная лодыжка начала протестовать, но все же сперва он затащил чемодан в дом и лишь затем позволил себе передохнуть. Солнце скрылось, небо было светлым, но уже темнело, и он взял поленьев из

---

[53] Примечания: 53
Дежурное блюдо *(фр.).*

кучи за домом и сложил их в зев камина. Дрова казались совсем свежими и лежали под листом рубероида, чтоб не намокли. Еще одна загадка. Он предположил, что дрова наколола Мариза, но с чего бы? Уж конечно, на дружелюбную соседку она не похожа. Он нашел пустую бутылку из-под бузинного вина в мусорном баке за домом. Он не помнил, чтоб выкидывал ее туда, но глупо ожидать, что он будет помнить все, что происходило ночью, если учесть, в каком он был состоянии. «Я бредил», — сказал он себе. Достаточно того, что ему привиделся Джо, такой реальный, что Джей в него почти поверил. Единственный сигаретный окурок, обнаруженный в комнате, где Джей провел ночь, выглядел древним. Может, лет десять тут валялся. Джей расковырял окурок, пустил его по ветру и закрыл ставни изнутри.

Он зажег несколько свечей, потом развел огонь из старых газет, найденных в коробке наверху, и дров, принесенных из-за дома. Несколько раз бумага яростно вспыхивала, потом гасла, но наконец щепа занялась. Джей заботливо подкармливал огонь, слегка удивляясь тому, насколько это оказалось приятно. Было что-то примитивное в этом простом действии, что-то из вестернов, которые он так любил в детстве.

Он открыл чемодан и поставил пишущую машинку на стол, рядом с бутылками вина, довольный эффектом. Он почти чувствовал, что сегодня сможет что-нибудь написать, что-нибудь новое. Никакой фантастики. Джонатан Уайнсеп в отпуске. Сегодня он проверит, на что способен Джей Макинтош.

Он сел за машинку. Неуклюжая штука с подпружиненными клавишами, от которых болят пальцы. Он сохранил ее из претенциозности, хотя прошли годы с тех пор, как он регулярно работал на ней. Теперь клавиши уютно легли под руки, и он на пробу напечатал несколько строк через красящую ленту.

Звук тоже хорош. Но без бумаги…

Неоконченная рукопись «Отважного Кортеса» лежала в конверте на дне чемодана. Джей достал ее, перевернул первую страницу и заправил в машинку. Агрегат на столе перед ним казался автомобилем, танком, ракетой. Комната вокруг жужжала и шипела, словно темное шампанское. Клавиши машинки скакали и щелкали под пальцами. Он забыл о времени. Забыл обо всем.

24

Пог-Хилл, лето 1977 года

Девочку звали Джилли. Джей нередко встречал ее после того случая на Дальнем Крае, и иногда они вместе играли у канала, собирая мусор и сокровища, срывая марь или одуванчики для общего котла. Они не настоящие цыгане, насмешливо сказала ему Джилли, просто бродяги, люди, которые не могут долго усидеть на одном месте и презирают капиталистический рынок недвижимости. Ее мать Мэгги жила в типи в Уэльсе, пока не родилась Джилли, а затем решила, что ребенку необходима более стабильная среда обитания. Вот почему старый автоприцеп, рыбный фургон, был подлатан, освежен и приспособлен к нуждам двух человек и пса.

Отца у Джилли не было. Как объяснила Мэгги, она не любила мужчин, поскольку они — столпы иудео-христианского патриархального общества, одержимого женской покорностью. От подобных разговоров Джею всегда становилось чуточку не по себе, и он неизменно старался быть особенно вежливым с Мэгги, на случай если она когда-ни-

будь примет его за врага; впрочем, она никогда его не корила, хотя порой сокрушалась из-за его пола, полагая его чем-то вроде врожденной неполноценности.

Джилли мгновенно поладила с Джо. Джей познакомил их через неделю после битвы камнями и от их взаимопонимания ощутил легкий укол ревности. Джо знал многих местных бродяг и уже начал торговать с Мэгги, меняя фрукты и заготовки на шерстяные платки, которые она вязала из свитеров, купленных в благотворительных лавках; этими платками Джо укрывал свои нежные многолетники — хихикая, признался он, и Мэгги покатилась со смеху — холодными ночами. Она уйму всего знала о растениях и вместе с Джилли приняла амулеты и защитные ритуалы Джо с исключительной безмятежностью, как нечто совершенно естественное. Пока Джо работал на огороде, Джей и Джилли помогали ему с остальным хозяйством, а он беседовал с ними или подпевал радио, пока они собирали семена в банки, или зашивали заклинания в красные фланелевые мешочки, или таскали старые поддоны с насыпи, чтобы хранить в них дозревающие фрукты. Присутствие Джилли будто смягчило Джо. Он как-то по-особому с ней говорил, словно закры-

ваясь от Джея — беззлобно, но все-таки ощутимо. Может, потому, что Джилли тоже путешествовала. А может, просто потому, что она девочка.

Джилли никоим образом не оправдывала ожиданий Джея. Она оказалась отчаянно независимой, всегда командовала, несмотря на его старшинство, была неугомонной, бойкой и острой на язык, причем настолько, что консервативно воспитанный Джей втайне был шокирован; ее переполняли эксцентричные суеверия и идеи, почерпнутые из неистощимого запаса матери. Пришельцы из космоса, феминизм, нетрадиционные религии, лозоходство, нумерология, охрана окружающей среды — всему находилось место в философии Мэгги, и во все это верила Джилли. От нее Джей узнал об озоновом слое и булочках, таинственным образом принявших форму Иисуса, о том, что она называла Новой Смертельной Угрозой, о шаманизме, о спасении китов. В свою очередь, она была идеальной слушательницей его рассказов. Они проводили вместе целые дни, иногда помогая Джо, но чаще просто ошиваясь у канала, разговаривая или исследуя. После битвы камнями они еще раз видели Зета издали на свалке и обошли его стороной. Как ни странно, Джилли его ни капельки не боялась, — но Джей

боялся. Он не забыл, что Зет крикнул в тот день, когда они заставили его обратиться в бегство от шлюза, и был бы до смерти рад никогда больше Зета не увидеть. Но конечно, такое счастье ему не светило.

25

Ланскне, март 1999 года

Назавтра с утра он был в Ажене. Он узнал у Жозефины, что автобусы ходят всего дважды в день, и, наскоро выпив кофе и съев парочку круассанов в кафе «Марод», отбыл за бумагами в агентство. Волокита заняла больше времени, чем Джей ожидал. Юридически все было оформлено еще вчера, но электричество и газ еще не подключили, и агентство очень не хотело отдавать ключи, пока из Англии не прибыла вся документация. К тому же, как рассказала женщина в агентстве, есть и другие сложности. Предложение Джея поступило, когда другое как раз рассматривалось, точнее, было принято владельцем, хотя официально еще ничего не было сделано. Предложение Джея — на пять тысяч фунтов весомее чужого — легко склонило чашу весов в его пользу, но человек, которому обещали ферму, позвонил сегодня с утра пораньше, ругаясь и угрожая.

— Поймите, мсье Макинтош, — сконфуженно произнесла агент. — В этих крохотных общинах обещание земли… они не понимают, что простое

слово никого ни к чему по закону не обязывает.

Джей сочувственно кивнул.

— К тому же, — продолжала агент, — продавец, который живет в Тулузе, — молодой человек, ему нужно семью кормить. Он унаследовал ферму от двоюродного дедушки. Он довольно давно не видел старика и не отвечает за то, что дедушка мог наобещать перед смертью.

Джей понял. Он оставил агентов разбираться и отправился за покупками. Потом подождал в кафе через дорогу, пока бумаги перешлют из Лондона по факсу. Лихорадочные телефонные переговоры. Банк. Солиситор. Агент. Банк.

— И вы уверены, что этот человек — тот, кто хотел купить дом до меня, — не имеет на него никаких прав? — спросил он, когда агент наконец протянула ему ключи.

Она покачала головой:

— Нет, мсье. Возможно, с мадам д'Апи существовала давнишняя договоренность, но у нее нет абсолютно никаких прав. На самом деле мы только с ее слов знаем, что старик принял ее предложение первым.

— Д'Апи?

— Да, мадам Мариза д'Апи. Ваша соседка вообще-то, ее собственность примыкает к вашей.

Говорят, она местная бизнес-леди.

Это многое объясняло: ее враждебность, ее удивление, когда он сказал, что купил дом, и даже свежую краску на первом этаже. Она считала, что дом будет ее. Она сделала то же, что и он: въехала чуть раньше времени, до официального оформления. Неудивительно, что она так злилась! Джей решил повидаться с ней как можно скорее и объясниться. Если понадобится, возместить затраты на ремонт. В конце концов, если им суждено быть соседями…

Когда с делами было покончено, день клонился к вечеру. Джей устал. Благодаря поспешным переговорам газ в доме включили, но электричества придется ждать еще пять дней. Женщина из агентства предложила поселиться в гостинице, пока дом непригоден для жилья, но Джей отказался. Невозможно устоять перед романтикой заброшенного, уединенного фермерского дома. Кроме того, есть еще новая рукопись, двадцать страниц, напечатанные на обороте «Отважного Кортеса». Бросить их ради стерильного гостиничного уюта означает убить сюжет еще до того, как он толком оформится. Даже сейчас, в такси, что направлялось в Ланскне, — вокруг гора покупок, голова звенит от усталости, — Джея

манили эти написанные страницы, бередило желание продолжать, касаться пальцами клавиш старой машинки и вести повествование куда глаза глядят.

Когда он вернулся, спальный мешок исчез. Как и свечи, и коробка с красками. Больше ни к чему не прикасались. Надо думать, Мариза заглянула, пока его не было, чтобы уничтожить последние следы своего незаконного вторжения. Было уже слишком поздно, чтобы являться к ней в гости, но Джей пообещал себе, что завтра непременно сходит. Глупо быть на ножах с единственным соседом. Он развел огонь в камине, зажег масляную лампу — одну из дневных покупок — и поставил ее на стол. Джей купил себе спальник и несколько подушек, а также раскладушку, так что вполне уютно устроился на ночь у камелька. Поскольку еще не стемнело, он отважился заглянуть в кухню. Там нашлась газовая плита, старая, но вполне рабочая, и очаг. Над ним висел закопченный чугунный котел, пушистый от паутины. Древняя эмалированная плита занимала половину пространства от стены до стены, но духовка задыхалась от мусора — угля, обгоревших деревяшек и многих поколений дохлых насекомых. Джей решил подождать, пока не смо-

жет почистить ее как следует. С конфорками все оказалось намного проще. Огонь зажегся легко, и Джей сумел подогреть воды, чтобы помыться и заварить кофе, который затем взял с собой на экскурсию по дому.

Тот, как выяснилось, был еще больше, чем показала предварительная разведка. Гостиные, столовая, буфетные, чуланы, шкафы размером с кладовку, кладовки размером с пещеру. Три винных погреба, где было так темно, что Джей не рискнул спуститься по сломанным ступенькам, лестницы в спальни, чердаки, амбары. Была и мебель, по большей части испорченная дождем и небрежением, но кое-что вполне годилось. Длинный стол из какого-то потемневшего от времени дерева, изрезанный, покоробившийся за долгие годы; столь же грубо сработанный буфет; стулья; скамеечка для ног. Если отполировать и подновить, сказал себе Джей, получится прелесть что такое, совсем как та мебель, над которой Керри вздыхала в элегантных кенсингтонских антикварных магазинах. По углам громоздились коробки с вещами: столовая посуда на чердаке, инструменты и садовое оборудование за дровяным сараем, целый сундук чудом сохранившегося белья под коробкой битой посуды. Джей вытащил

жесткие накрахмаленные простыни, пожелтевшие по складкам, каждая украшена искусно вышитым медальоном, в котором инициалы «Д» и «Ф» сплетались над венком из роз, — приданое некой женщины, жившей сто, а то и двести лет назад. Он нашел и другие сокровища: сандаловые шкатулки с носовыми платками; медные кастрюли, позеленевшие от патины, древнее радио — довоенное, решил он, кожух потрескался, обнажив электронные лампы, большие, точно дверные ручки. Но лучше всего был здоровенный старый комод для пряностей из необработанного черного дуба, на некоторых ящичках виднелись ярлыки, подписанные выцветшими коричневыми чернилами: Cannelle, Poivre Rouge, Lavande, Menthe Verte[54]; давно опустевшие отделения еще хранили ароматы пряностей, кое-где на дне лежала пыль, окрасившая пальцы Джея корицей, имбирем, паприкой и куркумой. Восхитительная вещь; она завораживала. Она заслуживает большего, чем этот пустой полузаброшенный дом. Джей пообещал себе, что при первой же возможности снесет комод вниз и почистит. Джо он понравился бы.

---

[54] Примечания: 54
Корица, паприка, лаванда, зеленая мята *(фр.)*.

Спустилась ночь: Джей неохотно прервал экспедицию. Прежде чем улечься на раскладушку, он снова осмотрел лодыжку — надо же, как быстро заживает! Пожалуй, ему особо и не нужен крем с арникой, купленный в аптеке. В комнате было тепло, горящие угли отбрасывали огненные блики на побеленные стены. Было еще не поздно, не позже восьми, но усталость поймала его в сети, и Джей лег на раскладушку, глядя на огонь и обдумывая планы на завтра. Он слышал, как за закрытыми ставнями гудит ветер в фруктовом саду, но сегодня вечером в звуках не было ничего зловещего. Напротив, они казались сверхъестественно знакомыми — ветер, неясный шелест воды, крики и перебранки ночных обитателей, а фоном — бой церковных часов вдали за болотами. Внезапно Джея окатила волна ностальгии — по Джилли, по Джо, по Дальнему Краю и по тому последнему дню на железнодорожных путях у переулка Пог-Хилл, по всему, о чем он не написал в «Пьяблочном Джо», по тому, что слишком глубоко увязло в трясине разочарований и что не облечешь в слова.

Он сонно, хрипло засмеялся. «Пьяблочный Джо» имеет очень мало общего с тем, что произошло на самом деле. Он — выдумка, мечта о том, каким

все должно было быть, наивное воскрешение волшебных, ужасных летних дней. Джей придавал смысл тому, что осталось бессмысленным. В книге Джо был грубовато-сердечным стариком, который вел его к взрослости. Джей был типичным американским мальчиком, жизнерадостным, искусно прямодушным. Его детство было позолочено, его юность очаровывала. Забыты были все мгновения, когда Джо донимал его, беспокоил его, злил. Забыты все мгновения, когда Джей не сомневался, что старик рехнулся. Его исчезновение, его предательство, его ложь стерты, смягчены ностальгией. Неудивительно, что книгу все полюбили. Она стала триумфом фальши, победой выдумки над реальностью, детством, которое мы все в глубине души считаем своим, но которого у нас никогда не было. «Пьяблочный Джо» был книгой, которую мог написать сам Джо. Худшей ложью — полуправдой, ложью о том, что действительно важно. Ложью в самой сути.

— Знаешь, надо было тебе вернуться, — сухо заметил Джо. Он сидел на столе рядом с пишущей машинкой, с кружкой чая в руке. Футболка с «Худышкой Лиззи» сменилась на другую, пинкфлойдовскую, из тура «Животные». — Она тебя ждала, а ты так и не вернулся. Она такого не

заслужила, сынок. В пятнадцать лет уже мог бы сообразить.

Джей таращился на него. Джо казался таким реальным. Джей пощупал лоб, но кожа была прохладна.

— Джо.

Конечно, он понимал, что происходит. Все эти мысли о Джо, подсознательное желание найти его здесь, осуществление заветнейшей мечты Джо.

— Ты так и не узнал, куда они подевались, верно?

— Так и не узнал.

Нелепо говорить с глюком, но почему-то утешительно. Джо слушал, чуть склонив голову к плечу, пальцы вяло держали кружку.

— Это ты меня бросил. Наобещал с три короба и бросил. Ты бросил меня. Ты даже не попрощался. — Джей понимал, что говорит сам с собой, и тем не менее голос его звенел от злости. — И ты смеешь мне говорить, что мне надо было вернуться?

Джо невозмутимо пожал плечами.

— Люди пускаются в путь, — спокойно сказал он. — Люди хотят найти себя — или потерять, кому что. Какое хошь клюше. Но ты ж небось

сейчас сам так делаешь? Бежишь?

— Я не знаю, что я сейчас делаю, — сказал Джей.

— Эта твоя Керри, — продолжал Джо, будто не расслышал. — Очередная девица. Но ты опять проворонил удачу. — Он усмехнулся. — Ты знаешь, что у нее зеленые линзы?

— Что?

— Линзы контактные. У ней голубые глаза вообще-то. Столько времени прошло, а ты и не в курсе.

— Бред, — пробормотал Джей. — Все равно тебя здесь нет.

— Здесь? Здесь? — Джо повернулся к нему, сдвигая кепку на затылок характерным жестом, который Джей прекрасно помнил. Он усмехался, как всегда, когда собирался ляпнуть что-нибудь возмутительное. — А кто тебе сказал, где это — здесь, а? Кто тебе сказал, что ты сам — здесь?

Джей закрыл глаза. Оттиск силуэта старика мгновение танцевал на сетчатке, словно бабочка билась в окно.

— Всегда ненавидел, когда ты так говорил, — признался Джей.

— Как — так?

— Ну, всякую мистическую чушь вещал.

Джо хихикнул.

— Восточную философию, сынок. Я научился ей у тибетских монахов, когда бродил по миру.

— Да врешь ты все, — объявил Джей. — По первой автостраде[55] ты бродил, а не по миру.

Он уснул под смех Джо.

---

[55] Примечания: 55
Автострада M1, Лондон — Йоркшир.

26

Пог-Хилл, лето 1977 года

Первую половину того лета Джо был в отличной форме. Он казался моложе — Джей его таким не видал, — бурлил идеями и проектами. Почти все дни он работал на участке, хоть и осторожнее прежнего, и чай они пили на кухне, в окружении помидорной рассады. Джилли приходила каждые пару дней, они спускались в железнодорожную выемку и, как обычно, собирали сокровища, чтобы потом отнести их вверх по насыпи к дому Джо.

Они уехали из центра Монктона в мае, объяснила Джилли, когда компания местных детишек начала безобразничать в их прежнем лагере.

— Ублюдки, — небрежно обронила она, затягиваясь общей сигаретой и передавая окурок Джею. — Сперва просто обзывались. Ну и хрен с ними. Потом начали колотить в двери по ночам, потом — кидать камни в окна, потом — пускать петарды под днищем фургона. Потом отравили нашего старого пса, и Мэгги сказала, что с нее хватит.

Джилли в тот год начала ходить в местную школу. Она почти со всеми поладила, сказала она, только не с этими. Джилли не слишком распространялась, но Джей догадывался, что все было хуже некуда, раз Мэгги переехала в такую даль.

— Самая мерзкая — она у них заводила — девчонка по имени Гленда, — рассказывала Джилли. — На год старше меня, я с ней дралась пару раз. Больше никто не осмеливался ей перечить, потому что у нее брат.

Джей взглянул на нее.

— Ты его знаешь. — Джилли сделала еще одну затяжку. — Здоровенный ублюдок с татуировками.

— Зет.

— Ага. Хотя бы он теперь закончил школу. Я его нечасто вижу, разве что иногда внизу, на Крае, когда он птиц стреляет. — Она пожала плечами. — Я редко туда хожу, — добавила она, словно защищаясь. — Ну, не очень часто, правда. Мне не нравится.

Дальний Край теперь принадлежит им, узнал Джей. Банда, человек шесть-семь от двенадцати до пятнадцати лет, сестра Зета верховодит. По выходным они наведываются в город и подбивают друг друга воровать мелочевку из газетного

киоска — обычно конфеты и сигареты, а потом отправляются на Край и шастают там без дела или пускают фейерверки. Прохожие стараются не связываться, боятся брани или насилия. Туда теперь даже собачники не ходят.

Новости странно опустошили Джея. После битвы камнями он остерегался Края, все время носил амулет Джо в кармане, постоянно ждал беды. Он избегал канала, зольной ямы и шлюза — слишком рискованно. Он уж постарается с Зетом не встречаться. Но Джилли не боялась. Ни Зета, ни Гленды. Она тревожилась за него, не за себя. Джей обозлился.

— Что ж, я не собираюсь держаться подальше, — пылко произнес он. — Я не боюсь кучки малявок. А ты?

— Конечно нет!

Ее протест подтвердил его подозрения. Неожиданно Джею захотелось доказать ей, что он может позаботиться о себе ничуть не хуже ее, — впервые после битвы камнями в зольной яме он понимал, что, когда дело доходит до драки, Джилли даст ему сто очков вперед.

— Давай завтра, — предложил он. — Сходим в зольную яму, бутылок накопаем.

Джилли усмехнулась. В солнечном свете ее

волосы пылали почти так же ярко, как уголек сигареты. На носу красовалась розовая обгорелая полоса. Джей ощутил, как его затопляет незнакомое чувство, настолько сильное, что его слегка затошнило. Словно что-то сдвинулось внутри, настраиваясь на частоту, о которой он доселе не знал и не догадывался. Внезапно ни с того ни с сего ему захотелось прикоснуться к ее волосам. Джилли насмешливо смотрела на него.

— Ты уверен, что готов? — спросила она. — Ты не трусишь, Джей? — Она запрыгала вокруг и заверещала зайцем: — Пёё-эе-эе-эх-х-х-е! Совсем-совсем не трусишь, зайчишка?

Странное чувство, мгновение непостижимого откровения прошло. Джилли запулила окурок в кусты, продолжая усмехаться. Джей сгреб ее в охапку и растрепал ей волосы, пряча свое смущение, а она завизжала и пнула его в голень. И все снова стало нормальным — по крайней мере, тем, что сходило между ними за норму.

Той ночью он плохо спал, лежал без сна в темноте и думал о волосах Джилли — чудесного, яркого оттенка, среднего между кленово-желтым и морковным, — и о красном глинистом сланце осыпи над зольной ямой, и о голосе Зета, шепчущем «Ничё, подожду» и «Ты покойник» ему в уши,

а потом не выдержал, вскочил и выудил старый амулет Джо в красном фланелевом мешочке из сумки, где тот обычно лежал. Джей стиснул его — потершийся и залоснившийся за три года — в кулаке, и ему немедленно полегчало.

Напуган? Конечно нет.

Волшебство на его стороне.

27

Ланскне, март 1999 года

Я полюбил Джея. Мы созревали вместе, он и я, и во многом были схожи. Наша сложность не видна с первого взгляда случайному наблюдателю. Невежественное нёбо найдет в нас дерзость, говорливость, что искажает более глубокие чувства. Простите, если с возрастом я стал претенциозен, но одиночество и не такое творит с винами, а путешествие и грубое обращение ничуть не улучшили меня. Кое-что лучше не закупоривать слишком надолго.

У Джея, конечно, все иначе. У Джея злость.

Он не помнил времени, когда ни на кого не злился. На родителей. На школу. На себя самого. И больше всего на Джо. На Джо, который исчез в тот день без предупреждения и без причины, оставив лишь пакетик семян, прямо как в безумной волшебной сказке. Дурной винтаж, эта злость. Дурен для духа, его и моего. «Особые» тоже это чувствовали. Четыре бутылки ждали на столе в напряженном и зловещем молчании, в их животах плескался темный огонь.

Проснувшись утром, Джей вновь увидел Джо. Тот с кружкой чая сидел за столом, опершись локтями на дерево; кепка сдвинута набекрень, маленькие очки-полумесяцы для чтения умостились на кончике носа. Пыльный солнечный свет проникал через дырку в одной из ставен и золотил его плечо так, что оно растворялось почти до невидимости. Он был создан из той же самой воздушной материи, что наполняла его бутылки; там, где он был освещен, я видел сквозь него, хотя Джею он показался вполне плотным, когда он рывком проснулся, чтобы провалиться в новый сон.

— Доброе утро, — сказал старик.

— Все понятно, — просипел Джей. — Я схожу с ума.

Джо усмехнулся.

— Да ты всегда был малехо не в себе, — сказал он. — Сдуру разбросал семена над рельсами. А должен был сберечь. Использовать. Если б сделал, чего надо, ничего б и не случилось.

— О чем ты?

Джо предпочел не отвечать.

— Знаешь, а под железнодорожным мостом до сих пор вовсю растет tuberosa rosifea. Небось другого такого места во всей земле нету. Надо бы

тебе съездить да поглядеть как-нибудь. Винца сварганить.

— В каком смысле — использовать? Обычные семена.

— Обычные семена? — Джо недовольно затряс головой. — Обычные семена, после всего, чему я тебя научил? Мои пьяблоки были «Особыми», я же тебе говорил. Я даже на пакетике написал.

— Что-то я не увидел в них ничего особого, — сообщил Джей, натягивая джинсы.

— Не увидел? Вот что, сынок, я клал по паре rosifea в каждую свою бутылку вина. В каждую бутылку, с тех пор как привез их из Южной Америки. Пять лет только на то, чтоб земля им понравилась. Вот что…

— Оставь, — проскрипел Джей. — Ты никогда не был в Южной Америке. Сомневаюсь, чтоб ты когда-нибудь из Южного Йоркшира вылезал.

Джо засмеялся и достал пачку «Плейерс» из пальто.

— Может, и не был, сынок, — признал он, закуривая. — Но я все равно ее видел. Все те места видел, о которых тебе говорил.

— Ну конечно.

Джо печально покачал головой.

— *Астральные* путешествия, во как, сынок.

Астральные — а как, по-твоему, я б еще все это проделал, если полжизни под землей проваландался, а?

Он почти злился. Джей, томясь, сверлил глазами его сигарету. Она пахла жженой бумагой и Ночью Гая Фокса.

— Я не верю в астральные путешествия.

— Тогда как, по-твоему, я оказался здесь, а?

Ночь Гая Фокса, лакрица, жир для жарки, дым, и «АББА» поет «Суть дела», главный хит того месяца. Он сидит в пустой спальне и курит — не ради удовольствия, а лишь потому, что это против правил. Ни письма. Ни открытки. Даже нового адреса нет.

— Ты не здесь. Я этого разговора не хочу.

Джо пожал плечами.

— Ты всегда был упрямым попрошайкой. Вечно объяснений требовал. Вечно тебе мало было — принять все как есть. Все хотел выведать, как это так получается.

Молчание. Джей начал шнуровать ботинки.

— Помнишь цыган, которые перехитрили счетчик на Дальнем Крае?

Джей на мгновение поднял взгляд.

— Да, помню.

— Ну как, разгадал их секрет?

Джей медленно покачал головой.

— Алхимия, ты сказал.

Джо усмехнулся:

— Любительская алхимия. — Он с самодовольным видом прикурил. — Они наделали формочек в виде полтинников, ага? И воду в них замораживали. Парень из совета решил, что монетки растаяли в воздухе. — Он покатился со смеху. — И был прав, а?

28

Дальний Край, лето 1977 года

Джей отправился на Край, засунув амулет Джо в карман. Солнце пряталось за облаками, как почти все лето, но небо было раскаленным и светлым, высасывало кислород из воздуха и краски из сельского пейзажа. Поля, деревья, цветы — все казалось разных оттенков зернистого серого, как на экране переносного черно-белого телевизора Мэгги. Над Дальним Краем в небе висело яркое пятнышко, словно путеводная звезда. Или, может, предостережение.

На Джилли были обрезанные джинсы и полосатая футболка. Волосы она завязала в хвост куском красной ленты. Она пила «шербетный фонтан»[56], и язык ее почернел от лакрицы.

— А я думала, ты не придешь, — сказала она.

Джей вспомнил об амулете в кармане и пожал плечами. Мы в безопасности, сказал он себе. В безопасности. Под защитой. Невидимы. Это срабатывало уже десятки раз.

---

[56] Примечания: 56
Шипучий напиток в картонном тюбике с лакричной соломинкой.

— С чего это?

Джилли пожала плечами.

— У них там, типа, берлога, — сообщила она, кивнув в сторону канала. — Домик на дереве, по-моему, где они всякое барахло хранят. Я видела, как они ошивались там пару раз. Слабо тебе залезть?

— Я на слабо не ведусь, — отрезал Джей. Джилли иронически посмотрела на него.

— Их там не будет, — начала уговаривать она. — В такую рань они еще в городе или на рынке мелочь таскают. Подумаешь, какая-то вшивая берлога, Джей. Слабо тебе?

Ее глаза лукаво мерцали, как зеленые шарики кошачьего глаза, отражая бесцветное небо. Она допила шербет и выбросила пакетик в канал, зажав лакричный огрызок в зубах, точно сигарный окурок.

— Ежели ты, конечно, не брехун, — довольно сносно изобразила она Ли Марвина[57].

— Ладно.

Они нашли берлогу рядом со шлюзом. Она оказалась не домиком на дереве, а маленьким шалашом, построенным из всякого мусора: гоф-

---

[57] Примечания: 57

Ли Марвин (1924–1987) — американский актер со скрипучим голосом, основное амплуа — злодеи и ветераны войны.

рированного картона, кусков толя и фибергласа. Окна затянуты полиэтиленом, дверь снята с чьего-то старого сарая. Берлога выглядела заброшенной.

— Ну же, вперед, — сказала Джилли. — Я постою на стреме.

Джей секунду помедлил. Джилли нахально усмехнулась, ее лицо словно растянулось в одну гигантскую веснушку. Джей глядел на нее, и внезапно у него закружилась голова.

— Ну же, не тормози, — подгоняла она. Поглаживая амулет в кармане, Джей решительно направился к берлоге. Она была больше, чем казалось с дорожки, и, несмотря на эксцентричную конструкцию, выглядела крепкой. Дверь была заперта на замок, тяжелый промышленный замок, раньше, должно быть, висевший на чьем-то угольном подвале.

— Попробуй в окно, — сказала Джилли из-за спины.

Джей вихрем обернулся.

— Я думал, ты стоишь на стреме!

Джилли пожала плечами.

— Да ладно, все равно никого нет, — сказала она. — Давай, попробуй в окно.

Окна в самый раз хватило, чтобы пролезть.

Джилли отодрала полиэтилен, и Джей вполз в берлогу. Внутри было темно и пахло кислой землей и сигаретным дымом. На полу на паре деревянных ящиков лежала стопка одеял. Коробка вырезок. Потрепанный плакат из девчоночьего журнала, присобаченный к стене. Джилли сунула голову в окно.

— Нашел что-нибудь интересное? — бойко осведомилась она.

Джей покачал головой. Ему стало неуютно, когда он представил, что пойман в берлогу, как в ловушку, а Зет со товарищи выходит из-за угла.

— В ящиках глянь, — предложила Джилли. — Они там хранят барахло. Журналы и сигареты, наворованное.

Джей опрокинул один из ящиков. На пол вывалился всякий хлам. Косметика, пустые лимонадные бутылки, комиксы. Разбитый транзисторный приемник, конфеты в стеклянной банке. Бумажный пакет фейерверков, шутих, салютов и петард в провощенной обертке. Две дюжины зажигалок «Бик». Четыре нераспечатанные пачки «Плейерс».

— Возьми что-нибудь, — посоветовала Джилли. — Возьми. Все равно ворованное.

Джей взял обувную коробку с вырезками. До-

вольно несмело раскидал их по полу. То же самое сделал с журналами.

— Возьми курево, — настаивала Джилли. — И зажигалки. Отдадим Джо.

Джей тревожно посмотрел на нее, но мысль о ее презрении была невыносима. Он прикарманил сигареты и зажигалки, а потом, по настоянию Джилли, еще конфеты и пиротехнику. Воодушевленный ее энтузиазмом, он сорвал плакат со стены, растоптал пластинки, раздавил банки. Вспомнив, как Зет разбил его радио, он прихватил транзистор, сказав себе, что за ними должок. Он разбросал косметику, подошвой растер губную помаду, бросил пудреницу об стену. Джилли наблюдала и громко смеялась.

— Жаль, мы не увидим их лиц, — выдохнула она. — Вот бы посмотреть!

— Без шансов, — напомнил ей Джей, быстро выбираясь из берлоги. — Айда, пока они не вернулись.

Он взял ее за руку и потащил за собой к зольной яме. Внутри у них все переворачивалось при мысли о том, что они наделали. Не то чтобы они боялись, впрочем, и внезапно оба захохотали как пьяные, цепляясь друг за друга и спотыкаясь.

— Вот бы увидеть лицо Гленды, — выдавила

Джилли. — В следующий раз принесем камеру какую-нибудь, чтоб запись была.

Смех оборвался.

— В следующий раз?

— Ну разумеется. — Она говорила так, будто на свете не было ничего естественнее. — Мы выиграли первый бой. Мы не можем так просто соскочить.

Надо было, наверное, сказать ей: все, Джилли, хватит. Слишком опасно. Но опасность ее и привлекала, а он был слишком опьянен ее восхищением, чтобы призывать к осторожности.

— Чего это ты на меня пялишься? — воинственно спросила она.

— Я на тебя не пялюсь.

— Пялишься.

Джей усмехнулся.

— Я пялюсь на большую, огромную уховертку, которая только что свалилась тебе на волосы вон с того куста, — сообщил он.

— Вот сволочь! — завизжала Джилли и затрясла головой.

— Погоди-ка! Да вот же она, — сказал он и костяшками потер ей макушку.

Джилли с силой пнула его в лодыжку. И снова все стало нормально. На время.

29

Ланскне, март 1999 года

Затем Джей отыскал в Ланскне строительный двор. Дом нуждался в тщательном ремонте, и хотя, возможно, он сумел бы починить что-то сам, в основном работу все же следовало доверить профессионалам. Джею повезло: строители нашлись совсем рядом. А он-то боялся, что придется потратить уйму денег и пригласить их из Ажена. Двор был большим и просторным. Доски лежали высокими рядами в глубине. Оконные рамы и двери были прислонены к стенам. Склад оказался перестроенной фермой с низкой крышей и вывеской на двери, гласившей: CLAIRMONT — MEUNUISERIE — PANNEAUX–CONSTRUCTION[58].

Мебельные заготовки, заборы, бетонные блоки, черепица и шифер беспорядочными грудами громоздились у двери. Хозяина звали Жорж Клермон. Он был невысок, коренаст, с унылыми усами, в белой рубашке, посеревшей от пота. Он говорил с густым местным акцентом, но мед-

---

[58] Примечания: 58
Клермон, столярные изделия, доски, строительство *(фр.).*

ленно, задумчиво, и Джей успевал разобрать слова. Загадочным образом о нем все уже знали. Видимо, Жозефина распустила слух. Рабочие Клермона — четверо мужчин в забрызганных краской комбинезонах и кепках, сдвинутых на нос, — настороженно и любопытно осмотрели Джея, пока он шел мимо. Он различил слово anglishe в быстром и невнятном местном говорке. Работы — денег — в деревне было немного. Все хотели откусить от этого пирога — реконструкции шато Фудуин. Клермон раздраженно помахал рукой, когда четыре пары глаз проводили их на склад древесины.

— За работу, э-э, за работу!

Джей поймал взгляд одного из рабочих — рыжего, волосы забраны назад банданой — и усмехнулся. Рыжий усмехнулся в ответ, прикрыв лицо рукой, чтобы Клермон не увидел. Джей пошел за управляющим в здание.

Комната оказалась большой и прохладной, как ангар. Столик у двери служил конторкой, на нем лежали бумаги и папки, стоял факс. Рядом с факсом примостились бутылка вина и два маленьких бокала. Клермон разлил вино и протянул бокал Джею.

— Спасибо.

Вино было темно-красным, богатым. Хорошее вино, о чем Джей не преминул сообщить.

— Вполне естественно, — сказал Клермон. — Оно родилось на ваших землях. Старый хозяин, Фудуин, некогда был известен в наших краях. Хороший винодел. Хорошая лоза. Хорошая земля.

Он со знанием дела потягивал вино.

— Вам, наверное, следует послать кого-нибудь осмотреть дом, — предложил Джей.

Клермон пожал плечами.

— Я знаю дом. Осматривал в прошлом месяце. Даже кое-какие наметки сделал.

Он заметил удивление Джея и усмехнулся.

— Она работает над ним с декабря, — объяснил он. — Тут подкрасит, там подштукатурит. Она так верила в обещания старика.

— Мариза д'Апи?

— А кто еще, э? Но он уже договорился с племянником. Постоянный доход — сто тысяч франков в год до самой смерти — в обмен на дом и ферму. Слишком стар, не мог работать. Слишком упрям, не желал уезжать. Никому, кроме нее, этот дом не нужен. В наши дни работать на земле невыгодно, а что до самого дома, э! — Клермон выразительно пожал плечами. — Но она — совсем другое дело. Упрямая. Давным-давно глаз на него положила.

Ждала. Откусывала по кусочку. Так ей и надо, э! — Клермон опять коротко, четко хохотнул. — Сказала, мол, ты от меня работы не дождешься. Она лучше выпишет строителя из города, чем задолжает кому из деревни. Или, еще охотнее, сделает все сама. — Он выразительно потер палец о палец. — Цеплялась за деньги, — коротко объяснил он, допив вино. — За все цеплялась.

— Наверное, я должен предложить ей какую-нибудь компенсацию, — сказал Джей.

— За что? — удивился Клермон.

— Ну, раз она потратила деньги…

— Деньги! Скорее уж, ограбила вас. Поглядите на заборы, на изгороди. Поглядите, как их переставили. Дюжина метров там, полдюжины здесь. Обкусывала землю, как жадная крыса. Годами на нее покушалась, когда думала, что старик не видит. А потом, когда он умер… — Клермон выразительно пожал плечами. — Э! Она — отрава, мсье Макинтош, гадюка. Я знал ее бедного мужа, и, хотя он никогда не жаловался, я все равно невольно кое-что слышал.

Снова это пожатие плечами, философское и деловитое.

— Ничего ей не давайте, мсье Макинтош. Приходите вечером ко мне, познакомитесь с женой.

Поужинаете. Если желаете, обсудим ваши планы насчет Фудуина. Из него может выйти чудесная дача, мсье. С деньгами все можно устроить. Обновить и облагородить сад. Новые фруктовые деревья. Возможно, бассейн. Мостовая, как на виллах в Жуан-ле-Пен. Фонтаны.

Его глаза блестели от вдохновения. Джей ответил осторожно:

— Ну, я бы пока ограничился насущным ремонтом.

— Конечно, конечно, но ведь наступит время, э? — Клермон фамильярно хлопнул Джея по плечу. — Мой дом в стороне от главной площади. Улица Вольных Граждан. Дом номер четыре. Моя жена страстно хочет увидеть нашу новую знаменитость. Она будет так счастлива познакомиться с вами. — Его усмешка, наполовину скромная, наполовину жадная, была странно заразительна. — Поужинаете с нами. Попробуете gésiers farcis[59] моей жены. Каро знает о деревне все, что стоит знать. Она покажет вам Ланскне.

Джей ожидал простой трапезы. Перекусить чем бог послал, в компании строителя и его жены, непременно маленькой и неопрятной, в

---

[59] Примечания: 59
Фаршированные зобы *(фр.)*.

переднике и платке, или же кукольно-розовой, как Жозефина из кафе, с яркими птичьими глазками. Возможно, сперва они будут смущаться, мало говорить, жена разольет суп по глиняным мискам, краснея от удовольствия от его комплиментов. Они отведают домашнего жаркого, и красного вина, и оливок, и стручковых перцев в пряных маслах. Позже они расскажут соседям, что новый англичанин un mec sympathique, pas du tout prétentieux[60], и его быстро сочтут в общине своим.

Реальность оказалась совсем другой.

Дверь открыла пышная, элегантная леди в светло-голубых двойке и туфлях на шпильках; увидев гостя, она вскрикнула. Ее муж, меланхоличнее, нежели обычно, в темном костюме и галстуке, жестом из-за плеча супруги поманил гостя в дом. Изнутри неслись музыка и голоса, и виднелась мебель, обитая столь веселеньким ситчиком, что Джей заморгал. В черных джинсах и футболке под простой черной курткой он показался себе неуместно и неудобно скромно одетым.

Кроме Джея было еще трое гостей. Каролина Клермон представила их, пока разносила на-

---

[60] Примечания: 60
Мужчина приятный, без претензий *(фр.)*.

питки («наши друзья Туанетта и Люсьен Мерль и Жессика Морне, владелица модного бутика в Ажене»), одновременно прижавшись щекой к щеке Джея и всовывая ему в руку коктейль с шампанским.

— Мы так мечтали познакомиться с вами, мсье Макинтош, — или можно называть вас Джей?

Он начал было кивать, но был сметен в кресло.

— И разумеется, вы должны называть меня Каро. Как чудесно, что в деревне появился новый человек — культурный человек. Мне кажется, культурность — это невероятно важно, а как по-вашему?

— О да, — выдохнула Жессика Морне, вцепившись в его руку слишком длинными красными ногтями, явно фальшивыми. — В смысле, Ланскне удивительно неиспорченное место, но иногда человек образованный просто жаждет чего-то *большего.* Вы должны рассказать нам о себе. Вы писатель, Жорж нас не обманул?

Джей высвободил руку и смирился с неизбежным. Он отвечал на бесконечные вопросы. Он женат? Нет? Но, несомненно, у него кто-то есть? Жессика сверкнула зубами и придвинулась ближе. Чтобы отвлечь ее, он изобразил интерес к банальностям. Чета Мерль, мелкая и элегантная в

гармонирующем кашемире, прибыла с севера. Он закупал вино для одного немецкого импортера. Туанетта подвизалась в какой-то местной газете. Жессика оказалась столпом деревенского драматического кружка — «ее Антигона *изысканна»* — писал ли Джей для театра?

Он очертил сюжет «Пьяблочного Джо», о котором все слышали, но никто не читал, и вызвал восторженные ахи Каро признанием, что начал новую книгу. Готовка Каро, как и ее дом, оказалась цветистой; он отдал должное souffle au champagne и vol-au-vent, gésiers farcis и bœuf en croûte[61], втайне сожалея о домашнем жарком и оливках своих несбывшихся ожиданий. Один за другим он мягко отклонил становящиеся все более откровенными авансы Жессики Морне. Он был умеренно остроумен, рассказывал анекдоты. Он принял множество незаслуженных комплиментов своему français superbe[62]. После ужина у него заболела голова, каковую боль он безуспешно попытался притушить алкоголем. Следить за все более беглым французским становилось все

[61] Примечания: 61

Суфле по-шампански, волованы, фаршированные зобы, говядина, запеченная в тесте *(фр.)*

[62] Примечания: 62

Превосходному французскому *(фр.)*.

труднее. Целые куски беседы облачками проплывали мимо. К счастью, хозяйка была достаточно говорлива — и эгоцентрична — и принимала его молчание за восхищенное внимание.

Ужин закончился ближе к полуночи. За кофе и petits fours[63] головная боль утихла, и Джей смог вновь ухватить потерянную было нить беседы.

Клермон — галстук ослаблен, лицо потное и пятнистое — произнес:

— Что ж, могу лишь сказать, что давно пора чему-нибудь произойти, чтобы о Ланскне заговорили, э? Мы бы стали ничуть не хуже Ле-Пино, если б направили всех в нужное русло.

Каро кивнула. Джей понимал ее французский лучше, чем французский ее мужа, чей акцент густел по мере опустошения бокала. Каро сидела напротив него на подлокотнике кресла, нога на ногу, с сигаретой в руке.

— Уверена, что теперь, когда Джей вступил в нашу маленькую общину, — она оскалилась за дымовой завесой, — все пойдет на лад. *Атмосфера* станет другой. Люди начнут развиваться. Господь видит, как я старалась — в церкви, в театральной студии, в литературном обществе.

---

[63] Примечания: 63
Птифуры — миниатюрные пирожные *(фр.)*.

Разумеется, Джей согласится выступить перед нашим скромным писательским кружком в ближайшие дни?

Он тоже уклончиво оскалил зубы.

— Ну конечно вы согласитесь! — Каро просияла, словно Джей ответил вслух. — Вы именно то, что больше всего необходимо нашей деревеньке: глоток свежего воздуха. Вы же не хотите, чтобы люди подумали, будто мы бережем вас только для себя, не так ли?

Она засмеялась, а Жессика жадно вскрикнула. Чета Мерль обменялась ликующими тычками в бок. У Джея появилось престранное ощущение, что сытный ужин был не важен, что, несмотря на коктейли с шампанским, охлажденные сотерны и foie gras[64], основным блюдом был он сам.

— Но почему Ланскне? — Жессика наклонилась вперед, ее кошачьи голубые глаза были полузакрыты за стеной сигаретного дыма. — Без сомнения, вы были бы счастливее в городе побольше. В Ажене, быть может, или дальше на юг к Тулузе?

Джей покачал головой.

— Я устал от городов, — объяснил он. — Я купил

---

[64] Примечания: 64

Фуа-гра, паштет из печени перекормленного гуся или утки *(фр.)*

этот дом с бухты-барахты.

— Ах! — восторженно воскликнула Каро. — Артистический темперамент.

— Потому что хотел побыть в тиши, вдали от городов.

Клермон покачал головой.

— Э, тут достаточно тихо, — сказал он. — Слишком тихо для нас. Цены на недвижимость ниже некуда, а вот в Ле-Пино, всего в сорока километрах от…

Его жена поспешно объяснила, что Ле-Пино — это деревня на Гаронне, весьма любимая иностранными туристами.

— У Жоржа там уйма работы, правда, Жорж? Он построил бассейн для одной милой английской пары и помог обновить старый дом возле церкви. Ах, если бы мы смогли привлечь такой же интерес к нашей деревне!

Туристы. Бассейны. Сувенирные лавки. Гамбургерные. Должно быть, отсутствие энтузиазма отразилось на лице Джея, поскольку Каро лукаво пихнула его в бок.

— Смотрю, наш мсье Макинтош романтик, Жессика! Любит старомодные изящные улочки, виноградники и уединенные фермерские дома. Как это по-английски!

Джей улыбнулся, кивнул и согласился, что его чудаковатость tout à fait anglais[65].

— Но такая община, как наша, э, она должна расти. — Клермон был пьян и пылок. — Нам нужны *инвестиции.* Деньги. В сельском хозяйстве денег больше нет. Наши фермеры и так уже едва сводят концы с концами. Вся работа — в городах. Молодежь уезжает. Остаются одни старики и отбросы. Бродяги, pieds-noirs[66]. Вот чего люди не хотят понимать. Или прогресс, или смерть, э. Прогресс или смерть.

Каро кивнула.

— Но здесь слишком много людей, которые дальше своего носа не видят, — нахмурилась она. — Они отказываются продавать землю под застройку, даже если понимают, что не могут выиграть. Когда предложили построить новый «Intermarché»[67] у дороги, они протестовали так долго, что «Intermarché» в итоге построили в Ле-Пино. Ле-Пино лет двадцать назад ничем не отличался от Ланскне. А теперь посмотрите

---

[65] Примечания: 65
Совершенно английская *(фр.).*

[66] Примечания: 66
Французы алжирского происхождения, досл., «черноногие» *(фр.)*

[67] Примечания: 67
Сеть супермаркетов.

на него.

Ле-Пино был местной историей успеха. Деревня в триста душ заставила о себе заговорить благодаря предприимчивой паре из Парижа, которая купила и обновила несколько старых домов, а затем продала их под дачи. Благодаря сильному фунту и превосходным связям в Лондоне дома были проданы или сданы в аренду богатым английским туристам, и мало-помалу установилась традиция. Деревенские жители вскоре поняли все преимущества своего нового положения. Они расширили бизнес, чтобы угодить новым клиентам — туристам. Открылось несколько новых кафе, а вслед за ними — парочка гостиниц-полупансионов. Затем, как грибы, выросли фирменные магазины, продающие предметы роскоши летним жильцам, ресторан, награжденный мишленовской звездой[68], и небольшой, но шикарный отель с тренажерным залом и бассейном. Местная история была просеяна в поисках примечательных событий, и совершенно никакая церквушка посредством комбинации фольклора и принятия желаемого за действительное была

[68] Примечания: 68

«Очень хороший ресторан в своей категории», согласно авторитетному европейскому гастрономическому рейтингу и путеводителю фирмы «Мишлен».

провозглашена объектом исторического значения. Здесь снималась телевизионная версия «Клошмерля»[69], после чего конца не было новостройкам. «Intermarché» совсем рядом. Конный клуб. Целый ряд летних шале вдоль реки. А сейчас, словно всего этого мало, собираются строить «Аквадом» и спа-центр всего в пяти километрах, куда слетятся клиенты от Ле-Пино до Ажена и дальше.

Казалось, Каро воспринимает успех Ле-Пино как личное оскорбление.

— На его месте легко мог оказаться Ланскне, — пожаловалась она, цапнув petit four. — Наша деревня как минимум не хуже их. Наша церковь — подлинная постройка четырнадцатого века. У нас есть развалины римского акведука чуть дальше, в Мароде. Мы могли бы быть на их месте. А к нам никто не заглядывает, кроме летних поденщиков, да еще цыгане по реке спускаются.

Она раздраженно куснула свой petit four. Жессика кивнула.

— Это все местные жители, — наябедничала она. — У них совершенно атрофировано чистолюбие. Они думают, что могут жить, совсем как

---

[69] Примечания: 69

«Клошмерль» — сатирический роман французского писателя Габриэля Шевалье.

их деды жили.

Ле-Пино, как понял Джей, был столь успешен, что производство местного вина, в честь которого была названа деревня, совершенно сошло на нет.

— Ваша соседка как раз из таких людей. — Каро поджала губы, намазанные розовой помадой. — Ей принадлежит добрая половина земель между нами и Мародом, но доходов от вина едва хватает, чтобы душа не рассталась с телом. Прячется в этом своем старом доме круглый год, словечком ни с кем не перемолвится. И бедный ребенок заточен вместе с ней…

Туанетта и Жессика кивнули, а Клермон налил еще кофе.

— Ребенок?

Ничто в кратком знакомстве Джея с Маризой д'Апи не навело его на мысль, что она может быть матерью.

— Да, девочка. Но ее никто не видел. Она не ходит в школу. И в церкви мы их ни разу не замечали. Мы пытались было намекнуть, — Каро сморщилась, — но ее мать разразилась оскорблениями, весьма, должна заметить, отвратительными.

Остальные женщины согласно заухали. Жесси-

ка придвинулась еще ближе, и на Джея пахнуло духами — кажется, «Пуазоном» — от ее коротко стриженных светлых волос.

— С бабушкой ей было бы лучше, — возгласила Туанетта. — По крайней мере, ее бы любили, детям это так необходимо. Мирей безумно любила Тони.

Тони, пояснила Каро, был мужем Маризы.

— Но она ни за что не отдаст ей ребенка, — сказала Жессика. — Думаю, она не отпускает дочку только потому, что знает, как это неприятно Мирей. И конечно, мы слишком не от мира сего, чтобы обращать внимание на слова старухи.

— Предполагается, что это был несчастный случай, — зловеще продолжала Каро. — В смысле, им *пришлось* так сказать, а куда деваться? Даже Мирей подыграла, из-за похорон. Сказали, что его ружье взорвалось, когда патрон застрял в патроннике. Но все знают, что эта женщина его довела. Разве что курок сама не спустила. Если дело касается ее, я поверю во что угодно. Во что угодно.

Разговор начал раздражать Джея. Вернулась головная боль. Совсем не этого он ожидал от Ланскне, сказал он себе, совсем не этого светского яда, злорадного равнодушия под маской изяще-

ства. Он приехал в Ланскне не для того, чтобы это слушать. Его книге — если она когда-нибудь явится на свет — это не нужно. Легкость, с которой он написал первые двадцать страниц на обороте «Отважного Кортеса», это доказала. Джей хотел, чтобы яблочноликие женщины собирали травы в садах. Он мечтал о французской идиллии, о сидре, о беззаботном противоядии от Джо.

Но все же нечто странным образом затягивало в самой истории, в трех женских лицах, что склонились над ним в одинаковом лисьем наслаждении: глаза сощурены, рты широко обведены помадой вокруг белых ухоженных зубов. Старая история, даже не оригинальная, и все же она увлекла его. Странное чувство — будто невидимая рука ухватила и дернула нутро — не было совсем уж неприятным.

— И что дальше? — поторопил он.

— Она постоянно его пилила. — Жессика перехватила нить повествования. — Даже когда они только поженились. Он был таким беззаботным, милым парнем. Крупный такой, но, клянусь, он ее боялся. Ей все сходило с рук. А когда родилась малышка, она стала еще хуже. Никогда не улыбалась. Никогда ни с кем не дружила. А ругань с Мирей! Честное слово, их крики были слышны

на другом конце деревни.

— Вот что привело его к печальному концу: ругань.

— Бедняжка Тони.

— Она нашла его в сенном сарае — то, что от него осталось. Ему полголовы снесло выстрелом. Она положила малышку в кроватку и поехала в деревню за помощью на мопеде, спокойная, как танк. И на похоронах, когда все плакали, — Каро покачала головой, — была холодна как лед. Ни словечка, ни слезинки. Заказала ему самые простецкие, самые дешевые похороны. А когда Мирей предложила денег на что-нибудь получше — боже! Ну и скандал она закатила!

Мирей, как понял Джей, была свекровью Маризы. За прошедшие с тех пор шесть лет Мирей, которой стукнул семьдесят один год и которая страдала от хронического артрита, ни разу не говорила с внучкой и даже не видела ее, разве что издали.

Мариза вернула после смерти мужа девичью фамилию. Она явно ненавидела всех жителей деревни столь страстно, что нанимала на работу исключительно бродяг, и то при условии, что весь срок контракта они есть и спать будут на ферме. Неизбежно пошли слухи.

— Ну, все равно вы вряд ли будете часто видеться, — закончила Туанетта. — Она ни с кем не говорит. Даже за покупками раз в неделю ездит в Ла-Першери. Наверняка оставит вас в покое.

Джей ушел домой, отказавшись от предложений Жессики и Каро отвезти его на машине. Около двух, ночь свежа и тиха. Голова была необычайно легкой, и, хотя луны не было, небо усыпали звезды. Обогнув главную площадь и двинувшись вниз по холму к Мароду, он с некоторым удивлением осознал, насколько вокруг темно. Последний уличный фонарь стоял перед кафе «Марод», и у подножия холма река, болота, заброшенные домики, беспорядочно разбросанные вдоль реки, тонули в тени так глубоко, что Джей практически ослеп. Но к тому времени, как он подошел к реке, глаза его уже привыкли к темноте. Он перешел вброд, прислушиваясь к «хиссссш» воды, набегающей на берег. Он нашел тропинку через поля и зашагал к дороге, где длинная аллея деревьев рисовалась черным на фиолетовом небе. Вокруг бурлило море звуков: ночные создания, далекая сова, но в основном ветер и шелест листьев, от которых зрение отвлекает нас.

Прохладный воздух вытеснил дым и алкоголь из головы. Джей проснулся, обрел бдительность,

готов был идти всю ночь. Он шел и все упорнее возвращался мыслями к последней части вечерней беседы. Что-то крылось в этой истории, уродливой в своей наготе; что-то привлекало его. Как примитивно. Нутряно. Женщина, живущая наедине со своими секретами; мужчина, погибший в сенном сарае; зловещий треугольник матери, бабки, дочери… И эта славная, грубая земля вокруг, эти вина, сады, реки, эти побеленные дома, вдовы в черных платках, мужчины в комбинезонах, с обвислыми, коричневыми от табака усами. Резко пахло тимьяном. Он рос сорняком вдоль обочин. Тимьян хорош для памяти, говаривал Джо. Он варил из тимьяна сироп, который хранил потом в бутылке в кладовой. Две чайные ложки каждое утро натощак. Прозрачная зеленоватая жидкость пахла совсем как ночной воздух в окрестностях Ланскне, свежо, землисто, навевая тоску по прошлому, напоминая о летних днях, проведенных за прополкой в саду, под радио.

Внезапно Джею захотелось домой. У него зачесались руки. Он жаждал опустить их на клавиши машинки, услышать, как древний механизм гремит в звездной тишине. Больше всего на свете он хотел ухватить историю за хвост.

Джо ждал его, вытянувшись на раскладушке,

сплетя руки за головой. Он оставил ботинки в изножье, но старую шахтерскую кепку не снял, а только ухарски сдвинул на затылок. Желтая наклейка спереди гласила: «Без угля людям никуда».

Джей не удивился. Злость его испарилась, уступив место некому подобию радости; он как будто ожидал увидеть Джо — призрачное видение становилось привычным, Джей уже предвкушал его, становясь…

Будничное волшебство.

Он сел за пишущую машинку. История захватила его, и он печатал быстро, пальцы молотили по клавишам. Он без передыху печатал больше двух часов, лист за листом скармливая «Отважного Кортеса» агрегату, переводя, переворачивая с ног на голову своей собственной любительской алхимией. Слова мчались по бумаге во весь опор, он едва за ними поспевал. Время от времени он останавливался, смутно сознавая присутствие Джо на кровати, рядом, хотя старик помалкивал, пока Джей работал. В какой-то миг потянуло дымком: Джо закурил. Около пяти утра Джей заварил в кухне кофе, а вернувшись к машинке, заметил — странно разочарованный, — что старик исчез.

30

Дальний Край, лето 1977 года

После этого они ходили на Дальний Край чаще. В основном держались в тени, нанося визиты, лишь когда были совершенно уверены, что никого не встретят. Не обошлось без пары стычек с Гленда и ее приятельницами — сначала на свалке, из-за владения старой морозилкой (один — ноль в пользу Гленды), потом у брода (Джилли и Джей сравняли счет). Ничего серьезного. Оскорбления, пара брошенных камней, угрозы и насмешки. Джилли и Джей знали Дальний Край лучше врагов, хотя сами в нем не жили. Они знали, где лучше спрятаться, где срезать дорогу. И они обладали воображением. Гленда и ее подружки держались лишь за счет злобы и самодовольства. Джилли любила ставить ловушки. Согнутое деревце, скрепленное проволокой, которое хлестнет по лицу любого, кто об нее споткнется. Жестянка грязной воды из канала, шатко балансирующая на двери их берлоги. На саму берлогу совершался набег за набегом, пока наконец ее вовсе не забросили, а потом

Джей нашел новую берлогу — на свалке, между ржавым остовом автомобиля и дверью старого холодильника — и разгромил ее. Они повсюду оставляли свою подпись. На ветхих духовках на свалке. На деревьях. На стенах и дверях бесчисленных берлог. Джилли смастерила рогатку и практиковалась в стрельбе по пустым жестянкам и банкам из-под варенья. У нее обнаружился дар. Она никогда не мазала. Она без труда могла разбить банку с пятидесяти футов. Конечно, пару раз они едва спаслись. Однажды Джея почти загнали в угол там, где он прятал велосипед, неподалеку от моста. Смеркалось, Джилли уже ушла домой, но он обнаружил тайник с прошлогодним углем — пожалуй, пара мешков наберется — в зарослях сорняков и хотел уволочь, пока кто-нибудь случайно не обнаружил. Он так увлекся таскaнием угля для Джо, что не заметил четырех девиц, которые подходили к рельсам с другой стороны, и не успел оглянуться, как появилась Гленда.

Она была ровесницей Джея, но крупной для девушки. Мелкие черты лица, как у Зета, прятались в складках жира, которые сжали ее глазки в щелки, а ротик в куриную гузку. Ее пухлые щеки пламенели прыщами. Джей впервые увидел ее так близко, и сходство с братом почти пара-

лизовало его. Ее подружки настороженно его разглядывали, веером развернувшись за Глендой, словно отрезая ему пути к бегству. Велосипед лежал в высокой траве в десяти футах от него. Джей начал бочком к нему продвигаться.

— Парниша сегодня один, — заметила одна из девиц, тощая блондиночка с окурком в зубах. — А де ж его краля?

Джей еще подвинулся к велосипеду. Гленда следовала за ним, съезжая к дороге. Осколки гальки летели из-под ее кроссовок. На ней была майка без рукавов, и плечи обгорели на солнце. Мясистые руки торговки рыбой придавали ей угрожающе взрослый вид, будто она прямо такой и уродилась. Джей изобразил равнодушие. Он хотел бы сказать что-нибудь умное, что-нибудь колкое, но слова, что так легко ложились на бумагу, отказывались сотрудничать. Вместо этого он сполз по берегу туда, где спрятал велик, и выволок его из высокой травы на дорогу.

Гленда от злости каркнула и заскользила к нему, перебирая гальку широкими, похожими на лопаты руками. Летела пыль.

— Я тя урою, козел! — орала она, и голос ее неприятно напоминал голос брата, но она слишком пристально следила за Джеем, потеряла

осторожность и с комичной внезапностью свалилась с насыпи, плюхнувшись прямо в пересохшую канаву на дне, где как раз зацвели заросли крапивы.

Гленда завизжала от злости и досады. Джей усмехнулся и оседлал велик. Гленда в канаве рвала и метала, уткнувшись физиономией в крапиву.

Он уехал, пока три подружки Гленды вытаскивали ее, но в конце улицы остановился и обернулся. Он видел Гленду, наполовину вылезшую из канавы. Ее лицо расплылось темной и яростной кляксой. Джей нахально ей помахал.

— Я тя урою! — Ее голос еле пробился к нему. — Мой брат тя уроет!

Джей еще раз помахал и поднял велосипед на дыбы, сворачивая в переулок и скрываясь из виду. У него кружилась голова, словно веселящего газа надышался, челюсти болели от смеха, ребра ныли. Амулет, привязанный к петле джинсов, плескался на ветру, точно знамя. Джей гикал всю дорогу вниз по холму к деревне, и вопли срывались с губ, похищенные ветром. Он был как будто навеселе. Как будто неуязвим.

Но август подходил к концу. Сентябрь маячил Немезидой. До катастрофы оставалась всего

неделя.

31

Ланскне, март 1999 года

Всю неделю Джей писал каждую ночь. В пятницу наконец подключили электричество, но он уже привык работать при свете масляной лампы. Как-то дружелюбнее, непринужденнее. Страницы рукописи тугим клином лежали на столе. Их было уже почти сто. В понедельник Клермон с четырьмя рабочими приехали ремонтировать дом. Они начали с крыши — не хватало множества черепиц. Трубы тоже требовали внимания. В Ажене Джей отыскал агентство по прокату машин и арендовал пятилетний зеленый «ситроен», чтобы возить покупки и быстрей добираться в Ланскне. Еще он купил три пачки бумаги и несколько лент для машинки. Он работал в темноте, когда Клермон и его люди расходились по домам, и стопка страниц неумолимо росла.

Он их не перечитывал. Возможно, боялся, что ступор, столько лет досаждавший ему, притаился и ждет. Но почему-то ему думалось, что это не так. Отчасти дело в доме. В его воздухе. В том, что он казался знакомым, хотя Джей был чужаком. В его

близости к прошлому. Словно переулок Пог-Хилл заново возник здесь, среди фруктовых садов и виноградников.

Если утро выдавалось приятным, Джей шел в Ланскне купить хлеб. Лодыжка быстро и основательно зажила, оставив лишь еле заметный шрам; Джей теперь наслаждался прогулками и узнавал кое-кого из встречных. Жозефина называла ему имена и иногда рассказывала еще что-нибудь: владелица единственного деревенского кафе знала все, что творится в деревне, — положение обязывало. Высохший старик в синем берете — Нарсисс, огородник, снабжает местного бакалейщика и цветочника. Несмотря на холодность, в его глазах пряталась насмешка. Джей знал от Жозефины, что Нарсисс дружит с цыганами, которые спускаются по реке каждое лето, торгует с ними, дает им сезонную работу на полях. Годами вереница местных curés[70] боролась с Нарсиссовой терпимостью к цыганам, но Нарсисс был упрям, и цыгане остались. Рыжий парень из магазина Клермона — Мишель Ру из Марселя, речной бродяга, что заглянул на пару недель пять лет назад да так и не уехал. Женщина в красном

[70] Примечания: 70
Кюре *(фр.)*.

платке — Дениза Пуату, жена булочника. Унылая толстуха в черном, что прячется от солнца под шляпой с широкими полями, — Мирей Фэзанд, свекровь Маризы. Джей попытался поймать ее взгляд, когда она шла мимо terrasse[71] кафе, но Мирей, похоже, не заметила его.

За лицами скрывались истории. Жозефина, перегнувшись через стойку с чашкой кофе в руке, явно жаждала излить эти истории на Джея. Ее первоначальное смущение испарилось, и она радовалась, когда он приходил. Иногда, если посетителей было не слишком много, они беседовали. Джей знал далеко не всех, кого она упоминала. Но это, похоже, не обескураживало Жозефину.

— Хотите сказать, я ни разу не говорила про старого Альберта? И про его дочь? — Видимо, ее поразило его невежество. — Они жили рядом с булочной. Ну, то есть там прежде была булочная, до chocolaterie[72]. Напротив цветочника.

Поначалу Джей просто не мешал ей говорить. Он особо не вникал, пропуская имена, анекдоты, описания мимо ушей, и лишь потягивал кофе да созерцал идущий мимо народ.

---

[71] Примечания: 71
Площадка со столиками на тротуаре перед кафе *(фр.)*

[72] Примечания: 72
Шоколадная-кондитерская *(фр.)*.

— А я рассказывала про Арнольда и его поросенка, натасканного на трюфели? А про тот случай, когда Арманда оделась Непорочным Зачатием и залегла в засаде на него на церковном дворе? Дело было так…

Еще было множество историй о ее лучшей подруге Вианн, которая уехала несколько лет назад, и о давно умерших людях, чьи имена ничего не значили для Джея. Но Жозефина не сдавалась. Возможно, она тоже была одинока. Утренние habitués[73] кафе были в основном молчаливы, многие — старики. Возможно, ей нужны были слушатели помоложе. Мало-помалу непрерывная мыльная опера Ланскне-су-Танн затянула Джея.

Он сознавал, что все еще диковинка для местных. Кто-то таращился на него с искренним любопытством. Кто-то улыбался. Многие были замкнуты, любезно-суровы, приветственный кивок, косой взгляд вслед. Как правило, на обратном пути от Пуату Джей заказывал в кафе «Марод» blonde или café-cassis[74]. Огороженная terrasse была невелика, не шире крупной плиты на узкой мостовой, но на ней было уютно

---

[73] Примечания: 73
Завсегдатаи *(фр.)*.

[74] Примечания: 74
Кофе с черносмородинным ликером *(фр.)*.

сидеть и наблюдать, как просыпается деревня. Чуть в стороне от главной площади, оттуда все прекрасно видно: длинный спуск с холма к болотам; стена деревьев на улице Вольных Граждан; колокольня — звон колоколов летел над полями каждый день в семь утра; квадратная розовая школа на развилке. У подножия холма Танн был затянут дымкой и тускло мерцал, поля за ним едва просматривались. Ранним утром свет был очень ярок, практически резал глаза контрастом белых фасадов домов и их же коричневых теней. Рядом с кучкой заброшенных домов, нависших над рекой на шатких деревянных подпорках, к берегу пристала лодка. Из трубы лодки вился дымок, пахло жареной рыбой.

Между семью и восемью утра несколько человек, в основном женщины, шли мимо, нагруженные караваями или бумажными пакетами круассанов из булочной Пуату. В восемь колокол звал к мессе. Джей легко узнавал прилежных прихожан. Налет напыщенного сопротивления на добротных весенних пальто, начищенных ботинках, шляпах и беретах выдавал их. Каро Клермон неизменно была среди них вместе с мужем; он неуклюже ковылял в тесных ботинках, она элегантно выступала в неизменных шелко-

вых шарфах. Она всякий раз здоровалась с Джеем экстравагантным взмахом руки и окликом: «Как ваша книга?» Ее муж коротко кивал и спешил дальше, согбенный, смиренный. Когда месса была в разгаре, несколько стариков с усталым вызовом опускали зады на terrasse кафе «Марод», чтобы выпить café-crème[75] и сыграть в шахматы или поболтать. Джей узнавал огородника Нарсисса — всегда на одном и том же месте у двери. В кармане его пальто лежал потрепанный каталог семян, который Нарсисс читал в тишине, пока кофе стыл у локтя. По воскресеньям Жозефина покупала pains au chocolat[76], и старик всегда брал два — крупные коричневые кисти были странно нежны, когда подносили выпечку ко рту. Нарсисс редко говорил, ограничиваясь коротким кивком остальным посетителям, а затем усаживался, где обычно. С половины девятого мимо брели школьники, нелепые в своих куртках с капюшонами на флисе, вереница логотипов на пурпурном, алом, бирюзовом, лимонном. Они смотрели на Джея, не скрывая любопытства. Некоторые на ходу сме-

---

[75] Примечания: 75
Кофе со сливками *(фр.).*

[76] Примечания: 76
Рулетики с шоколадом *(фр.).*

ялись и весело обзывались: «Rosbif! Rosbif!»[77]. Детишек от пяти до одиннадцати лет в Ланскне было около двадцати, их разделили на два класса; те, что постарше, ездили на школьном автобусе в Ажен, прижав любопытные носы к стеклам, густо разрисованным пальцами.

Днем Клермон присматривал за ремонтом дома. Первый этаж уже выглядел лучше, и крышу почти закончили, хотя Джей видел, что Жорж разочарован его аскетизмом. Клермон мечтал о зимних садах, и закрытых плавательных бассейнах, и джакузи, и колоннадах, и ухоженных газонах, хотя довольно философски отнесся к признанию Джея о нежелании жить в вилле а-ля Сен-Тропе.

— Bof, ce que vous aimez, à ce que je comprends, c'est le rustique[78], — сказал он Джею, пожав плечами.

Но в глазах его уже запрыгали циферки. Джей понял: если не возьмет его в ежовые рукавицы, почти наверняка утонет в ненужном барахле — битой посуде, табуретах для дойки, дрянных мебельных копиях, тростях, потрескавшейся

---

[77] Примечания: 77

«Ростбиф! Ростбиф!» *(фр.)* — прозвище англичанина во Франции.

[78] Примечания: 78

Да, я уже понял, что вам нравится деревенский стиль *(фр.)*.

черепице, разделочных досках и старинной фермерской утвари; во всем нелюбимом и заброшенном детрите чердака и подвала, получившем отсрочку от костра посредством ярлыка le rustique, которое ему будут предлагать купить. Он должен немедленно это пресечь. Но было что-то невероятно трогательное в этом мужчине, что-то одновременно робкое и нелепо оптимистичное в крысиных черных глазках, мерцающих над унылыми усами, и отказ был невозможен.

Вздохнув, Джей смирился с неизбежным.

В четверг он увидел Маризу впервые после их скомканного знакомства. Он возвращался домой с утренней прогулки, зажав под мышкой каравай. Там, где их земли смыкались, вилась терновая изгородь, вдоль которой параллельно границе бежала тропинка. Изгородь была новой, года три или четыре, мартовская листва не скрывала прорех. За изгородью виднелась пунктирная линия, след старой изгороди, неровный ряд пеньков и кочек, плохо прикрытых землей. Джей прикинул расстояние. Клермон прав. Она передвинула границу футов на пятьдесят. Возможно, когда старик впервые заболел. Со слабым любопытством Джей пристальнее вгляделся сквозь изгородь. Контраст между ее и его сторонами был разителен. На

стороне Фудуина нестриженые лозы ползли во все стороны, молодых побегов почти не видно, не считая пары твердых коричневых почек на концах усиков. Ее лозы были беспощадно подрезаны в двенадцати дюймах от земли и готовы к лету. На стороне Маризы не было сорняков; аккуратные ровные грядки, расстояния между ними хватало, чтобы проехал трактор. На стороне Джея ряды скрещивались и сплетались, неподрезанные лозы похотливо цеплялись друг за друга поверх тропинок. Веселые ростки крестовника, мяты и арники торчали из спутанных лоз. Он снова перевел взгляд на землю Маризы и разглядел торец ее фермы на краю поля, полускрытый за тополями. Фруктовые деревья там тоже росли — белый яблочный цвет на голых ветвях, — и еще, кажется, огород. Поленница, трактор и, несомненно, не что иное, как сенной сарай.

Она, должно быть, услышала выстрел из дома. Уложила ребенка в кроватку. Вышла. Помешкала. Картинка была такой яркой, что Джей почти видел, как она это делает: натягивает ботинки на толстые носки, кутается в слишком большую куртку — дело было зимой, — мерзлая земля хрустит под ее ногами. Ее лицо невозмутимо, как в то первое утро их знакомства. Образы преследовали

его. Под маской Мариза уже не раз мелькнула на страницах его новой книги; ему казалось, что он знает ее, а ведь они почти не говорили.

Но что-то в ней притягивало его, неотразимый аромат тайны. Непонятно почему она напоминала ему Джо. Может, пальто, или мужская кепка, слишком низко надвинутая на глаза, или полузнакомый, сбивающий с толку силуэт, который только что мелькнул за углом кирпичной стены. Конечно, черты ее ничуть не похожи на Джо. У Джо никогда не было бы такого бесцветного, пустого лица. Отворачиваясь, Джей что-то заметил — фигуру в нескольких сотнях ярдов от него, что быстро шла вдоль изгороди с той стороны. Укрытый тонкой ширмой кустов, он увидел ее прежде, чем она его. Утро было теплым, и она изменила своей мешковатой верхней одежде с джинсами и полосатым рыбацким свитером. В новом наряде она казалась мальчишески тонкой. Ее рыжие волосы были неумело острижены до подбородка — скорее всего, стриглась сама, подумал Джей. Не видимая никем, она была живой, яркой. Джей даже не сразу ее узнал.

А потом ее глаза метнулись к нему, и будто ставни захлопнулись, так быстро, что он усомнился, не вообразил ли ее иное лицо.

— Madame…

Мгновение она колебалась, глядя на него с почти оскорбительным равнодушием. Ее глаза были зелеными, необычно светлыми, цвета патины. В книге он окрасил их в черный. Джей усмехнулся и протянул руку над изгородью.

— Мадам д'Апи. Простите, если напугал вас. Я…

Но не успел он что-нибудь добавить, она резко повернулась и нырнула в гущу лоз, не оглядываясь, плавно и быстро пошла по тропинке к дому.

— Мадам д'Апи! — крикнул он вслед. — Мадам!

Она наверняка слышала и все же проигнорировала его зов. Джей еще несколько минут смотрел, как она уходит все дальше, затем пожал плечами и повернулся к своему дому. Сказал себе, что его разочарование абсурдно. С какой стати ей хотеть говорить с ним? Он слишком много позволяет своему воображению. В мягком свете дня она не имела ничего общего с героиней его книги, владелицей аспидных глаз. Он решил больше не думать о ней.

Когда Джей вернулся домой, его уже поджидал Клермон с полным кузовом мусора. Клермон подмигнул, когда Джей свернул к дому, и сдвинул синий берет на затылок.

— Holà[79], мсье Джей, — крикнул он из кабины. — Я нашел вам кое-что для вашего нового дома!

Джей вздохнул. Инстинкты его не подвели. Каждые несколько недель ему придется выслушивать призывы Клермона избавить его по грабительским ценам от груды brocante[80], маскирующегося под деревенский шик. Судя по тому, что торчало из кузова: сломанные стулья, швабры, половинки дверей, совершенно жуткий дракон из папье-маше, оставшийся с карнавала, что ли, — подозрения Джея едва ли хоть отчасти соответствовали кошмарной реальности.

— Ну, не знаю, — начал он. Клермон ухмыльнулся.

— Посмотрите. Полюбите, — объявил он, выпрыгивая из кабины. Джей заметил бутылку вина у него в руках. — Это чтобы поправить вам настроение, э? А потом и о деле поговорим.

Не было спасения от его настойчивости. Джей мечтал о ванне и тишине. Вместо этого придется битый час торговаться на кухне, пить вино, которое ему даром не нужно, а потом думать, как

---

[79] Примечания: 79
Эй! *(фр.)*

[80] Примечания: 80
Барахло *(фр.)*.

избавиться от objets d'art[81] Клермона и притом не оскорбить его чувства. Джей смирился.

— За дело, — произнес Клермон, разливая вино по бокалам. — Мое и ваше. — Он усмехнулся. — Займусь антиквариатом, э? На антиквариате неплохие деньги делают в Ле-Пино и Монтобане. Купишь задешево сейчас — получишь большой куш, когда налетят туристы.

Джей пригубил вино, которое оказалось хорошим.

— Вы можете построить двадцать летних шале на этом вашем винограднике, — бойко продолжал Клермон. — Или гостиницу. Как вам понравится иметь собственную гостиницу, э?

Джей покачал головой.

— Мне и так нравится, — сказал он. Клермон вздохнул.

— Вы и La Païenne[82] д'Апи, — вздохнул он. — Никакой хватки у обоих. Эта земля — целое состояние в правильных руках. Безумие оставлять ее как есть, когда всего несколько шале могут...

Джей наконец разобрал слово через густой

---

[81] Примечания: 81
Предметы искусства *(фр.)*

[82] Примечания: 82
Безбожница *(фр.)*.

акцент.

— La Pai'enne? Безбожница? — неуверенно перевел он.

Клермон дернул головой в сторону второй фермы.

— Безбожница и есть. Сперва мы называли ее La Parisienne[83]. Но это имя ей больше подходит, э? В церковь не ходит. Ребенка не крестила. Не говорит. Не улыбается. Цепляется за свою землю исключительно из злобы и упрямства, когда все остальные… — Он пожал плечами. — Bof. Это не мое дело, э? Но на вашем месте я бы запирал двери, мсье Джей. Она сумасшедшая. Годами точила зуб на эту землю. Она бы изувечила вас, если б могла.

Джей нахмурился, вспомнив лисьи капканы вокруг дома.

— Как-то раз чуть не сломала нос Мирей, — продолжал Клермон. — Всего лишь потому, что та подошла к малышке. С тех пор в деревню не суется. Ездит в Ла-Першери на своем мотоцикле. В Ажене ее тоже видели.

— А кто присматривает за дочкой? — спросил Джей.

---

[83] Примечания: 83
Парижанка *(фр.).*

Клермон пожал плечами:

— Да никто. Наверное, она просто бросает ее одну.

— Странно, что социальная служба не…

— Bof. В Ланскне? Им бы пришлось приехать из Ажена или Монтобана, а то и из Тулузы. Кому охота? Мирей пыталась, и не раз. Но она хитрая. Путает следы. Мирей удочерила бы ребенка, если бы ей позволили. У нее есть деньги. Семья помогла бы. Но в ее возрасте, да к тому же глухого ребенка, видимо, они считают…

Джей уставился на него.

— Глухого ребенка?

Клермон удивился.

— Ну да. А вы не знали? С самого рождения. Считается, *она* знает, как за ней ухаживать. — Он покачал головой. — Вот что ее тут держит, э? Вот почему она не может вернуться в Париж.

— Почему? — полюбопытствовал Джей.

— Деньги, — коротко ответил Клермон, допивая вино.

— Но ферма чего-то да стоит.

— О да, — согласился Клермон. — Но ферма ей не принадлежит. А почему, вы думаете, она так старалась завладеть Фудуином? Она арендует ферму. Ее выкинут, когда аренда закончится, если

она не сумеет продлить договор. А шансов мало, после того, что случилось.

— Почему? У кого она арендует землю?

Клермон осушил бокал и довольно облизал губы.

— У Пьера Эмиля Фудуина. Человека, который продал вам дом. Внучатого племянника Мирей.

После этого они отправились изучать товар Клермона. Плохие предчувствия Джея оправдались. Но думал он о другом. Он предложил Клермону пятьсот франков за все про все: глаза строителя на мгновение расширились, но он быстро согласился. Лукаво подмигнул:

— Чутье на хороший товар, э? — Банкнота исчезла в его мозолистой ладони — фокус-покус. — Не переживайте, э. Я вам еще привезу!

Он уехал, выхлопная труба громко фыркнула, взметнув розовую пыль из-под колес. Джей принялся разбирать мусор.

Даже сейчас воспитание Джо не отпускало: Джею по-прежнему тяжело было выбрасывать то, что, возможно, еще могло пригодиться. Уже решив отправить все скопом в печку, он обнаружил, что внимательно изучает то одно, то другое. Застекленная дверь с трещиной посередине могла бы стать сносным парником. Банки,

если перевернуть их вверх дном, защитят ростки от поздних заморозков. Мало-помалу барахло Клермона расползлось по полю и саду. Джей даже карнавальную голову пристроил. Осторожно отнес ее на границу между виноградниками и водрузил на столбик забора, развернув мордой к ферме Маризы. Из разверстой драконьей пасти свисал длинный креповый красный язык, желтые глаза мерцали. Джо назвал бы это симпатической магией, вроде установки горгулий на крышу церкви. Джей гадал, как La Païenne расценит его выходку.

32

Пог-Хилл, лето 1977 года

Воспоминания Джея о последних днях того лета путались, как никогда прежде. Тому было несколько причин — хотя бы тревожное бледное небо, что заставляло его щуриться, вызывало головные боли. Джо как-то отстранился, а присутствие Джилли означало, что долгих бесед, какие они вели в прошлом году, больше не будет. И сама Джилли… пока июль превращался в август, Джилли не выходила у него из головы. Джей обнаружил, что думает о ней все больше. Его радость от ее общества была подпорчена неуверенностью, ревностью и другими чувствами, которые он не мог толком понять. Он постоянно пребывал в замешательстве. Он часто почти злился, не понимая почему. Он все время ссорился с матерью, которая тем летом сидела у него в печенках словно бы глубже, чем когда бы то ни было, — все сидело у него в печенках в тот год; он будто лишился кожи, каждый его нерв постоянно был обнажен. Он купил «Где-то витаем» «Секс Пистолз» и крутил его у себя в

комнате на полной громкости, к ужасу дедушки с бабушкой. Он мечтал проколоть себе уши. Они с Джилли ходили на Край, воевали с шайкой Гленды, набивали мешки полезным хламом и оттаскивали их к Джо. Иногда они помогали Джо на огороде, и время от времени старик говорил с ними о своих путешествиях и о том, как жил в Африке с масаи или переходил через Анды. Джею чудилась в этих рассказах небрежность, необязательность, словно Джо думал о другом. Ритуал обхода границы тоже усох — минута или две, не больше, окуривание ладаном и размахивание кропилом. Тогда Джею не приходило в голову спрашивать почему, но позже он догадался. Джо знал. Уже тогда он принял решение.

Как-то раз Джо отвел Джея в заднюю комнату и снова показал ему комод с семенами. Прошло уже больше года с тех пор, как он в последний раз открывал его перед Джеем, расстилая перед ним тысячи семян, упакованных, перевязанных, подписанных для посадки, и в сумраке — окна до сих пор были забиты — комод казался пыльным, заброшенным, бумажные пакетики хрустели от старости, этикетки выцвели.

— С виду полная дрянь, а? — сказал Джо, проводя пальцем по пыли на крышке комода.

Джей кивнул. В комнате было душно и влажно, как среди помидорной рассады. Джо улыбнулся немного печально.

— Не верь, сынок. Каждое семечко — чистое золото. Сунь в землю хоть сейчас, и оно рванет в рост. Как ракета. Каждое семечко. — Он опустил руку на плечо мальчика. — Запомни: мыло серо, да моет бело. Главное — что внутри. Искусство.

Но вообще-то Джей не слушал. Он никогда толком не слушал в то лето — слишком занят был собственными мыслями, слишком уверен, что все, чем он обладает, пребудет с ним вечно. Задумчивую реплику Джо он счел обычной взрослой нотацией; неясно кивнул, ему было жарко, он скучал и задыхался в душной темноте и мечтал поскорее смыться.

Позже он сообразил, что, возможно, Джо так прощался.

33

Ланскне, март 1999 года

Джо ждал его дома, критически глядя из окна на заброшенный огород.

— Надо тебе с ним что-то делать, сынок, — услышал Джей, открыв дверь. — А то добра этим летом не жди. Надо его перекопать и прополоть, пока время еще есть. Ну и яблони, конечно. Проверь, нет ли на них омелы. А то им хана от нее настанет, во как.

За последнюю неделю Джей почти привык к внезапным появлениям старика. Он даже начал странным образом их предвкушать, говоря себе, что они безвредны, изобретательно находя постъюнгианские причины их упорного повторения. Прежний Джей — Джей образца семьдесят пятого — наслаждался бы ими. Но тот Джей верил во все. Он хотел верить. Астральная проекция, космические пришельцы, заклинания, ритуалы, волшебство. Странные вещи случались с тем Джеем каждый день. Тот Джей верил — доверял. *Этот* Джей стал умнее.

Но все равно видел старика, несмотря на неве-

рие. Отчасти дело в одиночестве, говорил он себе. Отчасти в книге — незнакомке, выросшей на руинах «Отважного Кортеса». В творчестве есть что-то от безумия, не вполне здоровой одержимости. Когда-то, создавая «Пьяблочного Джо», он постоянно говорил сам с собой, широкими шагами мерил крохотную квартирку на двоих в Сохо, держа в руке стакан, говорил, отчаянно спорил сам с собой, с Джо, с Джилли, с Зетом и Глендой, почти ожидал увидеть их, поднимая от машинки усталые глаза, в них словно песок скрипел, голова трещала, радио играло на полную мощь. Целое лето он был слегка помешан. Но эта книга будет другой. Она в некотором роде проще. Герои окружают его. Они легко маршируют по страницам: строитель Клермон, хозяйка кафе Жозефина, Мишель из Марселя, рыжий, улыбчивый. Каро в шарфике «Гермес». Мариза. Джо. Мариза. Сюжета толком нет. Вместо него — множество историй, вольно связанных вместе: кое-что когда-то рассказал Джо, Джей лишь перенес действие в Ланскне, кое-что поведала Жозефина через стойку кафе «Марод», остальное он сам собрал из обрывков. Ему нравилось думать, будто он ухватил что-то из атмосферы городка, из света, что заливал его. Возможно, отчасти скопировав

живой, непринужденный повествовательный стиль Жозефины. Ее болтовня не была отравлена злобой. Ее истории всегда согревали, часто забавляли. Она начал предвкушать свои визиты и даже смутно огорчался в те дни, когда Жозефина была слишком занята. Он ходил в кафе каждый день, даже когда других дел в деревне у него не было. Он делал заметки в уме.

Пробыв в деревне чуть меньше трех недель, он отправился в Ажен и послал первые сто пятьдесят страниц пока безымянной рукописи Нику Хорнели, своему лондонскому агенту. Ник заведовал Джонатаном Уайнсепом, а также отчислениями за «Пьяблочного Джо». Он всегда нравился Джею, этот хрен с извращенным чувством юмора и привычкой присылать вырезки из газет и журналов в надежде пробудить вдохновение. Адреса Джей не оставил, только номер ящика до востребования в Ажене, и стал ждать ответа.

Он был разочарован, поняв, что Жозефина не собирается говорить с ним о Маризе. Были и другие люди, о которых она редко упоминала: чета Клермон, Мирей Фэзанд, чета Мерль. Она сама. Когда бы он ни пытался выведать что-нибудь об этих людях, у нее находилась работа на кухне. И он все больше уверялся, что есть кое-что — скры-

тое, — о чем она не хочет говорить.

— А моя соседка? Она когда-нибудь заходит в кафе?

Жозефина взяла тряпку и принялась тереть блестящую поверхность стойки бара.

— Я ее не вижу. Я ее не очень хорошо знаю.

— Я слышал, она не ладит с деревенскими.

Пожимает плечами:

— Bof.

— Каро Клермон, похоже, много о ней знает.

Опять пожимает плечами:

— Для Каро дело чести знать обо всех.

— Мне интересно.

Сухо:

— Простите. Мне надо идти.

— Уверен, вы что-то да слышали…

Мгновение она смотрела на него, щеки ее горели. Руки крепко охватили тело, большие пальцы впились под ребра — будто обороняется.

— Мсье Джей. Некоторые любят совать нос в чужие дела. Господь знает, сколько слухов когда-то распускали обо мне. Некоторые считают, что имеют право судить.

Он был захвачен врасплох ее внезапной яростью. Неожиданно она стала совсем другой, ее лицо усохло, скукожилось. Джей понял, что, воз-

можно, она боится.

Вечером, вернувшись домой, он мысленно прокрутил их беседу. Джо сидел на своем обычном месте на раскладушке, сплетя руки за головой. Радио играло что-то ненавязчивое. Клавиши машинки под пальцами были холодны и мертвы. Яркая нить рассказа наконец оборвалась.

— Плохо. — Он вздохнул и долил кофе в полупустую чашку. — У меня ничего не получается.

Джо лениво наблюдал за ним, надвинув кепку на глаза.

— Я не могу писать эту книгу. Я в тупике. Все бессмысленно. Ничего не выйдет.

История, что так ясно виделась ему всего несколько ночей назад, истаяла почти без следа. Голова кружилась от недосыпа.

— Ты должен с ней познакомиться, — посоветовал Джо. — Забудь чужие россказни, подумай своей головой. И все опять завертится.

Джей нетерпеливо отмахнулся:

— Интересно, как? Она явно не хочет со мной общаться. И с другими тоже, если на то пошло.

Джо пожал плечами.

— Как знаешь. Ты никогда особо из шкуры вон не лез, а?

— Неправда! Я пытался…

— Вы можете лет десять прожить бок о бок, и никто не сделает первого шага.

— Это другое дело.

— Да уж.

Джо вскочил и побрел к радио. Покрутил ручку настройки и нашел четкий сигнал. Бог знает как, Джо, когда появлялся, умел отыскать ретростанцию. Род Стюарт пел «Та самая ночь».

— Но попробовать-то можно.

— А если я не хочу пробовать?

— Еще б ты хотел.

Голос Джо слабел, его силуэт выцветал, и Джей видел свежепобеленную стену за ним. Радио свирепо затрещало, сигнал оборвался. Музыку сменил белый шум.

— Джо?

Голос старика был еле слышен:

— Покедова.

Как обычно, если был недоволен или хотел прекратить разговор.

— Джо?

Но Джо уже ушел.

34

Пог-Хилл, лето 1977 года

На самом деле все началось с Элвиса. В середине августа, точно, и мать Джея горевала почти ненаигранно. Возможно, потому, что они были одного возраста, он и она. Джей тоже это чувствовал, хотя никогда не был особым его поклонником. Мрачное давление рока, словно мир порвался в самой середке и раскручивается, точно клубок струн. В тот август смерть таилась в воздухе, в темной кромке неба, в неуловимом привкусе. В то лето была куча ос — он такого не помнил, — длинных, изогнутых, коричневых ос, что, казалось, почуяли грядущий конец и заранее обозлились. Джея укусили двенадцать раз — однажды прямо в рот, когда он жадно хлебал колу, хорошо хоть в травму не отвезли, — и вместе с Джилли он сжег семь гнезд. Джилли и Джей в то лето объявили крестовый поход на ос. Жаркими влажными днями, когда насекомые были сонными и более смирными, они вдвоем шли на осиную охоту. Они отыскивали гнезда, затыкали летки нарезанной бумагой и щепой и поджигали. Когда

огонь занимался и дым просачивался в гнездо, осы начинали вылетать наружу, некоторые жужжали и пылали, как немецкие самолеты в старом черно-белом военном кино, воздух темнел, осы гудели жутко, мороз по коже, и разлетались, растерянные и взбешенные, по району военных действий. Джилли и Джей тихонько лежали в яме по соседству, достаточно далеко от опасного места, но так близко, как только осмеливались, и наблюдали. Нечего говорить, что стратегию разработала Джилли. Она припадала к земле, распахнув блестящие глаза, совсем рядом. Ни одна оса ни разу ее не укусила. Она казалась иммунной к ним, как медоед[84] к пчелам, и столь же смертоносной по своей природе. Джей втайне боялся, вжимался в землю, сердце колотилось в жестком веселье, но к страху со временем привыкаешь, и они убивали снова и снова, цепляясь друг за друга и хохоча от ужаса и возбуждения. Однажды, понукаемый Джилли, Джей засунул пару петард в гнездо под сложенной без раствора стеной и поджег фитили. Гнездо разлетелось на части, но без дыма, ошеломленные и рассерженные осы брызнули во все стороны. Одна умудрилась

[84] Примечания: 84
Агрессивный и злобный хищник семейства куньих.

залезть под его футболку и принялась усердно жалить. Джея словно подстрелили, он завизжал и покатился по земле. Но оса попалась неуязвимая, она извивалась и жалила, даже когда он раздавил ее обезумевшим от боли телом. В конце концов они убили ее, содрав футболку и облив насекомое бензином для зажигалок. Позднее Джей насчитал целых девять укусов. Осень маячила на горизонте, пахла кострами.

35

Ланскне, апрель 1999 года

Он вновь увидел ее на следующий день. Апрель вызревал в май, лозы тянулись ввысь, и Джей время от времени видел, как она работает на винограднике, распыляет фунгициды, осматривает побеги, почву. Она не говорила с ним. Словно заперлась в непроницаемой оболочке, обратив лицо к земле. Он видел ее в веренице комбинезонов, мешковатых свитеров, мужских рубашек, джинсов, ботинок, ее светлые волосы были туго убраны под берет. Поди разбери, какое под ними скрывается тело. Даже руки ее выглядели мультяшными в перчатках не по размеру. Джей несколько раз безуспешно пытался с ней заговорить. Как-то даже заглянул к ней на ферму, но ответа на стук в дверь не получил, хотя точно слышал, что за дверью кто-то стоит.

— Я с ней не общаюсь, — сказала Каро Клермон, когда он упомянул этот случай. — Она никогда не говорит с деревенскими. Знает, что мы все о ней думаем.

Они сидели на terrasse кафе «Марод». Каро взя-

ла моду сидеть там с ним после церкви, пока ее муж бегал за пирожными к Пуату. Несмотря на преувеличенное дружелюбие, было в Каро нечто неприятное, что Джей не мог толком разобрать. Возможно, готовность злословить. В присутствии Каро Жозефина держалась на расстоянии, а Нарсисс изучал свой каталог с напускным безразличием. Но она оставалась одной из немногих, кто охотно отвечал на вопросы. И она знала все сплетни.

— Вам бы поговорить с Мирей, — посоветовала она, усердно сдабривая кофе сахаром. — Одна из моих лучших подруг. Хотя и из другого поколения, разумеется. Чего только она не вынесла от той женщины. Вы и представить себе не можете. — Она осторожно промокнула помаду салфеткой, прежде чем отхлебнуть. — Когда-нибудь я вас познакомлю, — решила она.

Но вышло так, что ее услуги не потребовались. Мирей Фэзанд сама отыскала его через несколько дней, застав врасплох. Было тепло. Несколько дней назад Джей начал работать на огороде и теперь, когда основной ремонт дома был завершен, проводил в саду по несколько часов в день. Он почему-то надеялся, что физические усилия подарят ему озарение, необходимое, чтобы закон-

чить книгу. Радио висело на гвозде, что торчал из стены дома, играла ретростанция. Джей вынес из кухни пару бутылок пива и засунул их охлаждаться в ведро с водой. Голый по пояс, в найденной в доме старой соломенной шляпе, которая прикрывала глаза от солнца, он не ожидал гостей.

Он кромсал упрямый корень, когда заметил, что она стоит рядом. Должно быть, она ждала, пока он поднимет взгляд.

— Ой, простите. — Джей выпрямился, удивленный. — Я вас не заметил.

Она была крупной бесформенной женщиной; ей бы выглядеть по-матерински, но по-матерински она не выглядела. Огромные груди покачивались, бедра — как валуны, она казалась необычно плотной, уютно закутанная в жир, окаменевший в субстанцию тверже плоти. Под полями ее соломенной шляпы обвисли уголки рта, словно в вечной печали.

— Путь неблизкий, — сказала она. — Я и забыла, насколько неблизкий.

Ее акцент был очень резким, и мгновение Джей едва понимал, что она говорит. За спиной радио играло «И восходит солнце», и тень Джо, чья лысая макушка исторгала легкое сияние, маячила

за старухой.

— Мадам Фэзанд…

— Не надо формальностей, прошу вас. Зовите меня Мирей. Я вас не побеспокоила, э?

— Нет. Конечно нет. Я все равно как раз собирался заканчивать.

— Ясно. — Ее глаза быстро метнулись по недоделанному участку. — А я и не знала, что вы огородник.

Джей засмеялся:

— Что вы. Просто любитель-энтузиаст.

— Вы ведь не планируете сохранить виноградник, э?

Ее голос резал слух. Джей покачал головой:

— Боюсь, мне это не под силу.

— Значит, продаете?

— Вряд ли.

Мирей кивнула:

— Э, я думала, вы могли договориться, — призналась она. — С ней.

Слова ее были почти лишены выражения. Пораженные артритом руки шевелились и извивались на темной ткани юбки.

— С вашей невесткой?

Мирей кивнула.

— Она давно положила глаз на эту землю. Она

выше над болотами, чем ее земля. Лучше осушена. Зимой не затапливается, летом не сохнет. Хорошая земля.

Джей неуверенно смотрел на нее.

— Я знаю, что произошло… недопонимание, — осторожно сказал он. — Я знаю, что Мариза ожидала… возможно, если она обратится ко мне, что-то можно будет…

— Я перебью любую цену, которую она вам предложит за землю, — отрезала Мирей. — Хватит и того, что она завладела фермой моего сына, э, — ничего, обойдется без земли моего отца. Без отцовской фермы, — повторила она чуть громче, — которая должна была достаться моему сыну, где он растил бы своих детей. Если бы не она.

Джей выключил радио и потянулся к рубашке.

— Простите, — сказал он. — Я не сообразил, что здесь семейная связь.

Мирей почти нежно посмотрела на дом.

— Не извиняйтесь, — сказала она. — Он выглядит прекрасно — давно такого не было. Новая краска, новые окна, новые ставни. После смерти моей матери при отце тут все обветшало. Все, кроме земли. Лозы. А потом мой бедный Тони… — Она резко умолкла, руки ни на секунду не оставались в покое. — Она не хотела жить в

семейном гнезде, э, нет. Мадам нужен был свой дом, вниз по реке. Тони перестроил для нее одну из конюшен. Мадам нужен был свой цветник, свой внутренний дворик, своя комната для шитья. Всякий раз, когда казалось, что дом готов, мадам придумывала что-то еще. Как будто время тянула. А потом наконец он привез ее домой. — Лицо Мирей исказилось. — Домой ко мне.

— Она не из Ланскне?

Это объясняло физические отличия. Светлые глаза, мелкие черты лица, экзотический цвет волос и неплохой, хоть и не без акцента, английский.

— Она из Парижа. — Тон Мирей вместил всю ее обиду и недоверие к столице. — Тони встретил ее там на каникулах. Ему было девятнадцать.

А она была, должно быть, немного старше, подумал Джей. Двадцать три, может, двадцать четыре. Почему она вышла за него? За фермерского сынка из провинции? Мирей, наверное, прочитала вопрос на его лице.

— Он выглядел старше, мсье Джей. И был красив, héh oui[85]. Такая красота не к добру. Единственный сын. Ему досталась бы ферма, земля,

[85] Примечания: 85
Да *(фр.)*.

все. Отец в жизни ни в чем ему не отказывал. Любая девчонка из деревни с радостью выскочила бы за него. Но мой Тони хотел большего. Заслуживал большего. — Она замолчала, тряхнула головой. — Хватит, э. Я пришла не для того, чтобы говорить о Тони. Я хотела узнать, собираетесь ли вы продавать землю.

— Не собираюсь, — уверил он ее. — Мне нравится владеть землей, пусть у меня и нет серьезных планов на виноградник. Начать с того, что мне нравится уединение.

Видимо, это Мирей удовлетворило.

— Вы ведь скажете мне, если передумаете, э?

— Конечно. Послушайте, вам, наверное, жарко. — Теперь, когда она пришла, Джей не хотел отпускать ее, не разузнав побольше о Тони и Маризе. — У меня в погребе есть вино. Не откажетесь выпить со мной стаканчик?

Мирей мгновение смотрела на него, потом кивнула.

— Ну разве что самую капельку, — согласилась она. — Просто хочется снова взглянуть на родной дом.

— Надеюсь, вы не разочаруетесь, — сказал Джей, пропуская ее в дверь.

Поводов для разочарования не было. Джей по

возможности ничего не тронул в доме, только древние трубы заменил на новые, но фарфоровые раковины, дровяную печь, сосновые буфеты, изрезанный старый кухонный стол оставил в первозданном виде. Ему нравилась древность этих вещей, истории, которые хранила каждая зарубка и каждая отметина. Ему нравились залоснившиеся от времени вытертые плитки пола, которые он подметал, но не пытался прикрыть ковриками, и хотя он промаслил и почистил дерево, он не пытался соскрести с него урон, нанесенный годами.

Мирей придирчиво озиралась.

— Ну? — улыбаясь, спросил Джей.

— Э, — ответила Мирей. — Могло быть и хуже. Я боялась увидеть пластиковые шкафчики и посудомойку.

— Схожу за вином.

В погребе было темно. Новое электрооборудование еще не установили, и единственным источником света была тусклая лампочка на обкусанном проводе. Джей потянулся за вином, что стояло на короткой полке у лестницы.

На полке оставалось всего пять бутылок. Спеша проявить гостеприимство, он совсем об этом забыл; сладкий сотерн был последним, Джей

прикончил его ночью, когда до рассвета печатал. Но думал он совсем о другом. Он думал о Маризе и Тони и о том, как упросить Мирей рассказать конец истории. Его пальцы на мгновение стиснули мое горлышко, потом разжались. Он, должно быть, забыл об «Особых». Он был уверен, что осталась еще бутылка сотерна, где-нибудь там, стоит особняком, вот он ее и проглядел. Рядом со мной «Особые» незаметно шевелились, двигались, устраивались поудобнее, терлись друг о друга, точно спящие коты, урчали. Соседняя бутылка — «Шиповник 1974» — задребезжала. Густой золотистый аромат жженого сахара и карамели заполз в ноздри Джея. До меня доносился тихий смех из бутылки. Джей, конечно, его не различал. Но все равно взял бутылку за горлышко. Я слышал, как она шепчет, морочит, меняет форму, тихонько отворачивает этикетку, распространяя тайный аромат. Сотерн, обольстительно шептала она, чудесный желтый сотерн с той стороны реки. Вино, что развяжет старухе язык, вино, что оросит пересохшее горло, вино, что мя-я-я-ягко скользнет в глотку. Джей взял бутылку и тихонько удовлетворенно хмыкнул.

— Я так и знал, что одна осталась.

Этикетка испачкалась, и в полумраке он не

пытался ее прочитать. Он отнес бутылку наверх, в кухню, открыл, разлил. Когда вино наполнило бокалы, из горлышка бутылки вырвался тихий смешок.

36

— Отец делал лучшее вино в наших краях, — сказала Мирей. — Когда он умер, его брат Эмиль унаследовал землю. После него она должна была перейти к Тони.

— Я знаю. Мне очень жаль.

Она пожала плечами.

— По крайней мере, после его смерти земля отошла к наследнику по мужской линии, — сказала она. — Мысль о том, что она достанется ей, была бы невыносима, э?

Джей смущенно улыбнулся. Было в ней что-то намного сильнее боли. Оно горело в ее глазах. Лицо словно каменное. Он попытался представить, каково это — потерять единственного сына.

— Странно, что она осталась, — закинул он удочку. — Ну, потом.

Мирей коротко хохотнула.

— Конечно осталась, — отрезала она. — Вы ее не знаете, э? Осталась из чистой злобы и упрямства. Знала, что надо только подождать, пока мой дядя умрет, и тогда она приберет имение к рукам, как всегда хотела. Но он знал, что делал, э? «Да»

и «нет» не говорил, старый хрен. Позволял ей думать, что земля ей дешево достанется.

Она снова засмеялась.

— Но зачем ей? Почему она просто не уедет с фермы и не вернется в Париж?

Мирей пожала плечами.

— Кто знает, э? Может, чтобы досадить мне. — Она с любопытством отхлебнула вина. — Что это?

— Сотерн. Ой. Черт!

Джей не понимал, как он мог так ошибиться. Грязная рукописная этикетка. Желтый шнурок вокруг горлышка. «Шиповник 1974».

— О черт. Извините. Похоже, я схватил не ту бутылку.

Он отпил из своего бокала. Очень сладкое, густое как сироп, и все в хлопьях осадка. Он испуганно повернулся к Мирей.

— Я открою другую. Извините. Я вовсе не собирался поить вас этим. Не понимаю, как я умудрился перепутать бутылки.

— Все в порядке. — Мирей вцепилась в бокал. — Мне нравится. Оно мне что-то напоминает. Только не пойму что. Возможно, лекарство, которое Тони пил в детстве.

Она отпила еще немного, и он почуял медовый

аромат вина в ее бокале.

— Пожалуйста, madame. Я правда…

Твердо:

— Мне нравится.

За ее спиной, в окне, под яблонями по-прежнему маячил Джо, его оранжевый комбинезон ярко сверкал на солнце. Джо помахал, заметив, что за ним наблюдают, и показал большой палец. Джей заткнул бутылку пробкой и хорошенько отхлебнул; почему-то ему жаль было выливать вино. Вкус по-прежнему ужасен, но чудесный залах просто сбивает с ног — восковые красные ягоды, разбухшие от семян, трескаются, и сок льется в миску рядом с полным ведром; Джо сидит на кухне, слушает радио на полную громкость — «Драться кунфу»[86], главный хит того месяца, — и время от времени прерывается, чтобы показать какой-нибудь броский атэми[87], который выучил в своих странствиях по Востоку, а октябрьское солнце бьет в оконные стекла в паутине трещин…

Похоже, на Мирей вино оказало схожее дей-

---

[86] Примечания: 86

«Kung-Fu Fighting», композиция американо-ямайского диско-музыканта Карла Дугласа.

[87] Примечания: 87

Удар по телу в японских боевых искусствах.

ствие, хотя ее нёбо явно благосклоннее приняло специфический вкус. Мирей пила маленькими, любознательными глотками и после каждого останавливалась посмаковать.

Мечтательно:

— Э, на вкус похоже на… розовую воду. Нет, на розы. Алые розы.

Так значит, он не единственный, на кого домашние вина Джо действуют по-особому. Джей внимательно следил за пожилой женщиной, обеспокоенно изучая ее лицо в поисках возможных пагубных последствий. Нет, ничего такого. Напротив, черты ее будто бы немного смягчились, и она улыбнулась:

— Э, я их обожаю. Розы. Знаете, когда-то у меня был свой розарий. Там, рядом с яблоневым садом. Не знаю, что с ним случилось. Все погибло, когда умер мой отец. Алые розы, как они пахли, э! Я переехала, когда вышла замуж за Юга, но каждое воскресенье приходила и срезала свои розы, когда они были в цвету. А потом Юг и мой отец умерли в один год — но в тот же год родился мой Тони. Кошмарный год. Не считая моего милого Тони. Лучшее лето для роз в моей жизни. Они заполонили дом. До самой крыши. Э, а крепкое у вас вино. Даже голова немного закружилась.

Джей озабоченно посмотрел на нее.

— Я отвезу вас домой. Не стоит вам идти в такую даль пешком. Да еще по такому пеклу.

Мирей покачала головой:

— Я хочу прогуляться. Я не так стара, пары километров дороги не боюсь. Кроме того, — она кивнула на соседнюю ферму, — хочу поглядеть через реку на дом моего сына. Если повезет, я даже увижу его дочь. Издалека.

Конечно. Джей почти забыл о ребенке. Разумеется, он ни разу не видел ее, ни в полях, ни по дороге в школу.

— Моя крошка Роза. Ей семь. Я толком не видела ее после смерти сына. Ни единого раза. — Ее лицо начало складываться в привычную кислую мину. Большие уродливые руки неистово дергались на фоне юбки. — *Она* знает, каково мне от этого. Она знает. Я бы все сделала для ребенка моего сына. Я могла бы выкупить ферму, э, я могла бы дать им денег — Господь знает, что мне больше некому их дать. — Она попыталась встать, опершись руками на стол, приподнимая гору плоти. — Но она знает, что для этого должна позволить мне видеться с ребенком, — продолжала Мирей. — Я бы выяснила, что происходит. Если б только они знали, как она обращается с моей Розой; если б

только я могла доказать, что она творит…

— Прошу вас. — Джей подхватил ее под локоть. — Не расстраивайтесь. Я уверен, Мариза заботится о Розе изо всех сил.

Мирей презрительно глянула на него.

— Да что вы об этом знаете, э? Где вы были? Может, прятались за дверью сарая, когда умер мой сын?

Ее голос срывался. Ее рука пылала жаром под его пальцами.

— Простите. Я только…

Мирей с трудом покачала головой.

— Нет, это я должна извиниться. Солнце и крепкое вино, э? Вот я и распустила язык. Как подумаю о ней, кровь закипает — э! — Внезапно она улыбнулась, и за грубым фасадом неожиданно мелькнули ум и очарование. — Забудьте, что я сказала, мсье Джей. И позвольте пригласить вас нанести ответный визит. Дорогу к моему дому спросите у кого угодно.

Ее тон не оставлял возможности отказаться.

— С удовольствием. Не представляете, как я счастлив обнаружить человека, способного вынести мой ужасный французский.

Мирей мгновение внимательно смотрела на него, потом улыбнулась.

— Возможно, вы иностранец, но сердце у вас французское. Дом моего отца в хороших руках.

Джей смотрел, как она уходила, чопорно ковыляла по заросшей тропинке к границе, пока наконец не скрылась за стеною деревьев в глубине сада. Интересно, розы там еще растут?

Он вылил остатки своего вина обратно в бутылку и снова ее закупорил. Помыл бокалы и убрал садовый инвентарь в сарай. И лишь тогда понял. После дней бездействия, безуспешных попыток свести воедино ускользающие обрывки незаконченного романа, он вновь видел его, яркий, как прежде, блестящий в пыли, как потерянная монета.

Он рванул к пишущей машинке.

— Я так думаю, их можно оживить, если хошь, — сказал Джо, изучая спутанную розовую изгородь. — Подстригали их давно, одичали, но все под силу, если постараться.

Джо всегда притворялся, что к цветам равнодушен. Он предпочитал фруктовые деревья, травы и овощи, то, что можно собирать и сжинать, хранить, сушить, солить, закатывать, измельчать, обращать в вино. Но все равно в его саду всегда были цветы. Он сажал их словно в последний момент: георгины, маки, лаванду, штокрозу. Розы

вились среди помидоров. Душистый горошек — среди фасоли. Отчасти, конечно, для маскировки. Отчасти — чтобы привлечь пчел. Но если честно, Джо просто любил цветы и даже сорняки выдергивал неохотно.

Джей не нашел бы розарий, если б не знал, где искать. Стену, по которой вились когда-то розы, почти разобрали, оставив лишь неровную полосу кирпича футов в пятнадцать длиной. Зелень вымахала почти до самого верха, в густых зарослях он с трудом разглядел розы. Садовыми ножницами отрезал несколько колючих веток и обнажил одинокую крупную алую розу у самой земли.

— Старая роза, — заметил Джо, присмотревшись. — Для готовки самое то. Свари варенье из лепестков. Пальчики оближешь.

Джей снова заработал ножницами, срезая усики, что цеплялись за куст. Теперь он видел больше бутонов, тугих, зеленых вдали от солнца. Раскрывшийся цветок пахнул легко и землисто.

Он писал полночи. Разговора с Мирей хватило на десять страниц, и они легко увязались с остальным, словно только его и не хватало, чтобы продолжить. Без этой красной нити книга его была лишь собранием анекдотов, но история Маризы свяжет их воедино, и получится глубокий,

захватывающий роман. Вот только знать бы, куда она ведет, эта нить.

В Лондоне он, чтобы поразмыслить, ходил в спортзал. Здесь же направился в сад. Работа в саду прочищает мозги. Он вспомнил летние дни в переулке Пог-Хилл, вспомнил, как под внимательным взглядом Джо стриг и обрезал, как размешивал смолу для прививок, толок травы для саше в большой ступке Джо. Казалось, здесь тоже будет уместно развесить на деревьях красные ленточки от птиц, саше с ароматными травами от паразитов.

— Тут без подкормки не обойдешься, — заметил Джо, склонившись над розами. — Налей-ка того вина из шиповника на корни. Выйдет чудо как хорошо. И надо извести тлей.

Конечно, растения были заражены, стебли кишели насекомыми. Джея позабавило настойчивое руководство Джо.

— Может, на этот раз попробовать химию? — предложил он.

— И думать не смей, — возмутился Джо. — Ты все загубишь своей химией. Ты ж не для этого приехал.

— А для чего?

Джо раздраженно фыркнул.

— Ни хрена ты не знаешь, — заявил он.

— Достаточно, чтоб ты меня больше не подловил, — возразил Джей. — Твои волшебные мешочки. Твои амулеты. Твои восточные странствия. Ты потешался надо мной, так? Все время покатывался со смеху.

Джо сурово посмотрел на него поверх своих очков-полумесяцев.

— Я не потешался, — сказал он. — И если б тебе хватило ума глянуть дальше своего носа…

— Да ну? — Джей злился, с бессмысленной жестокостью дергал плети ежевики, обвившиеся вокруг роз. — Тогда на хрена ты свалил? И даже не попрощался? На хрена я вернулся в Пог-Хилл и нашел пустой дом?

— О нет, опять двадцать пять.

Джо прислонился к яблоне и закурил «Плейерс». Радио, лежащее в высокой траве, заиграло «Я влюблена»[88], главный хит того августа.

— Выруби, — сварливо потребовал Джей.

Джо пожал плечами. Радио всхлипнуло и замолкло.

— Эх, если б ты посадил rosifea, как я велел, — сокрушался Джо.

---

[88] Примечания: 88

«I Feel Love», песня в исполнении Донны Саммер.

— Мне нужно было что-нибудь получше горстки жалких семян, — отрезал Джей.

— С тобой всегда было нелегко. — Джо аккуратно запулил окурок через изгородь. — Я не мог сказать тебе, что ухожу, потому как и сам не знал. Просто засвербело пуститься в путь, морским воздухом подышать, поглядеть на дорогу. К тому же я думал, что тебя подготовил. Я ж говорю, если б ты посадил семена. Если б у тебя была хоть капелька веры.

Ну все, довольно. Джей развернулся к старику. Для глюка Джо казался чересчур реальным, вплоть до грязи под ногтями. Почему-то это разозлило Джея еще больше.

— Я не просил тебя приходить! — Он орал. Ему снова было пятнадцать, он стоял в погребе Джо, один, в окружении разбитых бутылок и банок. — Я не просил тебя помогать! Ты на фиг мне тут сдался! Какого черта ты сюда приперся? Почему не оставишь меня в покое?!

Джо терпеливо ждал.

— Все сказал? — спросил он, когда Джей умолк. — Все сказал, а?

Джей снова взялся за розы, не глядя на старика.

— Проваливай, — велел он почти неслышно.

— Да легко, — сказал Джо. — Чего, думаешь, мне больше нечем заняться? Больше некуда завалиться? Думаешь, у меня времени до хрена?

Его акцент густел, как всегда в тех редких случаях, когда Джей видел разъяренного Джо. Джей повернулся к нему спиной.

— Как знаешь. — Слова упали похоронным звоном, от которого Джею захотелось обернуться, но он не обернулся. — Делай, что хошь. Покедова.

Джей заставил себя несколько минут заниматься кустами. За спиной пели птицы, да свежеющий ветер шелестел травой — и только. Джо ушел. И на сей раз Джей не был уверен, что когда-нибудь увидит его вновь.

37

Наутро в Ажене Джей нашел записку от своего агента. Ник писал жалостливо и возбужденно, жирно подчеркивал слова, чтобы обозначить их важность. — «Свяжись со мной. Это срочно». Джей позвонил ему из кафе Жозефины. На ферме телефона не было, не будет и впредь. Ника было еле слышно, словно далекую радиостанцию. Фоном служили звуки кафе, звяканье стекла, шелест шашек, смех, громкие голоса.

— Джей! Джей, ну слава богу. Здесь просто дурдом. Новая книга изумительна. Я уже послал ее шести издателям. Она…

— Она не закончена, — указал Джей.

— Неважно. Все так и лягут. Смена обстановки явно тебе на пользу. Итак, мне немедленно нужно…

— Погоди. — Джей немного растерялся. — Я не готов.

Ник, должно быть, что-то расслышал в его голосе, потому что немедленно притормозил.

— Да ладно, не парься. Никто на тебя не давит. Никто даже не знает, где ты.

— И это меня устраивает, — сообщил Джей. — Мне нужно еще немного побыть одному. Одно удовольствие копаться в саду и думать над книгой.

Он почти слышал, как в голове у Ника крутятся шестеренки, прикидывают варианты.

— Хорошо. Если так нужно, я никого не пущу. Приторможу. Что сказать Керри? Она звонит мне через день и требует объяснить, что…

— Ей точно не говори, — поспешно перебил его Джей. — Вот уж кто мне тут на фиг не нужен.

— Вот как, — заметил Ник.

— В смысле?

— Похоже, ты там cherchez la femme, а? — Ник развеселился. — Пялишься на телок?

— Нет.

— Точно?

— Абсолютно.

Это правда, подумал он. Он неделями не думал о Маризе. К тому же эта женщина, что зашагала по страницам его книги, изрядно отличалась от затворницы-соседки. Ее история — вот что волнует его.

Уступив настояниям Ника, он дал ему номер Жозефины, на случай если придется передать что-то срочное. И снова Ник спросил, когда полу-

чит остаток рукописи. Джей не мог ему ответить. Он даже думать об этом не хотел. Ему и так было не по себе оттого, что Ник без разрешения показал незаконченную вещь, пусть тот всего лишь делал свою работу. Он положил трубку и увидел, что Жозефина уже принесла свежий кофе на его столик. Ру и Пуату сидели за ним, и еще Попотта, почтальонша. Мгновение Джей совершенно не соображал, где он. Лондон еще никогда не казался таким далеким.

Домой он вернулся как обычно, через поля. Всю ночь лил дождь, и тропинка была мокрой, с изгородей капало. Он свернул с дороги и по краю реки дошел до границы с землей Маризы, наслаждаясь тишиной и видом тяжелых мокрых деревьев. В винограднике Маризы не было. Джей различил тонкую струйку дыма над трубой соседней фермы, единственный признак жизни. Даже птицы умолкли. Он собирался перейти реку в самом узком и неглубоком месте, где земля Маризы смыкалась с его землей. Справа и слева берег круто поднимался и увенчивался деревьями: стеной фруктовых деревьев с ее стороны и спутанным клубком боярышника и бузины — с его. Проходя, он заметил, что красные ленточки, которые он привязал к веткам, исчезли — скорее

всего, их снова унес ветер. Надо бы найти способ прикрепить их понадежнее. В этом месте река слабела и мелела, а когда шел дождь, разливалась, превращая заросли камыша в островки и придавая красной почве берегов причудливые очертания, которые солнце позже высушивало в глиняные скульптуры. В воде лежали камни, вытертые до блеска водой и тысячами ног, хотя ныне здесь ходил только Джей. По крайней мере, так он считал.

Но возле брода он увидел на берегу девочку, которая шатко сидела на корточках и тыкала палкой в спокойную воду. Под боком у нее мирно таращила глаза коричневая козочка. Джей пошевелился, вспугнул девочку, и та замерла. Глаза, не менее ясные и любопытные, чем у козочки, уставились на незваного гостя.

Мгновение они смотрели друг на друга: она словно застыла, широко распахнув глаза; Джея сковало по рукам и ногам невероятное ощущение дежавю.

Джилли.

В оранжевом свитере и зеленых штанах, закатанных до колен. Сброшенные ботинки валялись неподалеку в траве. Рядом разинул пасть красный рюкзак. Шею обвивали бусики из связанных

вместе красных ленточек — вот и разгадка непостижимого исчезновения его амулетов.

Присмотревшись внимательнее, Джей увидел, что она все-таки не Джилли. Кудри скорее каштановые, чем рыжие, и она младше, ей лет восемь-девять, но все равно — какое потрясающее сходство. То же живое веснушчатое лицо, широкий рот, недоверчивые зеленые глаза. Похожая одежда, то же вывернутое колено. Не Джилли, нет, но похожа так, что сердце щемит. Джей понял, что это, видимо, Роза.

Она смерила его долгим неулыбчивым взглядом, подобрала ботинки и смылась. Козочка нервно скакнула, загарцевала к Джею, на мгновение остановилась пожевать лямки забытого рюкзака. Девочка двигалась так же быстро, как козочка, помогая себе руками, взбиралась по скользкому берегу к изгороди.

— Стой! — крикнул Джей вслед.

Она не обратила внимания. Лаской взлетела на берег и обернулась, только чтобы показать ему язык в безмолвном вызове.

— Стой! — Джей вытянул руки, показывая, что не причинит ей вреда. — Все нормально. Не беги.

Девочка смотрела на него то ли любопытно, то

ли враждебно, слегка склонив голову на плечо, будто в задумчивости. Как узнать, поняла ли она?

— Привет, Роза, — сказал Джей. Ребенок молча смотрел.

— Я — Джей. Я живу вон там.

Он показал на ферму, едва заметную среди деревьев.

Она смотрит не прямо на него, заметил он, а куда-то чуть влево и ниже. Фигурка напряжена, готова наброситься. Джей поискал в кармане, что бы ей дать — конфету, может, или печенье, — но нашел только зажигалку. «Бик» из дешевой цветной пластмассы сверкала на солнце.

— Хочешь, отдам? — предложил он, протягивая зажигалку через речку.

Девочка осталась безучастна. Возможно, она не умеет читать по губам, сказал он себе.

На этой стороне реки козочка блеяла и осторожно бодала головой его ноги. Роза посмотрела на него, потом на козочку со смесью презрения и беспокойства. Он заметил, что ее взгляд все время возвращается к забытому на берегу рюкзаку. Он наклонился и поднял его. Козочка потеряла интерес к ногам Джея и с опасной быстротой переключилась на рукав его рубашки. Джей про-

тянул рюкзак.

— Это твое?

На другом берегу девочка шагнула к воде.

— Все нормально. — Джей говорил медленно, на случай если она не умеет читать по губам, и улыбался. — Смотри. Я его перенесу.

Он направился к броду, держа в руках тяжелый рюкзак. Козочка цинично за ним наблюдала. Рюкзак мешал, и Джей передвигался неуклюже. Запрокинув голову, чтобы улыбнуться девочке, он поскользнулся на мокром камне и едва не упал. Козочка, которая любознательно скакала за ним по камням, неожиданно толкнула Джея, тот вслепую шагнул и упал лицом в бурливую реку.

Роза и козочка любовались картиной молча. И обе вроде как усмехались.

— Черт.

Джей попытался вернуться на берег. Течение оказалось сильнее, чем он ожидал; точно пьяный, он брел по речным камням, ботинки скользили по грязи. Похоже, сухим остался только рюкзак.

Роза опять усмехнулась.

Усмешка преобразила ее. Удивительно солнечная, внезапная, зубы сверкнули белым на пятнистом лице. Она смеялась почти беззвучно, выбивала босыми ступнями по траве пантоми-

му веселья. А потом снова смылась, подобрала ботинки и зашагала вверх, к фруктовому саду. Козочка бежала за ней и нежно покусывала болтающиеся шнурки. Наверху Роза обернулась и помахала, но с вызовом или симпатией — Джей не понял.

Когда она ушла, он сообразил, что ее рюкзак остался у него. Джей открыл его и обнаружил внутри множество предметов, драгоценных лишь для ребенка: банку с улитками, несколько деревяшек, речные камешки, бечевку и множество красных амулетов, старательно связанных в яркую гирлянду. Джей вернул все сокровища в рюкзак и повесил его на столбик ворот недалеко от изгороди, там же, где две недели назад водрузил голову дракона. Он не сомневался, что Роза его найдет.

— Я не видела ее много месяцев, — позже сказала Жозефина в кафе. — Мариза больше не пускает ее в школу. Жалко. Такой крошке нужны друзья.

Джей кивнул.

— Она ходила в деревенский садик, — вспомнила Жозефина. — Ей было годика три, может, чуть меньше. Она тогда еще немного говорила, но, наверное, уже ничего не слышала.

— Неужели? — Джею стало любопытно. — А я

думал, она глухой родилась.

Жозефина покачала головой:

— Нет. Заболела чем-то. В год, когда умер Тони. Плохая зима. Река опять разлилась, половина полей Маризы три месяца простояли под водой. Да еще дела с полицией…

Джей вопросительно посмотрел на нее.

— О да. После смерти Тони Мирей мечтает повесить вину на Маризу. Они поссорились, сказала она. Тони нипочем не стал бы стреляться. Искала другого мужчину, говорила, что они сговорились убить Тони. — Она покачала головой, нахмурилась. — Мирей почти рехнулась тогда. Я так думаю, она могла сказать что угодно. Конечно, до этого не дошло. Полиция приехала, задала пару вопросов и уехала. Наверное, уже просекли, кто такая Мирей. Но после она три или четыре года писала письма, доносы, прошения. Раз или два к ней заглянули, вот и все. Но ничего не вышло. Кажется, она распускала слухи, будто Мариза запирает ребенка в задней комнате.

— По-моему, бред.

Это живое, веснушчатое дитя явно никогда не запирали в задней комнате. Жозефина пожала плечами.

— По-моему, тоже, — согласилась она. — Но

было уже поздно. Толпы народу собирались у ворот фермы и через реку. В основном добрые самаритяне, безвредные, но Мариза этого не знала, заперлась в доме, а на улице жгли факелы и кидали камни в ставни. — Она покачала головой. — Когда все успокоилось, было уже поздно, — объяснила она. — Она уже решила, что все против нее. А потом, когда Роза пропала… — Жозефина плеснула коньяка себе в кофе. — Наверное, она решила, что все мы замешаны. В деревне особо не спрячешься, и все до единого знали, что Мирей держит Розу у себя. Девочке было три годика, и мы думали, что они как-то между собой договорились и Роза гостит у бабки. Конечно, Каро Клермон знала, и еще пара человек: Жолин Дру, она тогда была ее лучшей подругой, и Кюссонне, доктор. Но остальные… ну, никто не спрашивал. Люди решили, что, может, после всего, что случилось, не стоит лезть в чужие дела. И конечно, толком никто не знал Маризу.

— Ее непросто узнать, — заметил Джей.

— Розы не было три дня. Мирей только однажды попробовала с ней погулять. В первый день. Ничего не вышло. Визгу было до самого Марода. Что бы там у девчонки ни болело, а легкие у нее что надо. Никак ее было не заткнуть, ни

конфетами, ни подарками, ни хлопотами, ни криком. Все пытались — Каро, Жолин, Туанетта, но ребенок визжал без умолку. Наконец Мирей всполошилась и позвала доктора. Они пораскинули мозгами и свезли ее к специалисту в Ажен. Не должен ребенок ее возраста все время орать. Они думали, ее что-то тревожит, что с ней неправильно обращаются. — Она нахмурилась. — А потом Мариза пришла забрать Розу из садика и обнаружила, что доктор и Мирей увезли ее в Ажен. Такой злости я в жизни не видела! Она погналась за ними на мопеде, но выяснила только, что Мирей уложила Розу в какую-то больницу. На анализы, сказала она. Понятия не имею, что за анализы. — Она снова пожала плечами. — Любому другому деревенские бы помогли, — сказала она. — Но Мариза — она же слова без нужды не скажет, не улыбнется, ну, люди и решили не лезть. Так все и вышло; а заговора никакого не было. Она хотела, чтобы ее оставили в покое, вот ее и оставили. Да никто и не знал, куда Мирей упрятала Розу, разве что Каро Клермон. Ох, рассказов-то мы наслушались. Да только все потом. Как Мариза заявилась в кабинет Кюссонне с дробовиком и отвела его в машину. Как послушаешь, так пол-Ланскне видели своими глазами. Вечно одно и то же, э!

Знаю только, что меня там не было. И хотя Роза вернулась домой еще до конца той недели, мы больше ни разу не видели ее в деревне — ни в школе, ни даже на фейерверках четырнадцатого июля[89] или шоколадном празднике на Пасху. — Жозефина одним глотком осушила кофе и вытерла руки о фартук. — Так все и было, — безапелляционно подытожила она. — Вот когда мы в последний раз видели Маризу и Розу. Иногда я на них натыкаюсь — может, раз или два в месяц — по дороге в Ажен, или в питомник Нарсисса, или в поле, что через речку. Но не более того. Она не простила деревню за то, что случилось после смерти Тони, не простила, что мы встали не на ту сторону, что притворялись слепыми, когда Роза исчезла. Без толку говорить, что ты тут ни при чем: она не поверит.

Джей кивнул. Понятное дело. — Наверное, им одиноко жилось, — сказал он. Вспомнил Мэгги и Джилли: как легко они находили друзей, куда бы ни приехали, как торговали, починяли и халтурили, чтобы сводить концы с концами, вечно в движении, как парировали оскорбления и предубеждения с неизменным веселым вызовом.

---

[89] Примечания: 89
День взятия Бастилии.

Насколько же отличается эта суровая, подозрительная женщина от друзей Джо с Дальнего Края. И все же девочка так похожа на Джилли. По пути домой он взглядом поискал рюкзак, но, как и следовало ожидать, тот исчез. Осталась одна драконья голова, теперь украшенная гирляндой трепещущих красных ленточек, небрежно спущенной по густой зеленой гриве; длинный креповый язык по-прежнему свисал из пасти. Подойдя ближе, Джей заметил, что в зубах дракона осторожно зажат обломок глиняной трубки, из которой торчит пушистый шар одуванчика. И, шагая мимо, старательно пряча улыбку, Джей был почти уверен, что видел, как что-то мелькнуло в соседней изгороди, оранжевая вспышка на светло-зеленом, и слышал, как где-то вдалеке нахально проблеяла козочка.

38

Позже, над любимым grand crème[90] в кафе «Мародъ», он вполуха слушал рассказ Жозефины о первом шоколадном празднике в деревне и о том, как ему сопротивлялась церковь. Кофе был вкусный, посыпанный шоколадной стружкой, а на блюдечке лежало коричное печенье. Нарсисс сидел напротив со своим обычным каталогом семян и café-cassis. В середине дня в кафе было более людно, но Джей заметил, что клиентура все равно состоит в основном из стариков, которые играют в шахматы или карты и тихо беседуют, сыплют местными словечками. Вечером здесь будет полно рабочих с полей и ферм. Интересно, куда ходит по вечерам молодежь?

— Да молодых тут немного осталось, — объяснила Жозефина. — Работы нет, разве что кому нравится на земле вкалывать. К тому же большинство ферм так часто делили между сыновьями, что теперь, как ни крути, своим трудом не проживешь.

— Сыновьям все, — заметил Джей. — Дочерям

---

[90] Примечания: 90
Большой кофе со сливками *(фр.)*.

ничего.

— Редкая женщина захочет держать ферму в Ланскне, — пожала плечами Жозефина. — Да и не всякому садоводу или торговцу по душе работать на бабу.

Джей коротко хохотнул. Жозефина взглянула на него:

— Не верите?

Он покачал головой.

— Мне трудно это понять, — объяснил он. — В Лондоне…

— Здесь вам не Лондон, — развеселилась Жозефина. — Здесь люди держатся за обычаи. Церковь. Семья. Земля. Вот почему так много молодых уезжают. Им подавай то, о чем в журналах написано. Им подавай города, машины, клубы, магазины. Но всегда есть те, кто остается. И те, кто возвращается.

Она налила еще café-crème и улыбнулась.

— Когда-то я душу бы продала, лишь бы убраться из Ланскне, — призналась она. — Однажды я совсем было решилась. Собрала вещи и ушла из дома.

— И что?

— По дороге зашла выпить горячего шоколада. — Она засмеялась. — И поняла, что не могу

уехать. По правде, я никогда и не хотела уезжать. — Она умолкла, чтобы убрать пару пустых стаканов с соседнего столика. — Когда поживете здесь подольше — поймете. Со временем становится сложно покинуть такое место. Ланскне — не просто деревня. Дома — не просто жилища. Всё принадлежит всем. Все принадлежат всем. Даже один человек может все изменить.

Он кивнул. Именно это и завлекло его когда-то в переулок Пог-Хилл. Встречи и расставания. Беседы через стену. Обмен рецептами, корзинами фруктов и бутылками вина. Постоянное присутствие людей. Пока Джо был там, переулок Пог-Хилл жил. Все умерло с его уходом. Внезапно он позавидовал жизни Жозефины, ее друзьям, ее виду на Мород. Ее воспоминаниям.

— А я? — спросил он. — Я смогу изменить?

— Конечно.

Он и не сообразил, что заговорил вслух.

— Все знают о вас, Джей. Все спрашивают меня о вас. Просто нужно время, чтобы вас приняли. Людям надо знать, останетесь ли вы. Они не хотят отдавать себя тому, кто не останется. А некоторые боятся.

— Чего?

— Перемен. Может, вам это кажется глупым,

но большинству деревня мила как есть. Мы не хотим превращаться в Монтобан или Ле-Пино. Мы не хотим, чтобы туристы шатались окрест и покупали дома втридорога, чтобы деревня вымирала зимой. Туристы — они как саранча. Лезут во все щели. Едят все, что не прибито. Они нас высосут досуха за год. От нас ничего не останется, кроме пансионов и аттракционов. Ланскне — настоящий Ланскне исчезнет. — Она покачала головой. — Люди следят за вами, Джей. Они видят, что вы любезничаете с Каро и Жоржем Клермонами, и думают, что, кто знает, вы с ними… — Она помедлила. — А потом видят, как Мирей Фэзанд идет к вам в гости, и думают, что вы, быть может, собираетесь купить вторую ферму в будущем году, когда срок аренды закончится.

— Ферму Маризы? Но зачем она мне? — удивился он.

— Ее хозяин владеет всей землей до реки. Скоростное шоссе на Тулузу всего в паре километров. Можно начать строиться. Это уже случалось в других местах.

— Не здесь. Не при мне. — Джей спокойно смотрел на нее. — Я приехал писать, вот и все. Закончить книгу. Мне больше ничего не нужно.

Жозефина удовлетворенно кивнула:

— Я знаю. Но вы так много о ней спрашивали. Я думала, может…

— Нет!

Нарсисс воззрился на него из-за своего каталога. Быстро понизив голос:

— Послушайте, я писатель. Мне интересно, что происходит. Я люблю истории. Только и всего.

Жозефина налила еще кофе и посыпала пену ореховой карамелью.

— Я не вру, — настаивал Джей. — Я ничего не собираюсь менять. Деревня мила мне как есть.

Жозефина мгновение смотрела на него, затем кивнула, явно успокоенная.

— Хорошо, мсье Джей, — улыбнулась она. — Я скажу всем, что вы наш человек.

Они выпили орехового кофе за ее решение.

39

После того случая у реки Джей видел Розу только издали. Несколько раз он вроде бы замечал, как она наблюдает за ним из-за изгороди, еще раз точно слышал тихие шаги за углом дома и, конечно, видел ее следы. Например, украшения на драконьей голове. Веночки цветов, и листьев, и перьев повисли на столбиках и изгородях вместо красных ленточек, которые она украла. Раз или два — рисунок: дом, сад, неуклюжие человечки, играющие под невозможно фиолетовыми деревьями, — прикнопленный к пням, бумага уже скручивается и выцветает на солнце. Не понять, что это — обещания, игрушки или своего рода насмешки над ним. Она была неуловима, как ее мать, но любопытна, как ее козочка, и их встреча, должно быть, убедила ее, что Джей безвреден. Однажды он видел их вдвоем. Мариза работала за изгородью. Джей увидел ее лицо. И снова понял, как далека эта женщина от героини его книги. Он успел разглядеть изящные дуги бровей, тонкую, но прелестную линию рта, резкие скулы, чуть тронутые солнцем. В другой обстановке она была

бы красива.

Не кругленькой пышечкой, как Попотта, или смуглой и чувственной, как деревенские девушки. Нет, она была красива печальной, бледной, северной красотой, с мелкими чертами и неяркими рыжими волосами. Что-то шевельнулось у нее за спиной. Она развернулась в прыжке, и в этот миг ему явилась еще одна перемена. Она быстрее кошки приняла защитную стойку — не лицом, но спиной к нему, — однако скорость не спрятала… что? Страх?

Это длилось не дольше секунды. Роза с воплями прыгнула на нее, раскинув руки, широко, радостно улыбаясь. Новый поворот. Джей думал, что ребенок напуган, возможно, прячется в винограднике, как он когда-то прятался от Зета на Дальнем Крае, но в Розином лице не было ничего, кроме обожания. Он наблюдал, как она карабкается по Маризе, словно по дереву, ноги обхватили талию матери, руки обвились вокруг шеи. Мгновение Мариза держала ее, и он видел их профили. Руки Розы медленно двигались у лица матери, она говорила на языке жестов. Мариза нежно прижалась носом к носу дочери. Ее лицо светилось — Джей и вообразить такого не мог. Внезапно он устыдился, что поверил или наполовину поверил

в слова Мирей, будто Мариза плохо обращается с ребенком. Любовь этих двоих заливала воздух между ними золотистым светом. Они общались в полной, совершенной тишине.

Мариза поставила Розу на землю и заговорила на языке жестов. Джей впервые видел, как это делается, и был потрясен изяществом и живостью движений, мимики. Роза упорно жестикулировала в ответ. Он все больше чувствовал себя незваным гостем. Жесты были слишком быстрыми, и Джей не догадывался, о чем они говорили. Никто не мог их подслушать. Более интимной беседы Джей никогда не видел.

Мариза засмеялась беззвучно, совсем как дочь. Будто солнечный луч упал на ее лицо сквозь стекло. Роза тоже смеялась, топала и потирала живот руками. Они говорили так, словно их тела целиком были частью диалога, словно вместо того, чтобы утратить чувство, они приобрели нечто большее.

С тех пор он думал о них обеих чаще. Это зашло намного дальше простого интереса к истории Маризы, превратилось во что-то такое, чего он сам толком не понимал. Жозефина дразнила его. Нарсисс воздерживался от замечаний, но смотрел понимающе, когда Джей говорил о ней. А Джей

говорил о ней часто. Не мог удержаться. Мирей Фэзанд была единственной из его знакомых, кто готов был говорить о ней бесконечно. Джей заглядывал к ней несколько раз, но так и не смог заставить себя упомянуть об интимной сцене между матерью и дочерью, которую подсмотрел. Когда он попытался намекнуть, что отношения между ними теплее, чем она рисует, Мирей презрительно обрушилась на него.

— Да что вы знаете? — рявкнула она. — Откуда вам знать, какая она?

Ее взгляд метнулся к вазе со свежими розами на столе. Рядом стояла фотография в рамке — смеющийся мальчик на мотоцикле. Тони.

— Она не хотела ее. — Мирей понизила голос. — И не хотела моего сына. — Ее взгляд застыл. — Она хапнула моего сына, как хапает что попало. Чтобы испортить. Чтобы поиграть. Вот что такое для нее моя Роза. Игрушка, которую она выбросит, когда наиграется. — Ее руки не знали покоя. — Это она виновата, что ребенок глухой, — заявила она. — Тони был идеален. Это явно не от нас унаследовано. Она порочна. Она портит все, к чему прикасается. — Она снова взглянула на фотографию. — Она все время его обманывала, знаете ли. Все время у нее был другой мужчина. Мужчина

из больницы.

Джей вспомнил, что кто-то говорил о больнице. О клинике неврозов в Париже.

— Она болела? — спросил он. Мирей презрительно фыркнула.

— Болела? Так Тони говорил. Говорил, ее нужно защищать. За моим Тони она была как за каменной стеной, а ведь он был так молод. Э, он был сильным, чистым. Он думал, все такие же чистые и честные, как он. — Она снова посмотрела на розы. — Вы поработали, — без теплоты заметила она. — Вы оживили мои бедные розовые кусты.

Ее слова дымом повисли между ними.

— Я пыталась ее пожалеть, — сказала Мирей. — Ради Тони. Но даже тогда это было непросто. Она пряталась в доме, ни с кем не говорила, даже с родными. Да еще эти приступы, ни с того ни с сего. Жуткие приступы, она орала, швырялась вещами. Иногда резала себя ножами, бритвами, что под руку попадалось. Нам приходилось прятать все опасные предметы.

— Долго они были женаты?

Она пожала плечами:

— Меньше года. Он дольше за ней ухаживал. Ему был двадцать один, когда он умер.

Ее руки снова зашевелились, сжимаясь и раз-

жимаясь.

— Я не могу не думать об этом, — наконец сказала она. — Не думать о них двоих. Наверное, он уехал за ней из больницы. Устроился где-нибудь рядом, где они могли встречаться. Э, я не могу не думать, что весь год, что она была за Тони, носила его ребенка, эта сука смеялась над ним. Они смеялись над моим мальчиком. — Она глянула на Джея. — Подумайте об этом, э, прежде чем говорить о том, чего не понимаете. Подумайте, каково было моему мальчику.

— Простите. Если вы не хотите об этом говорить…

Мирей фыркнула.

— Это другие не хотят об этом говорить, — кисло сказала она. — Не хотят думать об этом, хотят думать, что все это россказни старой кликуши Мирей. Мирей, которая сама не своя после смерти сына. Настолько проще не лезть в чужие дела, позволить ей жить своей жизнью и плевать, что она украла моего сына и погубила его, просто так, потому что могла, э, так же, как украла мою Розу.

Ее голос сорвался, то ли от злости, то ли от горя. Потом лицо снова разгладилось, почти похорошело от удовольствия.

— Но я ей покажу, — продолжала она. — В бу-

дущем году, э, когда она останется без крыши над головой. Когда аренда закончится. Ей придется прийти ко мне, если она хочет остаться на ферме, э? А она хочет остаться.

Ее лицо лоснилось коварством.

— Почему? — С кем бы Джей ни говорил, все упиралось в это. — Почему она хочет остаться? У нее нет друзей. Она тут никому не нужна. Если она захочет уехать из Ланскне, кто ее удержит?

Мирей засмеялась.

— Пусть хочет, — коротко сказала она. — Я ей нужна. Она знает почему.

Пояснять Мирей отказалась и была скрытна и замкнута, когда Джей навестил ее снова. Он понял, что один из них переступил черту, и постарался в дальнейшем вести себя осторожнее, засыпая ее розами. Она принимала подарки довольно благосклонно, но более не поверяла ему свои тайны. Ему оставалось довольствоваться тем, что успел собрать.

Более всего в Маризе его восхищало пестрое отношение к ней деревенских. У каждого сложилось свое мнение, хотя никто, кроме Мирей, видимо, не знал больше других. Каро Клермон считала ее скаредной затворницей. Мирей — вероломной супругой, которая намеренно вос-

пользовалась невинностью юноши. Жозефина — мужественной женщиной, которая в одиночку растит ребенка. Нарсисс — ловкой бизнес-леди, имеющей право на личную жизнь. Ру, работавший у нее на vendanges[91] каждый год, когда путешествовал по реке, помнил ее тихой, вежливой дамой, что носила младенца в переноске на спине, даже когда работала в полях, приносила работникам холодное пиво в жару и платила наличными.

— Некоторые нам не доверяют, — усмехнулся он. — Речные бродяги, вечно в пути. Воображают бог знает что. Запирают ценности на замок. Следят за дочерьми. Или, наоборот, переигрывают. Постоянно улыбаются. Хлопают по спине и называют mon pote[92]. Она была не такая. Всегда называла меня monsieur. Она мало говорила. У нас были деловые отношения, как у мужчины с мужчиной.

Он пожал плечами и осушил свою банку «Стеллы».

С кем бы Джей ни говорил, у каждого была своя Мариза. Попотта вспомнила утро после похорон,

---

[91] Примечания: 91
Сбор винограда *(фр.).*

[92] Примечания: 92
Кореш *(фр.).*

когда Мариза явилась к дому Мирей с чемоданом и ребенком в переноске. Попотта разносила письма и подошла к дому, как раз когда Мариза стучала в дверь.

— Мирей открыла и прямо затащила Маризу внутрь, — вспомнила она. — Девочка спала, но от рывка проснулась и завопила. Мирей выхватила письма у меня из рук и захлопнула дверь, но я все равно слышала их голоса, даже через дверь, а ребенок все вопил и вопил. — Она покачала головой. — Наверное, Мариза в то утро собиралась уехать — собралась вроде и вещи упаковала, — но Мирей ее как-то отговорила. Я знаю, что потом она почти не приходила в деревню. Может, боялась, что люди скажут.

Скоро поползли слухи. Всем было что рассказать. Поразительным образом Мариза будила в людях любопытство, враждебность, зависть, злость.

Люсьен Мерль считал, что ее отказ отдать невозделанные болотистые земли у реки разрушил его планы нового строительства.

— Из этой земли вышел бы толк, — горько повторял он. — У сельского хозяйства больше нет будущего. Будущее за туризмом. — Он присосался

к своему diabolo-menthe[93] и покачал головой. — Поглядите на Ле-Пино. Всего один человек смог все изменить. Один прозорливый человек. — Он вздохнул и уныло прибавил: — Спорим, он теперь миллионер.

Джей пытался проанализировать все, что услышал. С одной стороны, ему казалось, что он нащупал подходы к тайне Маризы д'Апи, с другой — что он несведущ, как и вначале. Ни один рассказ полностью не совпадал с тем, что он видел. У Маризы было слишком много лиц, ее суть ускользала, как дым, едва казалось, что Джей ее ухватил. И никто пока даже не упомянул то, что он увидел в ней в тот день, — яростную любовь к дочери. И миг страха, отчаяние дикого зверя, готового на все, даже на убийство, лишь бы защитить себя и своего детеныша.

Страха? Но чего ей бояться в Ланскне?

Хотел бы он знать.

---

[93] Примечания: 93
Лимонад с мятным сиропом *(фр.).*

40

Пог-Хилл, лето 1977 года

Это в августе все непоправимо погибло. Август, время осиных гнезд, берлоги на Дальнем Крае, Элвиса. А потом хлебный барон написал, что они с Кандидой поженились, и некоторое время газеты пестрели ими обоими: вот они вылезают из лимузина на побережье Канн, вот они на кинопремьере, в клубе на Багамах, на его яхте. Мать Джея собирала эти заметки с рвением коллекционера, читала и перечитывала их, жадно вбирала волосы Кандиды, платья Кандиды. Дедушка с бабушкой восприняли это тяжело, вовсю опекали мать, а с Джеем обращались с прохладным равнодушием, словно гены отца затаились в нем бомбой замедленного действия, которая может взорваться в любой момент. Серые дни становились все жарче, рыхлее и унылее. Часто шел дождь, но теплый и не освежающий. Джо угрюмо трудился на своем участке; фрукты погибли в тот год, зеленые от недостатка солнца, они гнили на ветках.

— Можно было и не заморачиваться, сынок, —

бормотал он, тыкая в почерневший черешок груши или яблока. — Можно было просто в этом году не напрягаться, во как.

Мать Джилли, однако, извлекла пользу из обстоятельств: где-то раздобыла полный грузовик таких, знаете, прозрачных зонтиков-колокольчиков, они тогда были в моде, и с немалой выгодой торговала ими на рынке. Джилли подсчитала, что барышей хватит до декабря. Мысль об этом лишь обострила дурные предчувствия Джея. До конца августа оставалось всего несколько дней, до возвращения в школу — едва ли неделя. Джилли уедет осенью — Мэгги говорила насчет юга, коммуны возле Абингдона, о которой она слышала, — и никаких гарантий, что она когда-нибудь вернется. Джей ощетинился иглами изнутри, отчаяние мгновенно сменялось мрачной паранойей, он говорил не то, что думал, находил фальшь во всем, что говорили ему. Он постоянно ссорился с Джилли по пустякам. Потом мирился, настороженно и не до конца, они ходили друг вокруг друга, словно недоверчивые животные, их близости пришел конец. Во всем проступала гибель.

В последний день августа он пришел к Джо один, но старик казался далеким, занятым. Хотя

накрапывало, он не пригласил Джея войти, но постоял с ним у двери, держась непривычно официально. Джей заметил, что Джо навалил у задней стены груду старых ящиков и то и дело на них поглядывал, будто стремился вернуться к какой-то работе, которую вынужден был прервать. Джей внезапно разозлился. Он заслуживает лучшего, думал он. Он думал, Джо его уважает. С горящими щеками он убежал на Дальний Край. Он оставил велосипед у дома Джо — после случая у моста тайник больше не являлся таковым — и пешком отправился по заброшенной ветке, что шла от переулка Пог-Хилл, врезалась в Край и вела к реке. Он не ожидал увидеть Джилли — они не договаривались о встрече — и все же не удивился, заметив ее на берегу: в руке длинная палка, волосы повисли над водой. Она стояла на коленях и тыкала палкой в воду, и Джей подобрался довольно близко, прежде чем она подняла взгляд.

Ее лицо было розовым и пятнистым, будто она плакала. Джей почти тут же отбросил эту мысль. Джилли никогда не плакала.

— А, это ты, — равнодушно сказала она.

Джей промолчал. Он сунул руки в карманы и попробовал улыбнуться, но улыбка вышла глупо-

ватой. Джилли не улыбнулась в ответ.

— Что это? — кивнул он на воду.

— Ничего. — Она бросила палку в реку, и ее унесло течением. Вода была грязной, коричневой. Волосы Джилли были усеяны капельками, что цеплялись за них, как репейник. — Чертов дождь.

Джей хотел бы сказать что-нибудь такое, что исправило бы все сломавшееся между ним и Джилли. Но небо давило на них, и запах дыма и гибели был повсюду, как предзнаменование. Внезапно Джей понял, что видит Джилли в последний раз.

— Может, пошляемся по свалке? — предложил он. — Вроде я видел там внизу кое-что новенькое. Журналы и еще кое-что. Ну, в общем.

Джилли пожала плечами:

— Нет.

— Хорошая погода для охоты на ос.

Последняя, отчаянная уловка. Джилли никогда не отказывалась поохотиться на ос. Осы в мокрую погоду сонные, проще подобраться, безопаснее возиться с гнездом.

— Ну что, пойдем поищем гнезда? Я видел у моста место, где наверняка гнездо найдется.

Тот же жест. Джилли встряхнула влажными

кудрями:

— Мне не настолько скучно.

Долгая пауза тянулась бесконечно, разматывалась.

— Мэгги переезжает на будущей неделе, — наконец сказала Джилли. — Мы едем в какую-то сраную коммуну в Оксфордшире. Она говорит, ее там работа ждет.

— Вот как.

Конечно, он этого ждал. Ничего нового. Так почему сердце защемило, когда она это сказала? Она смотрела на воду, внимательно изучала что-то на ее коричневой поверхности. Джей сжал кулаки в карманах. И что-то коснулось его кожи. Амулет Джо. Грязный, лоснящийся, затрепанный. Джей так привык носить его с собой, что вообще забыл, что амулет в кармане. Он сел на корточки рядом с Джилли. Он слышал кислый, металлический запах реки, запах пенсов, вымоченных в нашатыре.

— Ты вернешься? — спросил он.

— Нет.

Должно быть, на поверхности воды было что-то очень интересное. Джилли упорно не хотела смотреть ему в глаза.

— Вряд ли. Мэгги говорит, мне пора ходить в

нормальную школу. Хватит мотаться туда-сюда.

И снова вспышка беспричинной злости. Джей с отвращением посмотрел на воду. Внезапно ему захотелось кому-нибудь врезать — Джилли, себе, — и он рывком вскочил на ноги.

— Дерьмо!

Слова хуже он не знал. Рот его онемел. Сердце тоже. Он злобно пнул берег, кусок земли оторвался вместе с травой и плюхнулся в воду. Джилли на него не смотрела.

Он отвел душу, снова и снова пиная берег, так что земля и трава дождем сыпались в воду. И еще на Джилли, пачкая ей джинсы и вышитую рубашку.

— Кончай уже, — устало сказала Джилли. — Ведешь себя прямо как ребенок, я не знаю.

Это правда, подумал он, он ведет себя как ребенок, но слышать это от нее невыносимо. Как и то, что она приняла их разлуку так легко, так равнодушно. Что-то мрачно разевало пасть в голове у Джея, разевало и корчило рожи.

— Ну и черт с тобой, — сказал он. — Я пошел.

Голова немного кружилась, когда он повернулся и побрел от реки к тропинке вдоль канала, уверенный, что Джилли его позовет. Десять шагов. Двенадцать. Он дошел до тропинки, не

оборачиваясь, зная, что она смотрит. Миновал деревья — теперь она его не увидит — и обернулся, но девочка сидела, где он ее оставил, и не смотрела, не шла за ним, лишь таращилась на воду, занавесив волосами лицо, и безумные серебристые каракули дождя пеленой летели с жаркого летнего неба.

— Черт с тобой, — яростно повторил Джей, надеясь, что она услышит.

Но она так и не посмотрела, и именно он в конце концов повернулся и пошел, злой и словно бы сдувшийся, к мосту.

Он часто гадал, как все сложилось бы, если б он вернулся или если б она посмотрела на него в тот самый миг. Что можно было бы спасти или предотвратить. Конечно, события в переулке Пог-Хилл могли стать совсем другими. Возможно, он даже успел бы попрощаться с Джо. Но вышло так, что, пусть тогда он этого и не знал, он никогда больше не видел их обоих.

41

Ланскне, май 1999 года

Он не видел Джо со дня после визита Мирей. Поначалу Джей вздохнул с облегчением, но шли дни, и тревога росла. Он пытался *заставить* старика явиться, но Джо упрямо отсутствовал, словно его явления не были подвластны воле Джея. После его ухода осталась странность; утрата. Джею постоянно казалось, что Джо там, в саду, разглядывает огород; на кухне поднимает крышку кастрюли, хочет выяснить, что на обед. Отсутствие Джо тревожило его, когда он сидел за пишущей машинкой, тревожила дыра в форме Джо в сердце вещей, тот факт, что, стараясь изо всех сил, он не мог настроить радио на ретростанцию, которую Джо находил с такой повседневной легкостью. Хуже того, без Джо его новая книга умерла. Джей больше не мог писать. Ему хотелось выпить, но хмель лишь обострял тоску.

Он говорил себе, что это нелепо. Во-первых, нельзя тосковать по тому, чего никогда не было. И все же не мог избавиться от ощущения, будто нечто безнадежно потеряно, безнадежно непра-

вильно.

«Если б у тебя была хоть капелька веры».

Вот с чем беда, правда? С верой. Прежний Джей не сомневался бы ни минуты. Он верил во все. Почему-то он знал, что должен вернуться к прежнему Джею, закончить все, что они оставили незаконченным, он и Джо, летом семьдесят седьмого. Только бы знать как. Он все сделает, пообещал он себе. Все на свете.

Наконец он достал остатки «Шиповника 1974». Бутылка запылилась за годы, проведенные в погребе, шнурок на горлышке выгорел от возраста до соломенного цвета. Содержимое безмолвно ждало. Смущаясь и в то же странно волнуясь, Джей налил полный бокал и поднес ко рту.

— Прости, старик. Мир, лады?

Он ждал, когда придет Джо.

Он ждал до темноты.

Смех в погребе.

42

Жозефина, должно быть, замолвила за него словечко. Люди стали дружелюбнее. Многие здоровались с Джеем при встрече, и Пуату из булочной, который прежде говорил с ним лишь как вежливый продавец, теперь спрашивал, как продвигается книга, и советовал, что купить.

— Pain aux noix[94] сегодня хорош, мсье Джей. Рекомендую с козьим сыром и оливками. Положите оливки и сыр на солнечный подоконник за час до еды, чтобы запахи раскрылись. — Он поцеловал кончики пальцев. — В Лондоне вы такого не найдете.

Пуату держал пекарню в Ланскне двадцать пять лет. Пальцы его страдали от ревматизма, но он утверждал, что работа с тестом сохраняет их гибкость. Джей пообещал ему пакетик с зерном, который поможет, — еще один фокус Джо. Странно, как легко все вспомнилось. После одобрения Пуату появились новые знакомства: бывший школьный учитель Гийом, наставник малышей Дарьей, Родольф, водитель микроав-

---

[94] Примечания: 94
Хлеб с орехами *(фр.)*.

тобуса, каждый день возивший детей в школу и обратно домой, Ненетта, нянечка в соседнем доме престарелых, пчеловод Бриансон, державший ульи на другой стороне Марода, — словно отбой тревоги послужил им сигналом к проявлению любопытства. Теперь вопросы из них так и сыпались. Что Джей делал в Лондоне? Он был женат? Нет, но кто-то, конечно, был, э? Нет? Изумление. Теперь, когда подозрения утихли, деревенские стали ненасытно любопытны, обсуждая наиболее интимные темы с неизменным невинным интересом. О чем была его последняя книга? Сколько именно зарабатывает английский писатель? Он выступал по телевизору? А в Америке? Он видел Америку? Восхищенные вздохи. Почерпнутые сведения в охотку разносились по деревне за чашками кофе и бутылками blonde, нашептывались в лавках, передавались из уст в уста, всякий раз обрастая новыми подробностями.

Слухи были валютой Ланскне. Вопросы сыпались градом, безобидные в своей непосредственности. А обо мне? Обо мне вы напишете? А обо мне? А обо мне? Поначалу Джей колебался. Людям не всегда нравится, что за ними наблюдают, их черты одалживают, их манеры копируют. Некоторые требуют денег. Других оскорбляет портрет.

Но тут все иначе. Внезапно у каждого нашлась интересная история. Вы можете вставить ее в книгу, предлагали они. Некоторые даже записывали — на клочках почтовой бумаги, оберточной бумаги, а как-то раз на обороте пакетика семян. Многие из этих людей, особенно старики, сами редко читали книги. Некоторые, например Нарсисс, вообще читали с трудом. И все-таки уважение к книгам было безмерным. Джо был таким же, его шахтерское прошлое с детства научило его, что чтение — пустая трата времени, он прятал свои «Нэшнл джиографик» под кроватью, но втайне наслаждался историями, которые читал ему Джей, кивал, слушая, не улыбался. И хотя Джей ни разу не застал его за чтением чего-либо серьезнее «Травника» Калпепера и изредка журналов, время от времени старик выдавал цитату или литературную аллюзию, которая несомненно указывала на обширные, пусть и тайные, познания. Джо любил поэзию так же, как любил цветы, стыдливо пряча истинные чувства за ширмой равнодушия. Но сад выдавал его. Анютины глазки выглядывали из уголков парников. Шиповник сплетался с турецкими бобами. Ланскне в этом походил на Джо. Сквозь его практичность бежала выпуклая жилка романтики. Джей обнаружил,

что практически за ночь стал общим любимцем, поводом почесать языки — английский писатель, dingue mais sympa, héh![95] — человеком, кто равно вызывал смех и внушал благоговение. Юродивым Ланскне. На мгновение он стал непогрешим. Школьники больше не кричали «Rosbif!» ему вслед. Да, и подарки. Его завалили подарками. Банка меда в сотах от Бриансона вкупе с анекдотом о его младшей сестре и о том, как она однажды взялась приготовить кролика («Она битый час сидела на кухне, а потом выбросила тушку в дверь и завопила: „Заберите вашу чертову тварь! Сами ее ощипывайте!“») и запиской: «Можете вставить это в свою книгу». Пирог от Попотты, аккуратно уложенный в почтальонскую сумку вместе с письмами, на багажнике велосипеда. Неожиданный дар — семена картофеля от Нарсисса плюс прошамканные инструкции посадить их на солнечной стороне. Любая попытка заплатить обижала. Джей пытался возместить эти дары, покупая напитки в кафе «Марод», но обнаружил, что все равно заказывает меньше, чем остальные.

— Это нормально, — объяснила Жозефина,

---

[95] Примечания: 95
Чудной, но симпатичный, э! *(фр.)*

когда он об этом упомянул. — Здесь так принято. Чуть-чуть подождите, пока люди к вам привыкнут. Потом…

Она усмехнулась. Джей нес корзину подарков, которые люди оставили для него под стойкой Жозефины: пирожные, печенья, бутылки вина, наволочка от Денизы Пуату, мясо от Туанетты Арнольд. Жозефина посмотрела на корзину и улыбнулась еще шире.

— Я думаю, можно сказать, что вас приняли, а?

Одно исключение было в этом новом гостеприимстве. Мариза д'Апи оставалась холодна, как всегда. Три недели прошло с тех пор, как он в последний раз пытался с ней заговорить. Он видел ее, но только издали, два раза на тракторе и один раз пешком, все время за работой в поле. Ее дочери не видать. Джей говорил себе, что его разочарование нелепо. Судя по слухам, на Маризу едва ли влияет происходящее в деревне.

Он отослал Нику еще пятьдесят страниц новой книги. После этого писалось все медленнее. Отчасти из-за сада. Работы непочатый край, и теперь, когда лето не за горами, сорняки пустились в рост. Джо был прав. Надо разобраться с ними, пока возможно. В саду многое стоит спасти, надо только привести все в порядок. Квадратный

участок с травами, футов двадцать в длину, с остатками жидкой тимьяновой изгороди по периметру. По три грядки картофеля, репы, артишока, моркови и, судя по всему, сельдерея. Джей посадил бархатцы между грядками картофеля, чтобы отпугнуть жуков, и мелиссу вокруг моркови — от слизняков. Но надо обдумать зимние овощи и летние салаты. Он отправился в питомник Нарсисса за семенами и рассадой: брокколи на сентябрь, рокет-салат и фризе на июль и август. В парнике, сделанном из дверей Клермона, Джей уже посадил несколько карликовых растений — латук «Литтл джем» и миниатюрную морковь и пастернак — через месяц примерно поспеют. Джо был прав, земля здесь что надо. Плодородная красновато-коричневая почва, влажнее и рыхлее, чем за рекой. И камней меньше. Те немногие, что все же нашлись, Джей свалил в кучу — когда-нибудь она станет альпийской горкой. Он почти закончил возрождать розарий. Приколотые, как положено, к старой стене, розы начали расти и цвести; каскад полуоткрытых бутонов ниспадал по розоватому кирпичу и одуряюще пахнул. Тлей почти не осталось. Старый рецепт Джо — лаванда, мелисса и гвоздика, зашитые в красные фланелевые саше и привязанные к стеб-

лям прямо над землей, — сработал, как обычно, волшебно. Почти каждое воскресенье он срезал самые пышные цветы и относил их в дом Мирей Фэзанд на площади Сен-Антуан после службы.

От Джея не ожидали посещения мессы. En tout cas, tous les Anglais sont païens[96]. Последнее слово произносили с любовью. Совсем не так, как говорили о La Païenne за рекой. Даже старики на terrasse кафе относились к ней с подозрением. Возможно, потому, что она была одинокой женщиной. Когда Джей спросил прямо, его вежливо проигнорировали. Мирей долго смотрела на розы. Поднимала букет к лицу, вдыхала аромат. Изуродованные артритом руки, странно изящные по сравнению с рыхлым телом, нежно касались лепестков.

— Спасибо. — Она официально кивнула. — Мои милые розы. Поставлю их в воду. Заходите, угощу вас чаем.

В ее доме было чисто и просторно из-за побеленных стен и каменного пола, как принято в здешних краях, но его простота была обманчива. На стене висел обюссонский ковер, в углу гостиной стояли напольные часы, за которые

---

[96] Примечания: 96
Как бы то ни было, все англичане — безбожники *(фр.)*.

Керри продала бы душу. Мирей заметила, куда он смотрит.

— Это часы моей бабушки, — сообщила она. — Они стояли у меня в детской, когда я была маленькой. Помню, я лежала, проснувшись, в постельке и слушала их звон. Каждый час, полчаса и четверть часа они играли разные мелодии. Тони их любил. — Она поджала губы и отвернулась, чтобы поставить розы в вазу. — Дочка Тони их бы полюбила.

Чай был слабый, как цветочная вода. Она налила его в свой лучший, должно быть, лиможский сервиз и положила серебряные щипчики для сахара и лимона.

— Наверняка полюбила бы. Если бы ее мать была чуть общительнее.

Мирей глянула на него. Саркастически.

— Общительнее? Э! Да она настоящий бирюк, мсье Джей. Всех ненавидит. И родных больше всего. — Она потягивала чай. — Я бы ей помогла, да она не позволяет. Я хотела поселить их обеих у себя. Дать внучке то, что ей больше всего нужно. Настоящий дом. Семью. Но она…

Она поставила чашку. Джей заметил, что Мирей никогда не называет Маризу по имени.

— Она настаивает, что будет жить там, пока

срок аренды не выйдет. До следующего июля. Отказывается бывать в деревне. Отказывается говорить со мной или моим племянником, который предлагает ей помощь. А потом, э? Планирует купить землю у Пьера Эмиля. Зачем? Говорит, хочет быть независимой. Не хочет быть у нас в долгу. — Лицо Мирей — сжатый кулак. — У нас в долгу! Да она должна мне по гроб жизни. Я отдала ей дом. Я отдала ей своего сына! От него ничего не осталось, кроме девочки. И даже ее она сумела у нас отнять. Она одна умеет с ней говорить на этом своем языке жестов. Роза никогда не узнает об отце и о том, как он умер. Даже это она предусмотрела. Даже если бы я смогла… — Старуха резко замолчала. — Ерунда! — с усилием сказала она. — Рано или поздно она смирится. Должна смириться. Она не может держаться вечно. Не может, ведь я…

И снова умолкла, тихонько и резко щелкнув зубами.

— Не понимаю, почему она так враждебна, — наконец сказал Джей. — Деревенские так дружелюбны. Поглядите, как все добры со мной. Если б только она позволила, уверен, люди приняли бы ее. Конечно, одной жить тяжело. Ей было бы приятно знать, что о ней заботятся…

— Вы не понимаете, — презрительно процедила Мирей. — Она знает, какой прием ей окажут, если она посмеет сунуть нос в деревню. Вот почему она там не бывает. С тех пор как он привез ее из Парижа, ничего не изменилось. Она всегда не вписывалась. И даже не пыталась. Все знают, что она сделала, э! Я об этом позаботилась. — Ее черные глаза победно сузились. — Все знают, как она убила моего сына.

43

— Ну, она преувеличивает, знаете ли, — мирно сказал Клермон.

Они сидели в кафе «Марод», которое под вечер быстро наполнялось рабочими в замасленных комбинезонах и синих беретах; несколько работников Клермона, в том числе Ру, собрались за столиком у них за спиной. Уютно пахло «Голуаз» и кофе. Кто-то за спиной обсуждал последний футбольный матч. Жозефина хлопотала, разогревая в микроволновке куски пиццы.

— Héh, José, un croque, tu veux bien?[97]

На стойке стояла миска вареных яиц и солонка. Клермон взял яйцо и принялся старательно очищать.

— В смысле, все знают, что сама она его не убивала. Но есть куча способов спустить курок, э?

— То есть она его довела?

Клермон кивнул.

— Он был добрый парнишка. Считал ее идеалом. Делал для нее, что мог, даже после свадьбы. Слова ей поперек не говорил. Все распинался,

---

[97] Примечания: 97
Эй, Жози, можно, я съем? *(фр.)*

какая она нервная да хрупкая. Что ж, может, оно и так, э? — Он посолил яйцо. — Он обращался с ней как со стеклянной. Она только что вышла из больницы, говорил он. Что-то с нервами не то было. — Клермон засмеялся. — С нервами, э! Вот уж у нее ничего с нервами не было. Но никто не смел о ней судачить… — Он пожал плечами. — Убился, стараясь ей угодить, бедняжка Тони. Работал как проклятый ради нее, а потом застрелился, когда она попыталась уйти. — Уныло, но со смаком он вгрызся в яйцо. — О да, она хотела уйти, — добавил он, заметив, как удивился Джей. — Собрала сумки и все такое. Мирей их видела. Они поссорились, — объяснил он, доедая яйцо и жестом требуя у Жозефины еще одно blonde. — Они все время ссорились, так или иначе. Но в тот раз она вроде всерьез решила уйти. Мирей…

— Чего тебе?

Жозефина, разгоряченная и усталая, несла поднос с разогретой пиццей.

— Две «Стеллы», Жози.

Она протянула ему бутылки, которые он откупорил открывалкой, вделанной в стойку. Жозефина косо глянула на него и отправилась разносить пиццу.

— В общем, так все и вышло, — подытожил

Клермон, разливая пиво. — Сделали вид, что это несчастный случай, само собой. Но все знают, что это сумасшедшая женушка его довела. — Он усмехнулся. — Забавно, но по завещанию ей не досталось ни гроша. Она на иждивении у родных. Аренда была на семь лет — с этим они ничего не могли поделать, — но когда она закончится, э! — Он выразительно пожал плечами. — Тогда ей придется уехать, и скатертью дорожка.

— Разве что она сама купит ферму, — предположил Джей. — Мирей сказала, она может попробовать.

Лицо Клермона на мгновение омрачилось.

— Я бы сам перебил у нее ферму, если б мог, — заявил он, осушая стакан. — Отличная земля для застройки. Я бы дюжину выходных шале уместил на старом винограднике. Пьер Эмиль — идиот, если отдаст землю ей. — Он покачал головой. — Немножко удачи, и цены на землю в Ланскне взлетят. Посмотрите на Ле-Пино. Ее земля — настоящее сокровище, если правильно ее использовать. Но она никогда не станет этого делать. Даже болото у реки зажала, когда думали расширить дорогу. Из чистой подлости все порушила. — Он покачал головой. — Но теперь все идет на лад, э? — Благодушие вернулось к нему,

усмешка странно контрастировала с унылыми усами. — Через год, ну, может, два мы превратим Ле-Пино в марсельские bidonville[98]. Скоро все изменится. — И снова эта робкая, рьяная усмешка. — Всего один человек может все изменить, мсье Джей. Не правда ли? — Он чокнулся с Джеем стаканами и подмигнул: — Santé![99]

[98] Примечания: 98
Трущобы *(фр.).*

[99] Примечания: 99
Ну, будем! *(фр.)*

44

Забавно, как легко все вспомнилось. Четыре недели с последней встречи с Джо, но до сих пор кажется, что старик может явиться в любую минуту. Джей разложил красные фланелевые саше в саду и по углам дома. Украсил ими деревья вдоль границы участка, хотя ветер все время срывал мешочки. Бархатцы, разведенные в самодельном парнике, раскрывали яркие бутоны среди семенного картофеля Нарсисса. Пуату испек специальный couronne[100] хлеб в благодарность за пакетик с зерном, который, по его уверениям, принес ему больше облегчения, чем все лекарства. Конечно, Джей знал, что булочник сказал бы это в любом случае.

Теперь в его саду росла лучшая коллекция трав в деревне. Лаванда еще не созрела, но пахла уже сильнее, чем у Джо, и еще был тимьян, и бергамотовая мята, и мелисса, и розмарин, и заросли базилика. Джей набрал целую корзину трав для Попотты, когда она принесла почту, и еще одну для Родольфа. Джо часто раздавал гостям

---

[100] Примечания: 100
Коронный *(фр.).*

амулетики — он называл их «амулеты добра», и Джей начал делать то же самое: крохотные пучки лаванды, или мяты, или ананасового шалфея, перевязанные разноцветными ленточками — красная защищает, белая приносит удачу, синяя лечит. Забавно, как все вспомнилось. Люди думали, это очередная английская традиция — универсальное объяснение любых его причуд. Некоторые прикалывали его букетики к пальто и курткам — на дворе стоял май, но местные пока не рисковали носить летнее, хотя Джей давно уже перешел на шорты и футболки. Странно, однако: вернувшись к знакомым обычаям Джо, Джей расслабился. В детстве охранные ритуалы Джо, его курения, саше, тарабарские заклинания и окропление трав слишком часто его раздражали. Смущали, как чье-то неуместное рвение в школьном хоре. Подростку многое из будничного волшебства Джо казалось ужасно избитым, ужасно банальным, если ободрать шелуху тайны, как готовка или садоводство. Хотя Джей серьезно относился к обрядам, была в них некая веселая практичность, против которой восставала его романтическая душа. Он предпочел бы мрачные заклинания, черные мантии и полночный ритуал. *Тогда* бы он поверил. Ему, выросшему

на комиксах и макулатурном чтиве, это показалось бы правдой. А теперь, когда уже слишком поздно, Джей заново открыл гармонию работы на земле. Будничное волшебство, называл это Джо. Любительская алхимия. Теперь Джей понимал, что старик имел в виду. Но тем не менее Джо не показывался. Джей готовил почву для его возвращения, точно хорошенько взрыхленную грядку. Он сажал и полол по лунному календарю, как делал бы Джо. Он все делал правильно. Он старался верить.

Он говорил себе, что Джо никогда не было здесь, что он — сплошное воображение. Но теперь, когда Джо ушел, Джей упрямо хотел верить, что все было иначе. Джо действительно был, твердил внутренний голос. На самом деле был, а Джей все изгадил своей злобой и неверием. «Если я смогу его вернуть, — обещал себе Джей, — все переменится». Столь многое осталось незаконченным. Он беспомощно злился на себя. Ему дали второй шанс, а он сдуру его профукал. Он работал в саду каждый день дотемна. Он не сомневался, что Джо вернется. Что он заставит его вернуться.

45

Возможно, из-за постоянных провалов в прошлое Джей все больше времени проводил у реки, где берега резко обрывались вниз. Там он нашел осиное гнездо на земле, под живой изгородью, и, неизменно очарованный, наблюдал за ним, вспоминая лето семьдесят седьмого, и как его покусали, и смех Джилли у берлоги на Дальнем Крае. Он лежал на животе, смотрел, как осы влетают и вылетают из дырки в земле, и воображал, будто слышит, как они движутся под тонкой коркой почвы. Небо над головой было белым и тревожным. Последние «Особые» были такими же тихими и тревожными, как небо. Даже шептаться перестали.

На берегу реки его и нашла Роза. Глаза англичанина были открыты, но он, кажется, ни на что не смотрел. Радио на ветке, нависшей над водой, играло Элвиса Пресли. Под боком у Джея стояла бутылка вина. На этикетке, которую девочка не могла разглядеть издалека, значилось: «Малина 1975». Красный шнурок обвивал горлышко — он-то и привлек ее взгляд. Пока Роза наблюдала,

англичанин потянулся за бутылкой и отпил. Он скорчил рожу, будто вкус был мерзкий, но даже отсюда она услышала аромат того, что он пьет, — внезапную яркую вспышку спелого алого, диких ягод, собранных тайком. Мгновение она изучала его со своего берега. Несмотря на то что ей говорила maman, он казался безобидным. И он — тот человек, что привязывает к деревьям смешные красные мешочки. Интересно, зачем? Поначалу она забирала их из неповиновения, стараясь стереть его со своей картины мира, но со временем полюбила эти маленькие красные фрукты, что висели на качающихся ветках. Ей больше не жалко было делиться с ним своим убежищем. Роза пошевелилась, устроилась поудобнее в высокой траве. Она раздумывала, не перейти ли, но камни брода скрылись под водой после дождей, а прыгать через речку она боялась. Любопытная коричневая козочка неугомонно тыкалась носом в ее рукав. Роза отмахнулась: «Потом, Клопетта, потом». Интересно, англичанин знает про осиное гнездо? В конце концов, оно всего лишь в метре от него.

Джей снова взял бутылку. Он выпил больше половины, и голова уже кружилась, он почти опьянел. Отчасти так казалось из-за неба, капли

дождя зигзагами летели на запрокинутое лицо, точно хлопья сажи. Небо — вечный двигатель.

Запах от бутылки шел все сильнее, кипел и бурлил. Радостный запах, дыхание разгара лета, перезрелых фруктов, вольно висящих на ветках, подогреваемых снизу солнцем, что отражается от известковых камней насыпи. Воспоминание не самое приятное. Возможно, потому что небо навевало мысли о последнем лете в переулке Пог-Хилл, о гибельном противоборстве с Зетом и осиными гнездами, Джилли наблюдает, зачарованная, он припадает рядом к земле. Джилли — вот кому всегда нравилась охота на ос. Без нее он в жизни не осмелился бы приблизиться к осиному гнезду. Эта мысль почему-то его взволновала. «Это вино должно было вернуть меня в семьдесят пятый», — обиженно подумал он. Его тогда сделали. Яркий год, полный обещаний и открытий. По радио крутили «Под парусами». Другие бутылки работали так же. Но на сей раз машина времени скакнула на два года вперед и принесла его сюда, отдалив Джо еще больше. Он вылил остатки вина на землю и закрыл глаза.

Алый смешок со дна бутылки. Джей снова открыл глаза, встревоженный, уверенный, что кто-то за ним наблюдает. Осадок был почти чер-

ным в тусклом дневном свете, черным и липким, как патока, и Джею казалось, будто нечто копошится в горлышке бутылки, словно пытается ускользнуть. Он сел и всмотрелся внимательнее. В бутылку набилось несколько ос, привлеченных сладким запахом. Две еле ползали по горлышку. Еще одна залетела прямо внутрь, чтобы исследовать осадок на дне. Джея передернуло. Осы иногда прячутся в бутылках и банках. Он знал это по тому лету. Укус в рот мучителен и опасен. Осы густо облепили стекло. Сироп склеил их крылышки. Джею показалось, он слышит, как насекомое в бутылке гудит все неистовее, но, может, это звало вино, его резкий, яркий аромат терзал воздух, поднимался столбом алого дыма — знак или предостережение.

Внезапно близость осиного гнезда ужаснула его. Он понял, что слышит насекомых под тонкой коркой земли. Он сел, хотел уйти, но безумие охватило его, и, вместо того чтобы спастись бегством, он подвинулся еще чуточку ближе.

«Как жаль, что Джилли здесь нет…»

Ностальгия обрушилась на него, не успел он понять, что происходит. Она опутала его, как плети ежевики. Быть может, виноват был запах из бутылки, вино, пролитое на землю, пойман-

ный летний запах, хмельной, чрезмерный. Радио мгновение трещало помехами, потом заиграло «Я влюблена». Джей поежился. Это нелепо, сказал он себе. Ему нечего доказывать. Двадцать лет прошло с тех пор, как он в последний раз поджег осиное гнездо. Сейчас это казалось безрассудным, смертельно опасным, на такое способен только ребенок, который понятия не имеет, чем это может кончиться. Кроме того…

Голос — из бутылки, подумал он, хотя, может, это вино продолжало говорить — вкрадчивый, немного насмешливый. Он чуть-чуть походил на голос Джилли, чуть-чуть — на голос Джо. Нетерпеливый, веселый под маской раздражения. «Если бы Джилли была здесь, ты бы не трусил, как зайчишка».

Что-то шевельнулось в высокой траве на том берегу. На мгновение Джей вроде бы увидел ее, размытое ржавое пятно — наверное, волосы, и еще что-то, похожее на полосатую футболку или свитер.

— Роза?

Нет ответа. Она глядела на него из высокой травы, ее зеленые глаза горели любопытством. Теперь, зная, куда смотреть, он видел ее. Где-то невдалеке блеяла козочка.

Казалось, Роза смотрит на него одобрительно, в ожидании даже. Внизу гудели осы — странное дрожжевое жужжание, словно что-то отчаянно бродит под землей. Звук вкупе с ожиданием на лице Розы сломил его сопротивление. Он взорвался весельем, что содрало шелуху лет и снова сделало его четырнадцатилетним, неуязвимым.

— Смотри, — сказал он и пополз к гнезду.

Роза пристально следила. Джей двигался неуклюже, осторожно продвигался к дыре на берегу. Он опустил голову, словно пытаясь обмануть ос, заставить их поверить в его невидимость. Две осы на мгновение опустились на его спину. Девочка следила, как он достает из кармана носовой платок. В другой руке у него была зажигалка, та самая, которую он предлагал Розе у реки. Он осторожно расколупал зажигалку и смочил платок жидкостью. Вытянув руку с платком, подобрался еще ближе к гнезду. Под берегом была еще одна дыра, побольше, — может, бывшая крысиная нора. Вокруг нее налипла ноздреватая грязь. Короткое промедление, выбор цели, и платок засунут в гнездо, кончик болтается как фитиль. Роза по-прежнему следила за ним, он поглядел на нее и усмехнулся.

Банзай!

Наверное, он был пьян. Другого объяснения он позже не мог придумать, но тогда казалось, что он трезв как стеклышко. Тогда казалось, что все правильно. Хорошо. Захватывающе. Забавно, как быстро все вспомнилось. «Бик» зажглась с первого раза. Огонь занялся мгновенно, с внезапной, неправдоподобной свирепостью. Должно быть, в дыре скопилась уйма кислорода. Хорошо. Джей мимолетно пожалел, что не захватил петарды. Секунду или две осы не реагировали, но потом штук шесть вылетели наружу, как раскаленные угли. Джея окатила эйфория, он вскочил на ноги, готовый бежать. Это была первая ошибка. Джилли всегда учила его лежать, найти укрытие с самого начала и припасть к земле, под корнем или за пнем, пока разъяренные осы вылетают. На сей раз Джей слишком увлекся наблюдением за Розой. Осы накатывали чудовищной волной, и он побежал в кусты. Вторая ошибка. Никогда не беги. Движение привлекает их, распаляет. Лучше всего плашмя лежать на земле, прикрывая лицо. Но он запаниковал. Он слышал запах бензина для зажигалок и отвратительный смрад, похожий на вонь горелого ковра. Что-то ужалило его в плечо, и он прихлопнул обидчика. Сразу несколько ос неистово укусили его через футболку в руки, в

плечи, они свистели у виска, как пули, в воздухе потемнело от насекомых, и Джей утратил остатки хладнокровия. Он ругался и охлопывал себя. Очередная оса ужалила его прямо под левый глаз, пронзив лицо острой болью, и он вслепую шагнул вперед, прямо с обрыва в воду. Будь река мельче, он бы сломал себе шею. Но вышло так, что падение спасло его. Он ударился животом, ушел с головой под воду, заорал, наглотался речной воды, вынырнул, снова ушел под воду, направился к дальнему берегу и через минуту оказался в нескольких ярдах ниже по течению, в футболке, покрытой бородавками захлебнувшихся ос.

Огонь, разведенный под гнездом, уже погас. Джея вырвало речной водой. Он кашлял, дрожал и ругался. Четырнадцать лет казались в сотне парсеков отсюда. И кажется, Джилли смеялась на далеком островке времени.

На этой стороне реки было неглубоко, он выбрался на берег и рухнул на четвереньки в траву. Руки и плечи успели опухнуть от десятков жал, один глаз заплыл, как у боксера. Он чувствовал себя как недельный труп.

Постепенно до него дошло, что Роза наблюдает за ним со своего поста вверх по течению. Она мудро отступила вглубь, чтобы не связываться с

разъяренными осами, но он все равно видел ее, примостившуюся на верхней перекладине ворот, рядом с драконьей головой. Она смотрела с любопытством, но не тревожилась. У ног ее козочка щипала траву.

— Никогда больше, — выдохнул Джей. — Боже, никогда больше.

Он как раз подумывал встать, когда услышал шаги в винограднике за забором. Поднял глаза и увидел Маризу д'Апи, которая, задыхаясь, метнулась к калитке и подхватила Розу. Ей понадобилось несколько секунд, чтобы осознать его присутствие, потому что они с Розой немедленно принялись торопливо жестикулировать. Джей попытался встать, поскользнулся, улыбнулся и неопределенно взмахнул рукой, будто следование правилам деревенского этикета могло неким образом заставить ее закрыть глаза на все остальное. Внезапно он очень остро ощутил свой заплывший глаз, мокрую одежду, грязные джинсы.

— Несчастный случай, — объяснил он.

Мариза взглянула на осиное гнездо на берегу. Остатки обуглившегося носового платка торчали из дыры, и даже на этом берегу тянуло бензином для зажигалок. Тот еще несчастный случай.

— Сколько раз вас ужалили?

Ему впервые почудилось веселье в ее голосе. Джей мельком осмотрел руки и плечи.

— Не знаю. Я… не знал, что они вылетят так быстро.

Он видел, что она смотрит на бутылку из-под вина и делает выводы.

— Вы аллергик?

— Вряд ли.

Джей снова попытался встать, поскользнулся и упал на мокрую траву. Его тошнило, кружилась голова. Мертвые осы цеплялись за одежду. Казалось, Мариза напугана — и вот-вот рассмеется.

— Идемте со мной, — наконец сказала она. — В доме есть антидот. Иногда яд действует не сразу.

Джей осторожно вскарабкался по склону к изгороди. Роза спешила за ним, по пятам за ней семенила козочка. На полпути к дому Джей почувствовал, как маленькая холодная ладошка скользнула в его ладонь; опустив глаза, он увидел, что девочка улыбается.

Дом был больше, чем казалось с дороги, — перестроенная конюшня с низкой крышей и высокими узкими окнами. Посередине передней стены на уровне второго этажа одиноко маячила дверь закутка, где когда-то хранились тюки

сена. У хозяйственной постройки стоял старый трактор. Рядом с домом был опрятный огород, небольшой садик — двадцать ухоженных яблонь — в глубине, а сбоку поленница, где корды[101] аккуратно сложенных дров были готовы к зиме. Две или три коричневые козочки кокетливо скакали по дорожкам виноградника. Джей шел за Маризой по разбитой тропе между рядами лоз, и Мариза протянула руку, чтобы его поддержать, когда они подошли к калитке, хотя он чувствовал, что она больше беспокоится не о нем, а о лозах, которые он мог неуклюже попортить.

— Туда, — коротко сказала она, показывая на дверь кухни. — Садитесь. Принесу антидот.

На кухне было светло и чисто, полка с каменными кувшинами над фарфоровой раковиной, длинный дубовый стол, совсем как тот, что на его ферме, и огромная черная плита. Пучки трав свисали с низких балок над камином: розмарин, шалфей и болотная мята. Роза сходила в кладовую, принесла лимонада, налила себе стакан и села за стол, разглядывая Джея.

— Tu as mal?[102] — спросила она. Он взглянул

---

[101] Примечания: 101
Мера дров, равная 3,63 кубометра.

[102] Примечания: 102
Тебе больно? *(фр.)*

на нее.

— Так ты умеешь говорить!

Роза озорно улыбнулась.

— Можно?

Джей показал на лимонад, и она подвинула стакан по столу к нему. Значит, сказал он себе, она умеет читать по губам, а не только говорить на языке жестов. Интересно, Мирей в курсе? Почему-то ему казалось, что нет. Голос Розы был детским, но ровным, без обычных для глухих скачков тона. Лимонад оказался домашним и вкусным.

— Спасибо.

Мариза вошла в кухню с антидотом и подозрительно глянула на гостя. В руке у нее был одноразовый шприц.

— Это адреналин. Я была медсестрой.

Чуть-чуть помедлив, Джей протянул руку и закрыл глаза.

— Вот и все.

Локоть немного жгло. Мгновение кружилась голова, потом все прошло. Мариза смотрела на него довольно весело.

— Хиловаты вы для любителя пошутить с осами.

— Не совсем, — запротестовал Джей, потирая руку.

— Кто так себя ведет, того непременно укусят. Вы еще легко отделались.

Он понимал, что она права, но телу так не казалось. Голова до сих пор раскалывалась. Левый глаз туго заплыл и посинел. Мариза подошла к буфету и достала банку с белым порошком. Насыпала в чашку, добавила воды и размешала ложкой. Протянула чашку Джею.

— Питьевая сода, — пояснила она. — Намажьте на укусы.

Помощи не предложила. Джей последовал ее совету, чувствуя себя довольно глупо. Совсем не так представлял он себе их встречу. О чем ей и сообщил.

Мариза пожала плечами и снова повернулась к буфету. Джей наблюдал, как она сыплет макароны в кастрюлю, добавляет воду и соль, осторожно ставит кастрюлю на конфорку.

— Я должна покормить Розу обедом, — объяснила она. — Сидите, сколько нужно.

Несмотря на ее слова, Джей отчетливо понимал: она хочет, чтобы он убрался из ее кухни как можно скорее. Он боролся с питьевой содой, пытаясь добраться до укусов на спине. Коричневая козочка просунула голову в дверь и заблеяла.

— Clopette, non! Pas dans la cuisine![103]

Роза вскочила с места и прогнала козочку. Мариза глянула на дочь яростно, предостерегая, и девочка покорно прижала руку ко рту. Джей озадаченно посмотрел на хозяйку. Почему Мариза не хочет, чтобы дочка говорила при нем? Она показала на стол, попросив Розу накрыть. Роза достала из буфета три тарелки. Мариза снова покачала головой. Девочка неохотно убрала одну тарелку.

— Спасибо за первую помощь, — осторожно сказал Джей.

Мариза кивнула, деятельно кроша помидоры для соуса. В ящике за окном рос базилик, и она добавила горсть.

— У вас милая ферма.

— Неужели?

В ее голосе ему почудилось напряжение.

— Я вовсе не собираюсь ее покупать, — быстро добавил Джей. — Я только говорю, что это милая ферма. Симпатичная. Неиспорченная.

Мариза повернулась и посмотрела на него.

— В смысле? — Ее лицо излучало подозрения. — В смысле покупки? Вы с кем-то говорили?

---

[103] Примечания: 103
Клопетта, нет! Вон из кухни! *(фр.)*

— Нет! — возмутился он. — Я просто искал тему для разговора. Клянусь…

— Не стоит, — сухо сказала она. Мимолетная теплота, которую Джей разглядел в ней, исчезла. — Не лгите. Я знаю, вы говорили с Клермоном. Я видела его фургон у вашего дома. Я уверена, он подкинул вам целую кучу идей.

— Идей?

Она рассмеялась.

— Да ладно, знаю я вас, мсье Макинтош. Шастаете, вопросы задаете. Сперва покупаете старое шато Фудуин, теперь расспрашиваете о земле вниз по реке. Что вы планируете? Выходные шале? Спортивный комплекс, как в Ле-Пино? Или что-нибудь поинтереснее?

Джей покачал головой.

— Вы неправильно поняли. Я писатель. Я приехал закончить книгу. Вот и все.

Она цинично смотрела него. Глаза — точно лазеры.

— Я не хочу, чтобы Ланскне превратился в Ле-Пино, — настаивал он. — Я сказал это Клермону с самого начала. Вы видели его фургон только потому, что он привозит на ферму brocante; он вбил себе в голову, что я без ума от мусора.

Мариза принялась ссыпать нарезанный лук-

шалот в соус для макарон, явно не убежденная; впрочем, Джею показалось, что ее напряженная спина расслабилась, совсем чуть-чуть.

— Я задаю вопросы, — объяснил он, — только потому, что я писатель; я любопытен. Я годами был в тупике, но когда приехал в Ланскне… — Он едва понимал, что говорит, его глаза сверлили изгиб ее спины под мужской рубашкой. — Здесь словно воздух другой. Я пишу как сумасшедший. Я все бросил, чтобы быть здесь…

Она обернулась — в одной руке красная луковица, в другой нож.

Он настойчиво повторил:

— Обещаю, что не буду ничего строить. Ради Христа, я сижу у вас в кухне, промокший до нитки и перемазанный питьевой содой. Я что, похож на дельца?

Она секунду подумала.

— Может, и нет, — наконец сказала она.

— Я купил дом с бухты-барахты. Я даже не знал, что вы… Я не думал, что вы… Я редко что-то делаю с бухты-барахты, — сбивчиво закончил он.

— Верится с трудом, — улыбаясь, отметила Мариза. — Вы же нарочно разворошили осиное гнездо.

Она улыбалась самым краешком рта, балла на

два по десятибалльной шкале, но все же улыбалась.

После этого они разговорились. Джей рассказал ей о Лондоне, о Керри, о «Пьяблочном Джо». Он рассказал о розарии и огороде у дома. Конечно, он умолчал о мистическом явлении Джо и последующем его исчезновении, и о шести бутылках, и о том, как она, Мариза, просочилась в его новую книгу. Он не хотел показаться ей психом.

Она приготовила обед — макароны с фасолью — и пригласила его присоединиться. Потом они пили кофе и арманьяк. Она разрешила ему переодеться в комбинезон Тони, пока Роза играла на улице с Клопеттой. Джею показалось странным, что она назвала Тони «отцом Розы», а не «моим мужем», но возникшая между ними связь была слишком свежей, слишком непрочной — не стоит рисковать, задавая вопросы. Когда — если — она захочет поговорить о Тони, она сама выберет время.

Пока же о ней было известно немного. Отчаянная независимость, нежность к дочери, гордость работой, домом, землей. Улыбка, горькая на вид, но сладкая изнутри. Молчаливое внимание, скупые движения, изобличающие живой ум, за практичностью — случайные проблески язви-

тельного юмора. Вспоминая их первую встречу, его былые предположения, то, как он слушал и наполовину верил мнениям таких людей, как Каро Клермон и Мирей Фэзанд, он горел от стыда. Героиня его романа — непредсказуемая, опасная и, возможно, безумная — не имела ничего общего с этой тихой, спокойной женщиной. Он позволил воображению забежать далеко вперед истины. Он смущенно пил кофе и обещал себе не лезть больше в ее дела. Ее жизнь и его выдумки никак не связаны.

Лишь позже, намного позже тревога вновь подняла голову. Да, Мариза очаровательна. И умна, если судить по тому, как она позволила ему говорить о себе, но ни разу не упомянула о собственном прошлом. К вечеру она знала о нем все. И все же что-то осталось недосказанным. Что-то насчет Розы. Он подумал о Розе. Мирей не сомневалась, что с ребенком плохо обращаются, но Джей не видел тому подтверждений. Напротив, невозможно не увидеть любовь матери и дочери. Джей вспомнил, как встретил их у изгороди. Их безмолвное взаимопонимание. Безмолвное. Вот оно. Но Роза может говорить, легко и непринужденно. Как она прикрикнула на козочку — мгновенная, эмоциональная вспышка.

«Clopette, non! Pas dans la cuisine!» Будто она постоянно говорит с козочкой. И как Мариза глянула на нее, словно предостерегая: «молчи».

Почему она предостерегла дочь? Он думал об этом снова и снова. Быть может, Мариза не хотела, чтобы он нечто услышал? И девочка — разве она не сидела спиной к двери, когда козочка вошла?

Тогда как же она узнала, что козочка в кухне?

46

Дальний Край, лето 1977 года

Оставив Джилли, Джей посидел у моста, злой, виноватый, уверенный, что она за ним придет. Когда она не появилась, он улегся в мокрую траву, наслаждаясь горькими запахами земли и травы, и смотрел в небо, пока голова не закружилась от мороси. Он замерз, поэтому встал и отправился обратно в Пог-Хилл по бывшему железнодорожному полотну, то и дело останавливаясь осмотреть всякий мусор, больше по привычке, чем из настоящего интереса. Он так погрузился в раздумья, что не услышал и не увидел четверых, молча вынырнувших из-за деревьев за его спиной и пустившихся цепочкой в погоню.

Когда он заметил, было уже поздно. Гленда с двумя подружками: тощей блондиночкой — Карен, что ли? — и девочкой помладше, Полой — или Пэтти? — лет десяти-одиннадцати, с проколотыми ушами и некрасивым надутым ртом. Они шли ему наперерез, Гленда с одного боку, Карен и Пола с другого. Лица их блестели от дождя и усердия. Гленда смотрела на него в упор

через дорожку — ее глаза сверкали. Мгновение она казалась почти симпатичной.

Хуже всего, что с ней был Зет.

Секунду или две Джей не шевелился. Девчонок бояться нечего. Он их уже обходил, обманывал и обводил вокруг пальца, к тому же их только три. Они — привычная часть пейзажа, как карьер или каменистая осыпь над шлюзом; природная опасность, как осы: с ними следует обращаться осторожно, но бояться не стоит. Зет — совсем другое дело.

На нем была футболка «Статус Кво»[104] с закатанными рукавами. Из одного торчала пачка «Уинстона». Длинные волосы обрамляли тонкое, хитрое лицо. Прыщи исчезли, оставив глубокие рубцы на щеках — шрамы инициации, канавки для крокодиловых слез. Зет усмехался.

— Ты к моей сеструхе цеплялся?

Джей побежал прежде, чем Зет договорил. Джея загнали в угол в худшем из возможных мест; высоко над каналом и его многочисленными тайниками прямое, открытое полотно лежало перед ним, как пустыня. Кусты по сторонам слишком густые — не продерешься, слишком низкие — негде

---

[104] Примечания: 104
«Status Quo», британская рок-группа.

спрятаться. Глубокая канава и ширма кустарника отрезала его от соседних домов. Кроссовки опасно скользили по гравию. Гленда с подружками впереди, Зет — в шаге позади. Джей выбрал меньшее из зол, увернувшись от двух девчонок и бросившись прямо на Гленду. Она прибавила шагу, чтобы перехватить его, вытянула мясистые руки, словно пытаясь поймать большой мяч, но он со всей силы пихнул ее, отодвинул плечом, как игрок в американский футбол, и с грохотом понесся по освободившимся заброшенным путям. Он слышал, как Гленда воет за спиной. Голос Зета преследовал его, зловеще близкий:

— Сраный ублюдок!

Джей не оборачивался. В четверти мили от Пог-Хилла — железнодорожный мост и выемка, где тропинка спускается на улицу. Там будут и другие тропинки к обрыву и пустырю за ним. Если бы только успеть… Мост недалеко. Он младше Зета и легче. Он может убежать. У моста будет где спрятаться.

Он оглянулся через плечо. Разрыв увеличивался. Их разделяло тридцать или сорок ярдов. Гленда встала и побежала, но, несмотря на ее габариты, Джей ее не боялся. Она уже, похоже, запыхалась, ее огромные сиськи нелепо под-

прыгивали под туго натянутой футболкой. Зет довольно медленно трусил подле нее, но внезапно грозно рванул — руки его ходили ходуном, гравий свирепо взлетал вокруг лодыжек.

У Джея закружилась голова, в груди пекло. Он видел мост, аккурат за поворотом, и тополя, отмечавшие заброшенные стрелки. Пятьсот ярдов — и все.

Амулет Джо по-прежнему лежал в кармане. Джей на бегу чувствовал его бедром и смутно радовался, что взял его с собой. А ведь легко мог забыть. Он слишком занят был в то лето, слишком растерян, чтобы постоянно думать о волшебстве. Оставалось надеяться, что амулет еще действует.

Он добрался до моста, где проход расширялся, и задумался, где бы спрятаться. Обрывистая тропинка над головой, ведущая к дороге, — слишком рискованно. Джей задыхался, а до спасительной дороги по тропинке петлять еще футов пятьдесят. Он зажал амулет Джо в кулаке и направился совсем в другую сторону, чего от него не ожидали, — под мост и дальше, к переулку Пог-Хилл. Под сводом клубился спелый кипрей, и Джей нырнул в него, голова пульсировала, сердце сжималось от мрачного возбуждения. Спасен.

Из укрытия он слышал голоса: Зета — совсем

рядом, Гленды — подальше, хриплый, рикошетящий по пустому месту между мостом и выемкой.

— Де этот урод?

Он слышал голос Зета за мостом, представлял, как Зет изучает тропинку, прикидывает расстояние. Джей съежился под качающимися белыми головками кипрея.

Голос Гленды, запыхавшийся после бега:

— Ты его потерял, придурок!

— Ни фига. Он где-то здесь. Далеко ему не уйти.

Шли минуты. Джей цеплялся за амулет, пока они осматривали окрестности. Амулет Джо. Раньше он действовал. Когда-то Джей не вполне верил в него, но теперь-то верит. Он верит в волшебство. Он искренне верит в волшебство. Раздался хруст — кто-то забрался на гору мусора, скопившуюся под мостом. Шаги по гравию. Но он в безопасности. Он невидим. Он верит.

— Вот он!

Это десятилетка, Пола или Пэтти, стоит по пояс в пене сорняков.

— Давай, Зет, держи его! Держи!

Джей начал отступать к стене, облака белых семян взмывали в воздух с каждым шагом. Амулет безвольно раскачивался в пальцах. Гленда и Карен завернули под мост, лица потные. Сразу

за мостом — глубокая канава, заросшая зрелой крапивой. Это не выход. Потом Зет вышел из-под моста, схватил Джея за руку, притянул к себе за плечи дружелюбным, безапелляционным приветственным жестом и улыбнулся:

— Попался. Волшебство кончилось.

Джей не любит вспоминать, что было потом. Окружил старательным молчанием, как некоторые сны. Сперва с него содрали футболку, криками и пинками загнали в канаву, где цвела крапива. Он пытался выбраться, но Зет заталкивал его обратно, крапива оставляла следы, которые будут зудеть и болеть еще много дней. Джей закрыл лицо руками, отстраненно думая: «Почему с Клинтом такого не случалось?», а потом кто-то схватил его за волосы, и голос Зета сказал, нежно, очень нежно:

— Теперь моя очередь, козел вонючий.

В своих рассказах Джей дал бы сдачи. Но он не дал. Он должен был хотя бы оказать сопротивление, продемонстрировать отчаянное нахальство. Как все его герои.

Джей не был героем.

Он заверещал еще до первого удара. Возможно, потому и уберегся от серьезных побоев. Могло быть и хуже, позже думал он, оценивая ущерб.

Расквашенный нос, пара синяков, колени джинсов продраны, когда его тащили по полотну. Сломались только часы. Позже он осознал: кое-что поважнее и посерьезнее часов или даже кости сломалось в тот день. Это как-то связано с верой, смутно думал он. Что-то внутри сломалось, и уже не починишь.

Как сказал бы Джо, искусство ушло.

Матери Джей соврал, что упал с велосипеда. Правдоподобная ложь — по крайней мере, достаточно правдоподобная, чтобы объяснить порванные джинсы и расквашенный нос. Мать суетилась меньше, чем опасался Джей, всех больше интересовал вечерний повтор «Голубых Гавайев»[105], части посмертной теледани Элвису.

Джей медленно убрал велосипед. Сделал сэндвич, достал банку колы из холодильника, ушел в свою комнату и включил радио. Все казалось обманчиво нормальным, словно Джилли, Зет и Пог-Хилл остались в далеком прошлом. «Стрэнглерз» играли «Распрямиться».

Джей с матерью уехали в те выходные. Он не попрощался.

---

[105] Примечания: 105

«Голубые Гавайи» — музыкальный фильм 1961 г. с Элвисом Пресли в главной роли.

47

Ланскне, май 1999 года

Джей работал в саду, когда явилась Попотта с почтой. Маленькая, круглая жеманная девица в алом свитерке. Свой древний велосипед она всегда оставляла у обочины и дальше шла по тропинке.

— Эй, мсье Джей, — вздохнула она, протягивая пачку писем. — Ну почему вы живете так далеко от дороги! Моя tournée[106] всегда на полчаса длиннее, когда вам что-нибудь приходит. Я каждый раз по десять кило сбрасываю, пока сюда дойду. Сколько можно! Повесьте почтовый ящик!

Джей усмехнулся.

— Зайдите, у меня есть свежие chaussons aux pommes[107] Пуату. Кофе на плите. Я как раз собирался пить.

Попотта воззрилась на него сурово, насколько позволяло ее веселое личико.

---

[106] Примечания: 106
Служебная поездка, объезд *(фр.)*.

[107] Примечания: 107
Яблочное слоеное пирожное *(фр.)*.

— Хотите меня подкупить, Rosbif?

— Нет, madame, — ухмыльнулся он. — Всего лишь запутать.

Она засмеялась.

— Ну разве что штучку. Мне нужны калории.

Пока она ела пирожные, Джей открывал письма.

Счет за электричество; анкета из муниципалитета Ажена; маленький плоский пакет, завернутый в коричневую бумагу, подписанный мелким, аккуратным, смутно знакомым почерком.

Обратным адресом стоял Керби-Монктон.

Руки Джея задрожали.

— Надеюсь, там не одни счета, — сказала Попотта, прикончив пирожное и взяв второе. — Охота была выбиваться из сил, чтоб приносить вам дурные вести.

Джей с трудом открыл пакет.

Ему пришлось дважды останавливаться, чтобы унять дрожь в руках. Оберточная бумага толстая, для жесткости проложена куском картона. Записки внутри не оказалось. Лишь кусок желтой бумаги, старательно обернутый вокруг горстки крошечных черных семян. Единственное слово было нацарапано карандашом на бумаге.

«Особые».

— Что такое? — забеспокоилась Попотта. Наверное, он выглядел странно: в одной руке семена, в другой бумага, рот открыт.

— Да просто семена, которые я ждал из Англии, — с усилием ответил Джей. — Я… я забыл.

Голова кружилась от догадок. Джей был поражен, ошеломлен грандиозностью этого крошечного пакета. Он глотнул кофе, затем разложил семена на желтой бумаге и изучил их.

— С виду ничего особенного, — заметила Попотта.

— Да уж, ничего.

Их была от силы сотня, едва довольно, чтоб покрыть его ладонь.

— Ради Христа, не вздумай чихнуть, — сказал Джо из-за спины, и Джей едва не уронил все.

Старик стоял возле кухонного буфета, невозмутимый, будто никуда и не уходил, в невероятных хлопчатобумажных шортах в полоску и спрингстиновской футболке «Рожденные бежать», а также в шахтерских ботинках и кепке. Он казался совершенно реальным, но Попотта даже не моргнула, хотя, казалось, смотрела прямо на него. Джо усмехнулся и прижал палец к губам.

— Не суетись, сынок, — добродушно посоветовал он. — Пожалуй, схожу на сад гляну пока.

Джей беспомощно наблюдал, как старик фланирует из кухни в сад, и боролся с почти неодолимым желанием рвануть за ним. Попотта отставила кофейную кружку и глянула на него.

— Вы сегодня варили варенье, мсье Джей?

Он покачал головой. Через кухонное окно он видел, как за ее спиной Джо склонился над самодельным парником.

— Хм. — Попотта продолжала подозрительно нюхать воздух. — А вроде как пахнет сладким. Смородиной. Жженым сахаром.

Так значит, она тоже чует его присутствие. Переулок Пог-Хилл вечно пах дрожжами, фруктами и карамелью, даже когда Джо не делал вина. Этот запах пропитал ковры, занавески, дерево. Он преследовал Джея, цеплялся за одежду и даже забивал сигаретную вонь, так часто его окружавшую.

— Мне правда пора за работу, — сказал Джей, стараясь говорить спокойно. — Надо посадить их в землю как можно скорее.

— Да ну? — Она вновь уставилась на семена. — Что-то особое, а?

— В точку, — согласился он. — Что-то особое.

48

Пог-Хилл, осень 1977 года

В сентябре лучше не стало. Элвис вернулся в хитпарады с «Дорогой вниз». Джей апатично занимался — через год выпускные экзамены. Казалось, все снова нормально. Но ощущение гибели не исчезало — напротив, оно обострилось, когда вернулись серые будни. Писем не было ни от Джо, ни от Джилли, что удивляло Джея, хотя что тут удивительного, ведь он покинул Керби-Монктон, ни с кем не попрощавшись. Его мать засекли фотографы «Сан», когда она выходила из ночного клуба в Сохо под ручку с двадцатичетырехлетним инструктором по фитнесу. Марк Болан[108] погиб в автокатастрофе, затем, всего через пару недель, Ронни ван Зант и Стив Гейне из «Линирд Скинирд»[109] разбились на самолете. Казалось, всё и вся вокруг умирает, распадается. Но больше никто этого не замечал. Его друзья

---

[108] Примечания: 108
Британский глэм-рок-гитарист и певец.

[109] Примечания: 109
«Lynyrd Skynyrd», американская блюз-рок-группа.

смолили недозволенные сигареты и сбегали в киношку после уроков. Джей смотрел на них свысока. Он почти бросил курить. Курение казалось таким бессмысленным, почти ребяческим. Пропасть между ним и его одноклассниками ширилась. Бывали дни, когда он чувствовал себя на десять лет старше.

Настала Ночь Гая Фокса. Однокашники жгли костер и жарили картошку во внутреннем дворе. Джей остался в спальне и смотрел издали. Воздух пах горько и тоскливо. Ливень искр взмывал из костра в дым и ясное небо. Пахло раскаленным жиром и горелой бумагой петард. Впервые он осознал, как скучает по Джо.

В декабре он сбежал.

Он взял куртку и спальник, радио и немного денег, запихал все это в спортивную сумку. Подделал отпускной билет и свалил из школы сразу после завтрака, чтобы хватило времени забраться как можно дальше. Поймал попутку от города до автострады, потом еще одну, по Ml к Шеффилду. Он точно знал, куда едет.

Через два дня Джей был в Керби-Монктон. Сойдя с автострады, он в основном шел пешком, срезал через поля и забрался выше, на вересковые пустоши. Он спал на автобусной остановке, пока

не подъехала патрульная машина, потом оробел и больше не смел прерываться, опасаясь, что его заметут. Было холодно, но бесснежно, небо низко провисло, и Джей натянул всю запасную одежду, но так и не согрелся. Ноги покрылись волдырями, ботинки отяжелели от налипшей грязи, но всю дорогу Джей цеплялся за воспоминания о переулке Пог-Хилл, за знание, что Джо ждет его там. Дом Джо с теплой кухней и запахом горячего варенья и высушенных в духовке яблок, и радио играет на подоконнике над помидорной рассадой.

Он дошел ближе к вечеру. Заставил себя пройти несколько последних футов до тылов переулка Пог-Хилл, перекинул спортивную сумку через забор, вслед плюхнулся сам. Во дворе никого не было.

Участок казался голым, заброшенным. Джо явно хорошо поработал над маскировкой. Даже со двора казалось, что никто тут не жил месяцами. Сорняки поднялись между плитками и умерли от мороза, посеребренные инеем. Окна были заколочены. Дверь заперта.

— Джо! — Он постучал в дверь. — Джо! Открывай, ну же!

Молчание. Дом выглядел слепым, бесстрастным под зимним покрывалом. Под кулаками

Джея дверная ручка бессмысленно болталась. Собственный голос вернулся к нему изнутри, слабое эхо в пустом доме.

— Джо!

— Там никого нету, сынок.

Старуха смотрела на него через стену, черные глаза блестели под желтым платком. Джей смутно узнал ее: частая гостья в то первое лето, иногда она пекла клубничные пироги и приносила их Джо в обмен на фрукты и овощи.

— Миссис Симмондс?

— Она самая. Ты мистера Кокса ищешь, а?

Джей кивнул.

— Так он уехал. Мы думали, он помер, но наша Дженис говорит, он просто подхватился и уехал. Подхватился и уехал, — повторила она. — Ты его тут не найдешь.

Джей уставился на нее. Не может быть. Джо не уехал. Джо обещал…

— Знаешь, конец переулку Пог-Хилл. — У миссис Симмондс чесался язык. — Собираются понастроить тут шикарных квартир. Да уж, капелька шика не помешает после всего, что мы пережили.

Джей не обращал на нее внимания.

— Джо, я знаю, что ты там! Выходи! Выходи,

твою мать!

— Придержи язык, — возмутилась миссис Симмондс.

— Джо! Джо! Открывай! Джо!

— А ну, потише, сынок, а то полицию вызову.

Джей примирительно раскинул руки.

— Ладно. Ладно. Извините. Уже ухожу. Извините.

Он подождал, пока она уйдет. Затем прокрался обратно и обошел дом, по-прежнему не сомневаясь, что Джо где-то рядом — злится, наверное, и ждет, пока паренек сдастся и свалит. В конце концов, однажды он уже обманулся. Он обыскал заросший огород, ожидая увидеть, как Джо инспектирует деревья или возится в оранжерее в сигнальной будке; в последнее время здесь явно никого не было, кроме него самого. И лишь когда понял, что именно исчезло, истина ошеломила его. Ни единой руны, ни ленточки, ни знака, нацарапанного на дереве или камне. Красные саше исчезли с оранжереи, со стены, с веток. Старательно выложенные на дорожках узоры из щебня разметаны, превратились в бессмысленный мусор. Лунные календари, прибитые к стенам сарая и оранжереи, арканы таро, приклеенные скотчем к веткам, — все символы, что разместил

Джо, окончательное решение его проблем, исчезли. Парники обрушились, и растениям внутри пришлось самим о себе позаботиться. Фрукты в саду сбило ветром, серовато-коричневые, они наполовину вплавились в твердую землю. Сотни фруктов. Груши, яблоки, сливы, вишни. Лишь тогда Джей по-настоящему поверил. Когда увидел эти фрукты. Джо уехал.

Задняя дверь была закрыта неплотно. Джей умудрился подцепить ее, открыть и влезть в пустой дом. Пахло разложением, точно фрукты оставили гнить в погребе. На кухне помидоры чудовищно вымахали в темноте, хрупкие побеги дотянулись до узкой полоски света у окна, а затем умерли от растяжения и жажды и рухнули на раковину. Джо бросил все как попало: чайник на конфорке, коробка для печенья — еще с печеньем, черствым, но съедобным, — куртка на вешалке у двери. Электричества в погребе не было, но дневного света, сочившегося из кухни, хватало, чтобы разглядеть ряды бутылок, банок и оплетенных бутылей, ровно выстроившихся на полках и мерцавших, как затонувшие сокровища в подводном полумраке.

Джей обыскал дом. Почти ничего не нашел; пожитков у Джо было не так уж много, и, на-

сколько Джей мог судить, старик почти ничего не взял. Пропали старая сумка для инструментов, «Травник» Калпепера и несколько одежек — в частности, шахтерские кепка и ботинки. Комод с семенами по-прежнему стоял у кровати, но Джей обнаружил, что содержимое исчезло. Семена, корешки, пакеты, конверты и аккуратно подписанные фунтики мятой коричневой бумаги словно испарились. В комоде осталась только пыль.

Куда бы Джо ни уехал, он забрал семена с собой.

Но куда он уехал? Карты по-прежнему висели на стенах, подписанные и помеченные мелким старательным почерком Джо, но ничем не намекали, куда он мог отправиться. Многочисленные маршруты не складывались в определенный узор, цветные линии соединялись в десятках разных точек: Бразилия, Непал, Гаити, Французская Гвиана. Джей заглянул под кровать, но нашел лишь картонную коробку старых журналов. Вытащил их. Джо никогда особо не увлекался чтением, не считая «Травника» Калпепера и случайных газет. Джей редко заставал его за чтением, а если и заставал, то видел, как Джо, хмурясь, медленно водит пальцем по строчкам

с видом человека, бросившего школу в четырнадцать лет. А эти журналы были старыми, выцветшими, но их аккуратно уложили в коробку и прикрыли куском картона, чтобы уберечь от пыли. Даты на обложках были откровением: 1947, 1949, 1951, 1964… Старые журналы с обложками, окрашенными в неизменные, знакомые желтый и черный. Старые номера «Нэшнл джиографик».

Джей несколько минут сидел на полу и переворачивал хрустящие от времени страницы. Было что-то успокаивающее в этих журналах, словно простое прикосновение к ним приближало Джо. Вот они, места, где Джо побывал, люди, среди которых Джо жил, — своего рода сувениры долгих лет на дороге.

Французская Гвиана, Египет, Бразилия, Южная Африка, Новая Гвинея. Некогда яркие обложки бок о бок ложились на пыльный пол. Джей видел, что некоторые абзацы помечены карандашом, другие прокомментированы. Гаити, Южная Америка, Турция, Антарктида. Вот они, его путешествия, многолетние маршруты его бродяжничества. Каждый датирован, подписан, зашифрован разными цветами. Датирован и подписан.

Холодный язык подозрения лизнул его по

спине.

Сперва медленно, затем быстрее листая страницы с растущей кошмарной уверенностью, Джей начал понимать. Карты. Анекдоты. Старые номера «Нэшнл джиографик», вышедшие сразу после войны…

Он таращился на журналы, стараясь придумать другую причину, все объяснить иначе. Но объяснение было только одно.

Не было никаких скитаний. Джо Кокс был шахтером, всегда был шахтером, с того дня, как покинул школу, и до ухода на покой. Когда шахту на Дальнем Крае закрыли, он перебрался в муниципальную лачугу в переулке Пог-Хилл, жил на шахтерскую пенсию — а может, и на пенсию по инвалидности, раз левая рука изувечена, — и мечтал о путешествиях. Весь его опыт, его анекдоты, его приключения, промахи, хулиганские выходки, гаитянские леди, странствующие цыгане — все они родом из этой стопки старых журналов, все они так же фальшивы, как и его волшебство, его любительская алхимия, его драгоценные семена, вне всякого сомнения купленные у других садоводов или выписанные по почте, пока он плел свои выдумки — свою ложь — в одиночестве.

Ложь. Все ложь. Фальшь и ложь.

Внезапно Джея охватил дикий, неразумный гнев. Вся боль и смятение последних месяцев: уход Джилли и предательство Джо; родители, он сам, его школа; Зет; Гленда и ее шайка; осы; его злость на все на свете — на мгновение слились в единый всплеск боли и ярости. Он разбросал журналы по полу, пиная и давя страницы. Он оторвал обложки, втоптал картинки в грязь и пыль. Содрал карты со стен. Перевернул пустой комод для семян. Сбежал в погреб и уничтожил все, что нашел: бутылки, банки, фрукты и спирты. Под его ногами хрустело битое стекло.

Как мог Джо лгать?

Как он мог?

Джей забыл, что это он сбежал, это он потерял веру. Обман Джо — вот и все, о чем он мог думать. Кроме того, он ведь вернулся? Он вернулся. Но если здесь и было волшебство, оно давно ушло.

Спина болела — должно быть, потянул, когда бушевал в погребе, — и он вернулся в кухню, вялый и бесполезный. Он порезал руку осколком стекла. Попытался смыть кровь в раковине, но воду уже отключили. И лишь тогда заметил конверт.

Конверт был аккуратно прислонен к сушилке

у окна, рядом с высохшим куском дегтярного мыла. Имя Джея было написано на конверте мелкими, шаткими прописными буквами. Слишком большой для обычного письма, конверт казался разбухшим, как небольшой пакет. Джей неуклюже его разорвал: может, вот оно, Джо все-таки его не забыл; это наверняка какое-то объяснение, знак… Амулет.

Письма в конверте не оказалось. Он проверил дважды, но в нем даже полоски бумаги не было. Зато был пакетик — Джей опознал один из пакетиков Джо с семенами из комода, блекло подписанный красным карандашом. «Особые».

Джей оторвал уголок. Внутри лежали семена, крошечные, похожие на черных мошек семена, штук сто, а то и больше, он катал их в неловких пальцах и пытался понять. Ни записки. Ни письма. Ни инструкций. Просто семена.

Что он должен с ними сделать? Злоба снова захлестнула его. Посадить их в своем саду? Вырастить волшебный боб и взобраться по нему в Волшебную страну? Он яростно хохотнул. Что именно он должен с ними сделать?

Семена бессмысленно катались в его пальцах. Злые слезы брызнули из глаз, Джей горько засмеялся.

Он вышел на улицу и забрался на заднюю стену. Разорвал пакетик, выпустил семена над выемкой, и они черными мошками закружились на влажном зимнем ветру. Разорванный на клочки конверт полетел следом. Джей кисло торжествовал.

Позже он подумал, что, может, зря, может, в этих семенах все-таки было волшебство, но было уже поздно. Что бы Джо ему ни оставил, Джей этого не нашел.

49

Ланскне, лето 1999 года

Июнь вплыл, как корабль на надутых голубых парусах. Хорошо писать — книга Джея удлинилась еще на пятьдесят страниц, — но еще лучше работать в саду, высаживать рассаду в разрыхленную почву, прореживать картофель, чтобы рос ровными рядами, или полоть, срывать плети сныти и подмаренника со смородиновых кустов, или вынимать клубнику и малину из зеленых гнездышек, чтобы варить варенье. Это особенно нравилось Джо.

— Нет ничего лучше, чем собирать свои фрукты в своем саду, — заметил он, сжимая зубами окурок.

Клубники в этом году была прорва — три ряда по пятьдесят метров, хватило бы на продажу, взбреди Джею такое в голову, — но деньги его не интересовали. Напротив, он раздавал ягоды новым друзьям, варил варенье, фунтами лопал клубнику, иногда прямо с грядки, с мякотью, припорошенной розовой землей. Пугал Джо — гибких веток, украшенных ленточками фольги и

неизменными красными амулетами — хватало, чтобы разогнать птичий народ.

— Сделал бы ты вино, сынок, — посоветовал Джо. — Сам я клубничное не делал. Слишком мало росло, чтоб заморачиваться. Хочу посмотреть, что получится.

Джей научился принимать присутствие Джо без вопросов, хотя и не потому, что вопросов у него не осталось. Просто он не мог заставить себя их задавать. Пусть все будет как есть — очередное повседневное чудо. Начнешь разбираться — рискнешь узнать больше, чем хочешь. Не то чтобы Джей совсем перестал злиться. Гнев остался в нем дремлющим семечком, что готово прорасти в подходящих условиях. Но перед лицом всего остального гнев казался теперь менее важным, словно из другой жизни. Больше тащишь, всегда говорил Джо, тише едешь. Кроме того, дел невпроворот. Июнь — месяц занятой. Нужно позаботиться об огороде: выкопать молодую картошку и уложить на хранение в поддоны с сухой землей, расставить колышки подпорки для лука-порея, черным пластиком укрыть эндивий от солнца. По вечерам, когда становилось прохладнее, Джей работал над книгой, а Джо наблюдал из угла, лежа на кровати, прислонив ботинки к

стене, или курил и рассматривал поля блестящими ленивыми глазами. Как и сад с огородом, книга требовала теперь гораздо больше труда. Едва пошли последние сто страниц, Джей начал тормозить, спотыкаться. Концовка оставалась так же неясна, как и вначале. Все больше времени он просто таращился на пишущую машинку или в окно или искал узоры в тенях на побеленных стенах. Он прошелся по уже отпечатанным страницам «штрихом». Перенумеровал листы, подчеркнул заголовки. Лишь бы обмануть себя, что еще работаешь. Но Джо не обманешь.

— Маловато ты сёдня накатал, сынок, — заметил он одним непродуктивным вечером.

Его акцент усилился, как всегда, когда он был ироничен. Джей покачал головой:

— Работа кипит.

— Допиши, — продолжал Джо. — Вырви из себя, пока можешь.

Раздраженно:

— Я не могу.

Джо пожал плечами.

— Я серьезно, Джо. Не могу.

— Нету такого слова, во как. — Еще одна присказка Джо. — Ты хочешь закончить эту чертову книгу или нет? Я тут не вечно торчать буду, зна-

ешь ли.

Джо впервые намекнул, что, вероятно, не останется навсегда. Джей резко глянул на него.

— В смысле? Ты только что вернулся.

И снова это неопределенное пожатие плечами.

— Ну… — Можно подумать, это не очевидно. Не все обязательно говорить вслух. Но Джо был прямолинеен. — Я хотел, чтоб ты начал, — наконец сказал он. — Повидаться с тобой, если хошь. Но насчет остаться…

— Ты уходишь.

— Ну, может, не прям сейчас.

Может. Слово камнем плюхнулось в тихую заводь.

— Опять.

Он упрекал — более чем упрекал.

— Еще нет.

— Но скоро.

Джо пожал плечами. Наконец:

— Не знаю.

Гнев, старый приятель. Словно возвращается лихорадка. Джей чувствовал его внутри, краской и иглами на загривке. Гнев на себя, на свою нужду, что никогда не будет удовлетворена.

— Рано или поздно надо двигаться, сынок. Нам обоим надо. Тебе больше, чем раньше.

Тишина.

— Но я еще поброжу окрест. До осени, по крайней мере.

До Джея дошло, что он ни разу не видел старика зимой. Словно тот соткался из летнего воздуха.

— А кстати, ты кто, Джо? Призрак? Я прав? Ты мне являешься?

Джо засмеялся. В луче лунного света, пробившегося через ставни, он выглядел призрачно, но ничего призрачного в его усмешке не было.

— Вечно ты вопросами сыплешь.

Его густеющий акцент сам по себе был насмешкой, погружением в прошлое. Джей задумался, в какой степени и он — фальшивка.

— Я ж тебе сразу сказал, нет? *Астральное* путешествие, сынок. Я во сне путешествую. Превратил это в искусство и так далее. Могу отправиться куда угодно. Египет, Бангкок, Южный полюс, гавайские танцовщицы, полярные огни. Я везде был. Вот почему я так много сплю, во как.

Он засмеялся и кинул окурок на бетонный пол.

— Если так, где ты сейчас? — Голос Джея звучал подозрительно, как всегда, когда он думал, что Джо над ним смеется. — В смысле, где ты на самом деле? На пакетике с семенами было написано «Керби-Монктон». Ты…

— Да ладно. — Джо снова закурил. В маленькой комнате необъяснимо сильно воняло табаком. — Это не важно. Соль в том, что сейчас я тут.

Больше он ничего не сказал. Внизу, в погребе, последние «Особые» терлись друг о друга в томлении и предвкушении. Они едва ли шумели, но я чувствовал их шевеление, брожение спорое и бурное, словно заваривалась какая-то каша. «Скоро», — казалось, шептали они из своих стеклянных колыбелек в темноту. «Скоро. Скоро. Скоро». Нынче они не умолкают ни на миг. Мои соседи по погребу кажутся еще живее, еще тревожнее, их голоса вздымаются какофонией писка, хрюканья, смеха, визга, что потрясает дом до основания. Синяя ежевика, черный тернослив. Остались только они, но голоса стали громче. Словно духи, что вырвались из других бутылок, по-прежнему здесь и взвинчивают последние две до пределов исступления. Воздух искрится от их энергии. Они даже землю пропитали. Джо тоже все время здесь, он редко уходит, даже когда в доме чужие. Джею приходится напоминать себе, что другие не видят Джо, хотя, похоже, что-то чувствуют в его присутствии. Попотта — запах горячих фруктов. Нарсисс — вроде как хлопки в двигателе автомобиля. Жозефина — нечто вроде

приближения грозы, что поднимает волоски на руках, и она ощетинивается, точно нервная кошка. У Джея очень много гостей. Нарсисс, поставляя все, что нужно для сада, стал весьма дружелюбен. Он осмотрел возрожденный огород с грубоватым одобрением.

— Неплохо, — сказал он, потирая побег базилика, чтобы высвободить запах. — Для англичанина. Вы еще можете стать фермером.

Теперь, посадив особые семена Джо, Джей взялся за сад. Понадобились лесенки, чтобы забраться достаточно высоко и ободрать навязчивую омелу, и сетки, чтобы защитить незрелые фрукты от птиц. В саду росла сотня деревьев, заброшенных в последние годы, но все еще хороших: яблони, груши, персики, вишни. Нарсисс небрежно пожал плечами.

— С фруктов особо не проживешь, — сурово сказал он. — Их все растят, но если их слишком много, приходится скармливать свиньям. Однако если вы любите заготовки… — Он покачал головой над такой эксцентричностью. — Я так думаю, вреда не будет, э?

— Хочу попробовать сделать вино, — признался Джей, улыбаясь.

Нарсисс изумился:

— Вино из фруктов?

Джей заметил, что виноград — тоже фрукт, но Нарсисс покачал головой, сбитый с толку.

— Bof, ну как хотите. C'est bien anglais, *ça*.

Джей кротко признал, что да, ужасно по-английски.

Может, Нарсисс не откажется попробовать? Он неожиданно коварно усмехнулся. «Особые» терлись друг о друга в предвкушении. В воздухе висело их карнавальное веселье.

«Ежевика 1976». Хорошее лето для ежевики, спелой, фиолетовой, налитой темно-красным соком. Пронзительный аромат. Джей гадал, как Нарсиссу понравится вкус.

Старик сделал глоток и покатал вино по языку. На секунду ему показалось, будто он слышит музыку, дерзкий взрыв дудок и барабанов из-за реки. Речные цыгане, смутно подумал он, хотя для цыган пока рановато, обычно они приплывают на сезонную работу осенью. К музыке примешивался запах дыма, жареной картошки и boudin[110], какую готовила Марта, хотя Марта уже десять лет как умерла и прошло уже тридцать, а то и больше, с тех пор как она приплыла с

---

[110] Примечания: 110
Кровяная колбаса *(фр.)*.

цыганами в то лето.

— Неплохо. — Его голос чуть охрип, когда он поставил пустой бокал на стол. — На вкус похоже…

Он едва ли мог вспомнить вкус, но запах остался с ним, запах Мартиной стряпни, и как дым красил алым яблоки ее щек и запутывался в волосах. Как он расчесывал их по ночам, вытаскивал каштановые локоны из тугого пучка, в который она их собирала, и все кухонные запахи были пленены в завитках на ее затылке: оливковый хлеб, и boudin, и выпечка, и горелое дерево. Высвобождая дым кончиками пальцев, он пропускал ее волосы меж ладоней.

— На вкус похоже на дым.

Дым. Наверное, это от дыма у него так слезятся глаза, смутно думал Нарсисс. От дыма или алкоголя. Что бы англичанин ни засунул в свое вино, оно…

— Крепкое.

50

Когда июль замаячил на горизонте, стало жарче, потом пришел настоящий зной. Джей радовался, что у него всего несколько рядов овощей и фруктов, о которых надо заботиться, поскольку, несмотря на близость к реке, земля высохла и потрескалась, ее обычный красновато-коричневый оттенок под напором солнца выцвел до розового, а потом и вовсе белого. Теперь каждый день приходилось поливать все по два часа, прохладными вечерами и ранними утрами, чтобы влага не высохла понапрасну. Он использовал инструменты, найденные в заброшенном сарае Фудуина: большие металлические лейки, чтобы таскать воду, и ручной насос, чтобы качать ее из реки, — Джей установил насос рядом с драконьей головой на границе между своими землями и виноградником Маризы.

— Ей такая погода не повредит, — сообщил Нарсисс за кофе в «Мароде». — Ее земля никогда не высыхает, даже в разгар лета. В ней какой-то дренаж провели много лет назад, когда я был маленьким, трубы всякие, наверное, задолго до

того, как старый Фудуин надумал ее купить. Хотя сейчас все уже ветхое. Сомневаюсь, чтоб она собиралась чинить дренаж. — В его голосе не было злобы. — Если она чего не может сделать сама, — откровенно сказал он, — значит, она вообще не будет этого делать. Такой у нее характер, э!

Нарсисс страдал от палящей июльской жары. В его питомнике настал самый ответственный момент: гладиолусы, пионы и камелии как раз созрели для продажи, мини-овощи были исключительно нежны, а фрукты только начали завязываться на ветвях. Неожиданный скачок температуры, и цветы завянут — каждому цветку нужная целая лейка воды ежедневно, — фрукты высохнут, листья покоробятся.

— Bof. — Нарсисс философски пожал плечами. — Весь год такой. Ни одного приличного дождя с февраля. Может, увлажнить почву и хватило, но вглубь не протекло, где это важно. Дела опять пойдут вкривь и вкось. — Он махнул рукой на стоявшую рядом корзину с овощами, подарок к столу Джея, и покачал головой. — Вы только посмотрите, — сказал он. Помидоры были огромны, как мячи для крикета. — Мне стыдно их продавать. За так раздаю. — Он уныло пил кофе. — С тем же успехом можно сдаться прямо

сейчас.

Разумеется, он это говорил не всерьез. Нарсисс, некогда столь молчаливый, в последние недели стал весьма разговорчив. За суровой внешностью обнаружилось доброе сердце и грубоватая теплота, которые нравились людям, нашедшим время узнать его ближе. Он был единственным деревенским, с кем Мариза имела дело, — возможно, потому, что они использовали одних и тех же работников. Раз в три месяца он приносил на ферму товары — удобрение, инсектицидный порошок для виноградника, семена для посадки.

— Она полагается только на себя, — коротко сказал он. — Другим бабам стоило бы у нее поучиться.

В прошлом году она установила поливальную машину в дальнем конце второго поля, забирая воду из реки. Нарсисс помог ей донести детали и собрать, но установила машину она сама, вырыла канавки через поле к воде, глубоко закопала трубы. Там она растила кукурузу, а каждый третий год высаживала подсолнечник. Эти культуры не так терпимы к засухе, как виноград.

Нарсисс предложил ей помочь с установкой, но она отказалась. «Если это и стоит делать, лучше самой», — объяснила она. Сейчас поливальная

машина работала все ночи напролет — днем от нее не было толку, вода испарялась в воздухе, не достигнув растений. Джей слышал ее из открытого окна, тихие смешки в ночном безмолвии. В лунном свете белые брызги из труб казались призрачными, волшебными. В основном она выращивает виноград, сказал Нарсисс. Еще кукурузу и подсолнечник, чтобы кормить скотину, и овощи и фрукты для себя с Розой. Пара коз, которых держали ради сыра и молока, свободно бродили по ферме, точно кошки или собаки. Виноградник небольшой, в год дает всего восемь тысяч бутылок. Джею показалось, что это очень много, о чем он не преминул сказать. Нарсисс улыбнулся.

— Мало, — коротко сказал он. — Конечно, это хорошее вино. Старый Фудуин знал, что делает, когда сажал эти лозы. Вы заметили, как резко земля кренится к болотам?

Джей кивнул.

— Вот почему она может выращивать эти лозы. Виноград шенен. Она собирает его очень поздно, в октябре или ноябре, сортирует, ягодку за ягодкой, вручную еще на корню. К этому времени они уже почти сухие, э? Но влага поднимается с болот каждое утро и смачивает лозы, на ягодах растет

pourriture noble[111], гниль, от которой виноград сладкий и ароматный. — Нарсисс задумался. — У нее, наверное, уже сотня баррелей сейчас зреет в дубовых бочках, в погребе. Я видел, когда заезжал с товарами в том году. Полтора года — и это вино будет стоить сотню франков за бутылку, а то и больше. Вот почему она могла себе позволить торговаться за вашу ферму.

— Должно быть, она очень хочет остаться, — заметил Джей. — Раз у нее есть деньги, я бы на ее месте с радостью уехал. Я слышал, она не слишком ладит с деревенскими.

Нарсисс глянул на него.

— Она не лезет в чужие дела, — отрезал он. — Вот и все.

И разговор вновь свернул на сельское хозяйство.

---

[111] Примечания: 111

Благородная гниль *(фр.)*, грибок Botrytis cinerea. По аналогичной технологии производят, в частности, сотерны.

51

Лето было дверью, распахнутой в потаенный сад. Книга оставалась незаконченной, но Джей редко об этом думал. Его интерес к Маризе перерос простую необходимость собирать материал. До конца июля жара усиливалась, становилась все невыносимее; порывистый раскаленный ветер высушил кукурузу до того, что оболочки початков отчаянно громыхали в полях. Нарсисс мрачно качал головой и твердил, что все предвидел. Жозефина удвоила продажи напитков. Джо сверялся с приливными и лунными календарями и выдавал Джею особые инструкции, когда нужно поливать, чтобы получить наилучший результат.

— Долго это не продлится, сынок, — пообещал он. — Вот увидишь.

Не то чтобы Джею особо было что терять. Пара овощных грядок. Даже в засуху сад приносил больше фруктов, чем Джей смог бы использовать. В кафе Люсьен Мерль качал головой, мрачно наслаждаясь.

— Теперь вы понимаете, — сказал он. — Даже

фермеры понимают. В этом больше нет будущего. Такие, как Нарсисс, справляются, потому что не знают ничего лучше, но новое поколение, э! Они знают, что денег здесь нет. Каждый год продают все меньше урожая. Они живут на государственные дотации. Один плохой год — и придется брать заем в Crédit Mutuel[112], чтобы было что сажать на будущий год. С виноградом не лучше. — Он коротко хохотнул. — Слишком много карликовых виноградников, слишком мало денег. На маленькой ферме больше не проживешь. Вот чего не понимают такие, как Нарсисс. — Он понизил голос и придвинулся ближе. — Но все изменится, — лукаво пообещал он.

— Неужели?

Люсьен и его прожекты насчет Ланскне несколько утомили Джея. Похоже, у Люсьена не имелось других тем для разговора, кроме Ланскне и того, как превратить его во второй Ле-Пино. Он и Жорж Клермон поставили таблички на главной дороге и соседней дороге на Тулузу в надежде, что они увеличат поток туристов.

Visitez LANSQUENET-sous-Tannes!

---

[112] Примечания: 112
Взаимное кредитование *(фр.)*.

Visitez notre église historique

Notre viaduc romain

Goûtez nos spécialités[113]

Большинство людей смотрели на это снисходительно. Если дело выгорит — хорошо. Но, в общем-то, им было все равно: Жорж и Люсьен славились вынашиванием грандиозных планов, которые никогда не воплощались. Каро Клермон несколько раз приглашала Джея на ужин, но пока ему удавалось отсрочить неизбежное. Она надеялась, что он выступит перед ее литературным кружком в Ажене. Его ужасала сама мысль об этом.

В тот день впервые за много недель зарядил дождь. Настоящий ливень с раскаленного белого неба, почти не освежающий. Нарсисс ворчал, что, как обычно, он полил слишком поздно и продлится слишком недолго, не успеет как следует промочить землю, и однако же дождь закончился далеко за полночь, изливаясь из канав на иссохшую землю с веселым плеском.

Следующее утро было туманным. Ливень

[113] Примечания: 113

Посетите Ланскне-су-Танн, посетите нашу древнюю церковь, наш римский виадук, попробуйте наши фирменные блюда *(фр.).*

закончился, его сменила унылая морось. По раскисшему саду Джей видел, как силен был ливень, но даже без иссушающего солнечного света стоячая вода уже утекала, смыкая края трещин в земле, проникая глубоко в почву.

— Нужное дело, — отметил Джо, наклоняясь, чтобы изучить ростки. — Хорошо, что ты пьяблоки прикрыл, а то бы их унесло.

«Особые» росли в парнике, аккуратно подпиравшем стену дома, и ничуть не пострадали. Джей заметил, что они растут на редкость быстро; те, что он посадил первыми, уже вымахали высотой в двенадцать дюймов, их сердцевидные листья веером развернулись под стеклом. С полсотни ростков готовы были к пересадке в открытую почву — редкий успех для столь требовательного вида. Джо любил вспоминать, как угробил пять лет на то, чтоб земля им понравилась.

— Да. — Джо довольно смотрел на растения. — Может, земля тут сама по себе что надо.

В то же утро пришло очередное письмо от Ника: он извещал, что получил еще два издательских предложения насчет незаконченного романа Джея. Предложения не окончательные, добавил Ник, хотя упомянутые суммы и так уже казались Джею непомерными, если не нелепыми.

Его жизнь в Лондоне, Ник, университет, даже переговоры насчет романа здесь казались абстрактными, куда менее важными, чем самый крошечный ущерб, вызванный неожиданным ливнем. Остаток утра Джей работал в саду, вообще ни о чем не думая.

52

Август выдался непривычно мокрым для Ланскне. Каждый день шли дожди, в промежутках между ними небо было затянуто тучами, и ветер хлестал растения, обрывал листья. Джо качал головой и говорил, что он это предвидел. Больше этого не предвидел никто. Безжалостный дождь смывал верхний слой земли, обнажая древесные корни. Джей ходил в сад под дождем и обертывал деревья кусками ковра, чтобы уберечь от воды и гнили. Еще один старый трюк из переулка Пог-Хилл, который отлично работал. Но без достатка света фрукты упадут с веток несформировавшимися и несозревшими. Джо пожимал плечами. Это не последний год. Джей не был так уверен. После возвращения старика он стал сверхъестественно чувствителен к переменам в Джо, отмечая каждую гримасу, обсасывая каждое слово. Он заметил, что Джо говорит меньше, чем прежде, что иногда его очертания размыты, что радио, с мая настроенное на ретростанцию, иногда по несколько минут выдает белый шум, прежде чем находит сигнал. Словно Джо тоже

был сигналом, постепенно затухающим до забвения. Хуже того: Джею казалось, что это его вина, что Ланскне словно вытесняет — заслоняет Джо. Дождь и похолодание приглушили запахи, прежде неизменно сопровождавшие старика, запахи сахара, фруктов, дрожжей и дыма. За пару недель они тоже выцвели, и иногда на Джея на несколько невыносимых мгновений накатывало абсолютное одиночество, безнадежность — будто сидишь у смертного одра друга и ловишь каждый его вздох.

После истории с осами Мариза больше не избегала его. Они здоровались через забор или изгородь, и, хотя она редко бывала оживлена или приветлива, Джею казалось, что он начал чуточку нравиться Маризе. Иногда они беседовали. Сентябрь был для нее напряженной порой, виноград полностью сформировался и начал желтеть, но дождь, что практически не прекращался весь последний месяц, вызвал новые проблемы. Нарсисс винил в гибельном лете глобальное потепление. Другие неразборчиво бормотали что-то об Эль-Ниньо[114], химических заводах в Тулузе, японском землетрясении. Мирей Фэзанд

[114] Примечания: 114
Теплое сезонное течение в восточной части Тихого океана.

кривила губы и твердила, что настали Последние Времена. Жозефина вспомнила кошмарное лето семьдесят пятого, когда Танн высох и бешеные лисы прибежали с болот в деревню. С неба лило уже не каждый день, но солнце все равно почти не показывалось — тусклая монета в небе, почти не дающая тепла.

— Если так пойдет, осенью все останутся без фруктов, — сурово сказал Нарсисс.

Персики, абрикосы и другие фрукты с тонкой кожицей уже погибли. Дождь проел нежную плоть, и они сгнили и упали на землю, даже не дозрев. Помидоры никак не хотели поспевать. С яблоками и грушами дело обстояло не лучше. Восковая кожица защищала их отчасти, но недостаточно. Но больше всего страдали виноградные лозы.

В это время винограду нужен свет, сказал Джо, особенно поздним сортам, винограду шенен, из которого делают благородные вина, он должен быть высушен солнцем, как изюм. Этот виноград зависит от исключительного климата болотистого Ланскне: жарких, долгих летних дней, дымки, которую солнце поднимает из-за реки. В этом году, однако, в pourriture noble не было ничего благородного. Лозы поразила простая и баналь-

ная гниль. Мариза делала что могла. Заказала из города пластиковые покрывала и натянула их над рядами на металлические обручи. Это спасло лозы от худших последствий дождя, но ничем не помогло обнаженным корням. Покрывала не пускали остатки солнечного света, и фрукты запотевали под пластиком. Земля давно раскисла в грязную жижу. Как и Джо, Мариза раскладывала куски ковра и картона между рядами, чтобы уберечь землю. Но все напрасно.

Саду Джея приходилось немного легче. Дальше от болот, выше над водой, земля его имела естественные дренажные каналы, которые уносили лишнюю воду в реку. И все равно Танн поднялся как никогда высоко, разлился по винограднику на стороне Маризы и подобрался опасно близко к Джею, размывая берег так яростно, что огромные глыбы земли падали в реку. Розе было строго запрещено ходить на подмытый берег.

С ячменем творился кошмар. Поля вокруг Ланскне давно уже были отданы на откуп дождю. На одном из полей Брианcона появился круг, и самые легковерные пьянчуги Жозефины заголосили о космических пришельцах, хотя Ру считал, мол, больше похоже на то, что озорной сынок Клермона и его подружка знают больше,

чем говорят. Даже от пчел в этом году мало толку, сообщил Брианссон, меньше цветов, вот и мед хуже. Зимой придется затянуть пояса.

— С нынешнего урожая едва ли удастся выжать довольно, чтоб посадить будущей весной, — объяснил Нарсисс. — Когда урожай плохой, приходится сажать в кредит. А арендованная земля родит все хуже и хуже, э! — Он осторожно налил арманьяк в горячую кофейную гущу и выпил смесь одним глотком. — Денег от подсолнухов и кукурузы слишком мало, — признал он. — Даже цветы и питомник не приносят того, что прежде. Нам нужно что-то новое.

— Может, рис? — предложил Ру.

Клермон был менее подавлен, несмотря на то что дела его плохо шли все лето. Недавно он несколько дней провел на севере с Люсьеном Мерлем и вернулся, горя энтузиазмом по поводу своих планов насчет Ланскне. Выяснилось, что они с Люсьеном собираются стать партнерами и испробовать новый способ разрекламировать Ланскне в регионе Ажена, хотя оба непривычно секретничали насчет деталей проекта. Каро тоже была лукава и самодовольна, дважды заглянула на ферму «по дороге», хотя та на мили отстояла от ее обычного пути, и осталась на кофе. Ее рас-

пирало от сплетен, восхищения тем, как Джей обновил ферму, отчаянного любопытства насчет его новой книги и намеков, что ее влияние в региональных литературных обществах несомненно принесет роману успех.

— Серьезно, постарайтесь обрасти французскими связями, — наивно поучала она. — Туанетта Мерль знакома с уймой журналистов, вы в курсе? Может, попросить ее устроить вам интервью для местного журнала?

Он объяснил, пытаясь не улыбаться, что одной из основных причин бегства в Ланскне было стремление избежать общения с журналистами.

Каро жеманно улыбнулась и пробормотала что-то насчет артистического темперамента.

— И все же подумайте, — настаивала она. — Я уверена, наличие знаменитого писателя даст толчок, который нам так нужен.

Тогда Джей пропустил ее слова мимо ушей. Он почти закончил новую книгу, на которую наконец заключил контракт с «Уорлд уайд» и установил себе срок сдачи — октябрь. К тому же он купил у Жоржа несколько бетонных труб и укреплял ими старые дренажные канавы на своей земле. Крыша тоже дала течь, и Ру пообещал залатать ее и заново расшить швы кирпичной

кладки. Дни Джея были слишком насыщенными — не до Каро и ее планов.

Вот почему газетная статья застала его врасплох. Он бы и вовсе ее пропустил, если бы Попотта не углядела ее в аженской газете и не принесла ему вырезку. Попотта была трогательно довольна, но Джею сразу стало не по себе. В конце концов, это первый знак, что его местопребывание раскрыто. Он не помнил дословно. Немало чепухи о его блестящей ранней карьере. Малость кудахтанья о том, как он сбежал из Лондона и возник в Ланскне. В основном избитые банальности и неопределенные домыслы. Что хуже, там была его фотография, сделанная в кафе «Марод» четырнадцатого июля: Джей, Жорж, Ру, Бриансон и Жозефина сидят у стойки бара с бутылками blonde в руках. На снимке Джей одет в черную футболку и хлопчатобумажные полосатые шорты, Жорж курит «Голуаз». Джей не помнил, кто сделал фотографию. Кто угодно мог. Заголовок гласил: «Джей Макинтош с друзьями в кафе „Марод“, Ланскне-су-Танн».

— Что ж, ты не мог вечно от всех ныкаться, сынок, — заметил Джо, когда Джей пожаловался ему. — Рано или поздно все равно выплыло бы.

Джей сидел в гостиной за пишущей машинкой

— бутылка вина с одного боку, чашка кофе с другого. На Джо была футболка с надписью: «Элвис жив-здоров и живет в Шеффилде». Джей замечал, что теперь все чаще очертания Джо словно просвечивают по краям, как на передержанной фотографии.

— Не понимаю почему, — сказал Джей. — Если я хочу жить здесь, это ведь мое дело, верно?

Джо покачал головой.

— Да. Может быть. Но ты ж не собирался всю жизнь так прожить, а? — сказал он. — Бумаги. Разрешения. Всякое такое. Бабки и вообще. Скоро тебе придется туго.

Действительно, четыре месяца жизни в Ланскне изрядно истощили сбережения Джея. Ремонт, мебель, инструменты, оборудование для сада, дренажные трубы, ежедневные траты на еду и одежду плюс, разумеется, покупка самой фермы выжали его сильнее, чем он предполагал.

— Деньги скоро появятся, — ответил он. — Я теперь в любую минуту могу подписать контракт на книгу.

Он упомянул, о каких суммах идет речь, ожидая, что Джо благоговейно умолкнет. Но тот лишь пожал плечами.

— Да. Но по мне, синица в руке получше журав-

ля в небе, — сурово сказал он. — Я просто хотел глянуть, все ли у тебя все в порядке. Убедиться, что дела идут на лад.

«До того, как уйду». Можно было не говорить. Слова прозвучали ясно, точно он произнес их вслух.

53

А дождь все лил и лил. Странно, но по-прежнему стояла жара, и ветер дул, обжигая, не освежая. По ночам часто гремели грозы, молнии танцевали на ходулях по всему горизонту, и небо зловеще горело алым. Молния ударила в церковь в Монтобане, и та сгорела дотла. После случая с осами Джей мудро держался подальше от реки. В любом случае это опасно, говорила Мариза. Основательно подмытые берега имеют привычку рушиться прямо в поток. Легко упасть, утонуть. Несчастные случаи — обычное дело. Она не упоминала о Тони. Когда Джей касался этой темы, она сворачивала разговор в сторону. Розу тоже упоминала только мельком. Джей начал думать, что зря заподозрил их в тот день. В конце концов, он был в лихорадке, ему было больно. Галлюцинация, вызванная осиным ядом. Зачем бы Маризе его обманывать? А Розе? Так или иначе, у Маризы полно было дел. Дождь погубил кукурузу, запустив мокрые пальцы гнили в зреющие початки. Подсолнухи обмякли и отяжелели от воды, их головки склонились или оборвались. Но хуже всего при-

шлось лозе. Тринадцатого сентября Танн наконец вышел из берегов и затопил виноградник. Верхний край поля пострадал меньше из-за резкого наклона, но нижний край на фут скрылся под водой. Другие фермеры тоже понесли убытки, но больше всех досталось Маризе с ее болотистыми угодьями. Лужи дождевой воды окружили дом. Разлившиеся воды Танна унесли двух коз. Маризе пришлось завести оставшихся в сенной сарай, чтобы уберечь хозяйство от дальнейшей порчи, но сено было мокрым и неаппетитным, крыша дала течь, и запасы пострадали от влаги.

Она никому не говорила о своих затруднениях. Это стало привычкой, вопросом гордости. Даже Джей, который отчасти видел ущерб, не догадывался о подлинных его масштабах. Дом стоял в ложбине, ниже виноградника. Вода Танна озером встала вокруг него. Кухню затопило. Мариза метлой выгоняла воду с плит. Но вода всегда возвращалась. В погребе вода стояла по колено. Дубовые бочки одну за другой пришлось перенести в безопасное место. Электрогенератор в одной из маленьких хозяйственных построек закоротило, и он сломался. Дождь шел не ослабевая. Наконец Мариза связалась со своим строителем в Ажене. Она заказала дренажных

труб на пятьдесят тысяч франков и попросила доставить их как можно скорее. Она собиралась использовать имеющиеся дренажные канавы, установить систему труб, которые отведут воду от дома обратно на болота, где она естественным образом стечет в Танн. Земляная насыпь, как дамба, в какой-то степени защитит дом. Но будет трудно. Строитель не мог одолжить ей рабочих до ноября — в Ле-Пино заканчивали крупный проект, — а просить о помощи Клермона она не хотела. Даже если бы попросила, он не стал бы ей помогать. Кроме того, она не хотела, чтоб он шастал по ее земле. Позвать его — все равно что признать поражение. Она начала работу сама, копая канавы в ожидании доставки труб. Дело небыстрое, как военные траншеи рыть. Она говорила себе, что это война и есть, ее с дождем, с землей, с людьми. Эта мысль немного воодушевила ее. Романтично.

Пятнадцатого сентября Мариза приняла еще одно решение. До сих пор Роза спала с Клопеттой в своей комнатке под самой крышей. Но теперь, когда нет электричества и едва ли найдутся сухие дрова, выбора у Маризы не осталось. Ребенок должен уехать.

В прошлый раз, когда разлился Танн, Роза под-

цепила инфекцию, из-за которой оглохла на оба уха. Тогда ей было три годика, и Мариза ни к кому не могла ее отослать. Они спали вместе в комнатке под крышей всю зиму, огонь истекал черным дымом, и дождь струился по стеклам. У девочки в обеих ушах появились нарывы, она беспрерывно кричала по ночам. Ничто, даже пенициллин, ей не помогало. Больше ни за что, сказала себе Мариза. На сей раз Роза должна уехать, пока дождь не закончится, пока не удастся починить генератор, пока дренаж не встанет на место. Дождь не может лить вечно. Ему давно пора перестать. Даже сейчас, если получится закончить работу, часть урожая можно спасти.

Выбора нет. Роза должна уехать на несколько дней. Но не к Мирей. Сердце Маризы сжалось при мысли о Мирей. Тогда к кому? Только не к деревенским. Никому из них она не доверяла. Мирей разносила слухи, да. Но все слушали. Ну, может, и не все. Ру и другие приезжие не слушали. Нарсисс тоже. В некоторой степени она доверяла им обоим. Но оставить Розу с кем-то из них невозможно. Люди узнают. В деревне ничто не остается секретом надолго.

Она подумала о пансионе в Ажене, где Розу можно ненадолго оставить в безопасности. Но

и это не выход. Девочка слишком маленькая, нельзя оставлять ее одну. Люди начнут задавать вопросы. К тому же мысль о том, что Роза будет так далеко, щемила ей сердце. Дочь должна быть рядом.

Оставался англичанин. Место идеальное: достаточно далеко от деревни, чтобы сохранить все в тайне, но достаточно близко к ее собственной ферме, чтобы видеться с Розой каждый день. Он может устроить для Розы комнату в одной из старых спален. Мариза вспомнила голубую комнату под южным щипцом — наверное, детская Тони: кроватка в форме лодки, голубой стеклянный шар-лампа. Это всего на несколько дней, ну, может, на неделю или две. Она ему заплатит. Другого выхода нет.

54

Она явилась без предупреждения однажды вечером. Джей несколько дней не говорил с ней. Вообще-то он почти не выходил из дома, только в деревню за хлебом. Кафе из-за дождя выглядело унылым, terrasse вновь стала тротуаром, столики и стулья занесли внутрь; вода беспрерывно капала с тентов, вымывая из них остатки краски. В Мароде засмердел Танн, жаркие волны вони катились с болот к деревне. Даже цыгане снялись и увели свои плавучие дома в воды поспокойнее и поблагоуханнее. Арнольд предлагал позвать заклинателя погоды, чтобы решить проблему дождя, — в этом регионе такие еще встречались; если б он заговорил об этом пару недель назад, над ним смеялись бы гораздо больше. Нарсисс хмурился, качал головой и повторял, что в жизни не видел ничего подобного. Ничто на его памяти даже сравниться с этим не могло.

Было часов десять. На Маризе был желтый дождевик. Роза стояла рядом в небесно-голубом макинтоше и красных сапожках. Дождь посеребрил их лица. Небо за их спинами было

тускло-оранжевым и время от времени освещалось слабой вспышкой далекой молнии. Ветер качал деревья.

— В чем дело? — Их появление так удивило Джея, что он не сразу сообразил пригласить их в дом. — Что-то случилось?

Мариза покачала головой.

— Входите, бога ради. Вы, наверное, замерзли.

Джей оглянулся. Комната была достаточно чистой, чтобы пройти инспекцию. Только пара пустых чашек из-под кофе замусоривала стол. Он заметил, что Мариза недоуменно смотрит на его постель в углу. Даже когда крышу починили, он так и не собрался передвинуть раскладушку.

— Что будете пить? — спросил он. — Снимайте плащи. — Он повесил их дождевики сушиться на кухне и поставил воду на огонь. — Кофе? Шоколад? Вино?

— Шоколад для Розы, спасибо, — сказала Мариза. — У нас электричества нет. Генератор закоротило.

— О боже.

— Неважно. — Она говорила спокойно и деловито, — Я починю. Уже приходилось. Болота часто затопляет. — Она глянула на него и неохотно призналась: — Я должна попросить вас о помощи.

Джей подумал, что она делает это престранно. «Я должна попросить вас».

— Конечно, — согласился он. — Что угодно.

Мариза села за стол, прямая как палка. На ней были джинсы и зеленый свитер, который подсветил зелень ее глаз. Она осторожно коснулась клавиш машинки. Джей заметил, что ногти ее подстрижены очень коротко и под ними грязь.

— Вы не обязаны соглашаться, — уточнила она. — У меня просто родилась мысль.

— Говорите.

— Вы на ней пишете? — Она снова коснулась машинки. — В смысле, ваши книги?

Джей кивнул.

— Я всегда был немножко ретроградом, — признал он. — Терпеть не могу компьютеры.

Она улыбнулась. Она усталая, заметил он, глаза красные, с темными кругами. Впервые и с изумлением он видел, что она уязвима.

— Все из-за Розы, — наконец сказала она. — Я боюсь, что она подхватит простуду — заболеет, если останется дома. Я подумала, может, вы найдете для нее комнату у себя на пару дней. Всего на пару дней, — повторила она. — Пока я не приведу дом в божеский вид. Я заплачу. — Она достала пачку банкнот из кармана джинсов и передвину-

ла их по столу. — Она хорошая девочка. Не станет мешать вам работать.

— Деньги мне не нужны, — сказал Джей.

— Но я…

— Я с радостью приму Розу. И вас тоже, если хотите. Места хватит для вас обеих.

Она посмотрела на него в некотором замешательстве, словно не ожидала, что он сдастся так быстро.

— Представляю, что у вас творится, — сказал он ей. — Можете жить у меня, сколько хотите. Если вам надо захватить одежду…

— Нет, — быстро ответила она. — У меня много дел на ферме. Но Роза… — Она сглотнула. — Я буду очень благодарна. Если вы ее возьмете.

Роза обследовала комнату. Джей видел, что она разглядывает стопку отпечатанных листов, которую он сложил в коробку в изножье постели.

— Это английский? — спросила она. — Это ваша английская книга?

Джей кивнул.

— Поищи печенье, — предложил он. — Шоколад скоро будет готов.

Роза рванула за дверь.

— Можно я возьму Клопетту с собой? — крикнула она из кухни.

— Почему бы и нет, — мягко сказал Джей.

Из кухни донесся триумфальный вопль. Мариза смотрела на свои руки. Лицо ее было внимательным и невыразительным. Ветер на улице дребезжал ставнями.

— Может, теперь вы не откажетесь от вина? — предложил Джей.

55

И они выпили вина. Последнее «Особое» Джо. Больше их не будет, никогда. Добравшись до него на полке, Джей внезапно расхотел его открывать, но оно уже ожило в руке, возбужденный «Тернослив 1976», обвитый черным шнурком, начал источать аромат, как только Джей его коснулся. Джо спрятался, как часто делал, когда у Джея были гости, но Джей видел: Джо стоит в тени у кухонной двери, свет настольной лампы отражается в залысинах. На Джо была футболка с «Грейтфул Дэд», шахтерскую кепку он держал в руке. Его лицо было не более чем смутным пятном, но Джей знал, что он улыбается.

— Не знаю, понравится ли вам, — сказал Джей, разливая. — Это особое домашнее вино.

Пурпурный аромат был густым, почти избыточным. Послевкусие напомнило Джею «шербетные фонтаны», которые так любила Джилли. Маризе показалось, что вино скорее похоже на банку варенья, которое простояло запечатанным слишком долго и оттого засахарилось. Вкус был танинным, резким. Оно согрело ее.

— Какое странное, — непослушными губами сказала она. — Но, пожалуй, мне нравится.

Она сделала еще глоток, ощущая, как тепло разливается по горлу и по всему телу. Запах, похожий на эссенцию солнца, наполнил комнату. Джей внезапно понял, что поступил правильно, разделив с Маризой эту последнюю бутылку Джо. Удивительно и то, что вкус, хоть и специфический, оказался странно приятным. Возможно, Джей наконец к нему привык, как и предсказывал Джо.

— Я нашла печенье, — заявила Роза, встав в дверях, в каждой руке по печенью. — Можно я схожу наверх и посмотрю свою комнату?

Джей кивнул.

— Конечно. Я позову тебя, когда шоколад будет готов.

Мариза смотрела на него. Она знала, что должна быть настороже, но вместо этого мягкость прокатилась по ней, смыв напряжение. Она снова была совсем юной, словно аромат странного вина освободил что-то из ее детства. Она вспомнила вечернее платье точь-в-точь такого цвета, как это вино, бархатное вечернее платье, выкроенное из

старой юбки mémé[115], мелодию пианино, бездонное звездное небо. Его глаза — того же цвета. Ей казалось, она знает его всю жизнь.

— Мариза, — тихо произнес Джей. — Ты же знаешь, что можешь со мной говорить.

Она словно тащила за собой тяжкое бремя последние семь лет и только сейчас это поняла. Все оказалось так просто. «Ты можешь со мной говорить». Бутылка Джо — улей секретов, что разматывают свои кольца, словно хлопотливые виноградные лозы в неподвижном воздухе, и заселяют сумрак.

— У Розы все в порядке со слухом, да?

Вопрос прозвучал не особо вопросом. Мариза кивнула. Слова посыпались как горох.

— Была плохая зима. У нее заболели уши. Потом осложнения. Она полгода была глухой. Я водила ее по врачам. Ей сделали операцию, очень дорогую. Мне сказали, чтоб я не слишком надеялась.

Она глотнула еще вина Джо. Шероховатое из-за сахара. На дне бокала остался сиропообразный осадок, на вкус похожий на желе из тернослива.

— Я платила за специальные уроки для нее, — продолжала она. — Я выучила язык жестов и про-

---

[115] Примечания: 115
Бабушка *(фр.)*.

должила учить ее сама. Потом вторая операция, еще дороже. За два года ее слух восстановился на девяносто процентов.

Джей кивнул.

— Но зачем притворяться? Почему просто не…

— Мирей. — Странно, что это вино, которое должно было разговорить, сделало ее немногословной. — Она уже пыталась ее отнять. Все, что у нее осталось от Тони, говорит она. Я знаю, что, если однажды она заберет Розу, я никогда не получу дочь обратно. Я хотела ее остановить. И не смогла придумать другого способа. Если она не сможет с ней разговаривать, если подумает, что девочка в чем-то ущербна… — Она сглотнула. — Мирей не выносит несовершенства. Ее интересуют только совершенные вещи. Вот почему когда Тони…

Она умолкла.

«Я не должна доверять ему», — думала Мариза. Вино вытягивало из нее больше, чем она готова была дать. Вино говорит, а разговоры опасны. Последний человек, которому она доверяла, мертв. Все, к кому она прикасалась, — лозы, Тони, Патрис — мертвы. Легко поверить, будто она что-то несет, передает каждому, с кем встречается. Но вино было крепким. Оно нежно качало ее в колыбельке запахов и воспоминаний. Оно

выспрашивало ее секреты.

«Верь мне». Голос из бутылки хихикал и тихонько напевал: «Верь мне».

Она налила еще бокал и осушила залпом.

— Я расскажу вам, — решилась она.

56

— Мне был двадцать один год, когда я встретила его, — начала она. — Он был намного старше. Лечился в дневном стационаре психиатрического отделения в больнице Нанта, где я училась на медсестру. Его звали Патрис.

Он был высоким и темноволосым, как Джей. Говорил на трех языках. Сказал ей, что читал лекции в университете Ренна. Он был разведен. Он был забавным и противоречивым, с шиком нес свою депрессию. На его правом запястье была лесенка порезов от неудачной попытки самоубийства. Он пил. Принимал наркотики. Она думала, он исцелился.

Говоря, Мариза не смотрела на Джея — следила, как ее пальцы перебирают ножку бокала, словно играют на стеклянной флейте.

— В двадцать один так хочешь найти любовь, что видишь ее в лице каждого чужака, — тихо сказала она. — А Патрис был настоящим чужаком. Я несколько раз встретилась с ним вне больницы. Однажды переспала. Мне хватило.

После этого все изменилось почти мгновенно.

Будто стальная клетка опустилась вокруг них, поймав обоих в ловушку. Он стал собственником — не очаровательным, слегка неуверенным, что сперва привлекало ее, но холодным и подозрительным, что ее пугало. Он постоянно ссорился с ней. Он таскался за ней на работу и препирался с ней в отделении. Он пытался загладить вспышки ярости щедрыми подарками, что пугало ее еще больше. В конце концов он вломился в ее квартиру как-то вечером и попытался изнасиловать, угрожая ножом.

— Я поняла, что хватит, — вспоминала она. — С меня довольно. Я немного подыграла ему, потом извинилась и попросилась в ванную. Он был полон идей. Мы собирались вместе уехать в известное ему место в деревне, где я буду в целости и сохранности. Так он сказал. В целости и сохранности.

Она поежилась.

Мариза заперлась в ванной и через окно вылезла на крышу, откуда по пожарной лестнице спустилась на улицу. Но когда приехала полиция, Патрис уже ушел. Она поменяла замки на дверях и поставила сигнализацию на окна.

— Но этим все не закончилось. Он все время ставил машину у дома и следил за мной. Он зака-

зывал доставку к моим дверям. Подарки. Угрозы. Цветы.

Он был настойчив. Шли недели, и он преследовал ее все упорнее. На ее рабочее место принесли похоронный венок. Замки взломали и украсили всю квартиру черным, пока она была на работе. Кусок дерьма, изящно завернутый в серебряную бумагу, — подарок на день рождения. Граффити на двери. Гора непрошеных товаров по почте на ее имя: фетишистские наряды, сельскохозяйственное оборудование, ортопедические товары, эротическая литература. Мало-помалу ее мужество слабело. Полиция была бессильна. Без доказательств физического вреда им не за что было его арестовывать. Они позвонили по адресу, который Патрис оставил в больнице, но обнаружили, что это склад пиломатериалов под Нантом. Там никто в жизни о нем не слышал.

— В итоге я переехала, — сказала Мариза. — Бросила квартиру и купила билет в Париж. Сменила имя. Сняла квартирку на рю де ла Жонкьер и нашла работу в клинике в Марн-ла-Валле. Я думала, что спаслась.

Ему понадобилось восемь месяцев, чтобы ее найти.

— С помощью моей медицинской карточ-

ки, — объяснила Мариза. — Наверное, ухитрился уговорить кого-то в больнице. Иногда он бывал очень настойчив. Очень убедителен.

Она снова переехала, снова сменила имя и покрасила волосы. Полгода отпахала официанткой в баре на авеню де Клиши, пока не нашла работу медсестры. Она пыталась стереть себя из всех официальных документов. Медицинская страховка сгорела; Мариза не встала на учет. Она закрыла кредитную карточку и по всем счетам платила наличными. На сей раз Патрис почти год искал ее новый адрес.

За год он изменился. Побрил голову и стал одеваться в военных магазинах. Осадил ее квартиру со всей четкостью военной кампании. Больше никаких шуточек, никаких непрошеных пицц или умоляющих записок. Даже угрозы прекратились. Она видела его дважды — он сидел в машине под ее окнами, но когда две недели прошли, а от него ни слуху ни духу, она уверилась, что ошиблась. Еще через пару дней ее разбудил запах газа. Он умудрился обойти подающую трубу, и она не знала, как перекрыть доступ. Попробовала открыть дверь, но та была заблокирована, заклинена снаружи. Окна тоже были забиты гвоздями, хотя ее квартира находилась на третьем этаже. Телефон

был мертв. Она сумела разбить окно и позвать на помощь, но смерть почти коснулась ее. Она улетела в Марсель. Начала все заново. Там она и встретила Тони.

— Ему было девятнадцать, — вспоминала она. — Я работала в психиатрическом отделении главной больницы Марселя, а он был пациентом. Насколько я поняла, он страдал от депрессии после смерти отца. — Она косо улыбнулась. — Знаю, глупо было связываться с очередным пациентом, но мы оба были уязвимы. Он был таким юным. Его внимание льстило мне, вот и все. И мне удавалось с ним общаться. Удавалось его рассмешить. Это мне тоже льстило.

Когда она поняла, что он чувствует, было уже слишком поздно. Он обезумел от любви.

— Я говорила себе, что могу полюбить его, — сказала она. — Он был забавным, добрым, им легко было управлять. Я думала, что после Патриса ничего другого мне и не надо. А он без конца рассказывал мне о своей ферме, об этом месте. Оно казалось таким безопасным, таким прекрасным. Каждый день я просыпалась и гадала, не найдет ли меня сегодня Патрис. Это просто, если он проследил меня до Марселя. Надо только проверить все больницы и клиники. Тони пред-

ложил мне защиту. И он нуждался во мне. Это уже много значило.

Она позволила убедить себя. Поначалу Ланскне казался ей землей обетованной. Но вскоре начались стычки между Маризой и матерью Тони, которая не желала признавать правду о его болезни.

— Она не слушала меня, — объяснила Мариза. — У Тони все время случались взлеты и падения. Ему требовались лекарства. Без них ему становилось хуже, он на несколько дней кряду запирался в доме, не мылся, только смотрел телевизор, пил пиво и ел. О, со стороны казалось, что с ним все в порядке. В этом отчасти и проблема. Мне приходилось все время за ним следить. Я играла роль сварливой жены. У меня не было выбора.

Джей вылил остатки вина в ее бокал. Даже осадок пах оглушительно, и на мгновение Джею показалось, что он различает все вина Джо в этом последнем бокале: малину, и розы, и бузину, и ежевику, и тернослив, и пьяблоки, все в одном. «Особых» больше нет, сказал он себе с уколом грусти. Волшебство испарилось. Мариза умолкла. Кленово-рыжие волосы закрывали ее лицо. Джею внезапно показалось, что он знаком с нею

сто лет. Ее присутствие за столом было таким же естественным, таким же привычным, как его старая машинка. Он накрыл ладонью ее руку. Ее поцелуй должен пахнуть розами. Она взглянула на него, и глаза ее были зелеными, как его сад.

— Maman!

Голос Розы прорезал мгновение с пронзительной настойчивостью.

— Я нашла комнатку наверху! Там круглое окно и голубая кровать, как лодка! Немножко пыльно, но я могу прибраться, правда, maman? Можно?

Мариза убрала руку.

— Конечно. Если мсье… если Джей… — Она смутилась, точно ее разбудили посреди сна, и отодвинула полупустой бокал. — Мне пора, — быстро сказала она. — Уже поздно. Я принесу Розины вещи. Спасибо за…

— Все в порядке. — Джей попытался взять ее за локоть, но она отстранилась. — Если хотите, останьтесь обе. У меня уйма…

— Нет. — Внезапно вернулась прежняя Мариза, доверительная беседа была окончена. — Мне надо принести все, что нужно Розе для сна. Ей пора в постель. — Она коротко, но сильно обняла дочь и посоветовала: — Веди себя хорошо. И пожалуйста, — это Джею, — не говорите об этом в

деревне. Никому.

Она сняла желтый дождевик с крючка у кухонной двери и натянула. На улице все еще шел дождь.

— Обещайте, — сказала Мариза.

— Ну конечно.

Она кивнула — короткий, вежливый кивок, словно заключила сделку. И исчезла за пеленой дождя. Джей закрыл за ней дверь и повернулся к Розе.

— Ну? Готов шоколад? — спросила она. Он усмехнулся:

— Пошли проверим?

Он налил шоколад в широкую чашку с цветами по ободку. Роза с чашкой в руке свернулась клубком на его постели и с любопытством наблюдала, как он убирает посуду и отставляет пустую бутылку.

— Кто он? — наконец спросила она. — Тоже англичанин?

— Ты о ком? — крикнул Джей из кухни, пуская воду в раковину.

— Старик, — уточнила Роза. — Тот старик наверху.

Джей закрутил кран и уставился на нее.

— Ты видела его? Ты с ним говорила?

Роза кивнула.

— Старик в смешной шапке, — сказала она. — Велел тебе кое-что передать.

Она хорошенько приложилась к шоколаду и с пенными усами вынырнула из-за чашки. Джей внезапно задрожал, почти испугался.

— Что он сказал? — прошептал он. Роза нахмурилась.

— Он сказал, чтобы ты помнил «Особые», — сообщила она. — И ты знаешь, что делать.

— Еще что-нибудь?

Во рту у Джея пересохло, голова гудела.

— Да, — энергично закивала Роза. — Чтобы я попрощалась.

57

Переулок Пог-Хилл, февраль 1999 года

Джей вернулся в Пог-Хилл лишь через двадцать два года. Наполовину из злости, наполовину из страха. Прежде он ничему не принадлежал. Лондон явно не был домом. Места, где он жил, казались ему одинаковыми, разнились только дизайн и размеры. Квартиры. Комнаты на двоих. И даже дом Керри в Кенсингтоне. Случайные жилища. Но в этом году все изменилось. Выбирай любое клише, как сказал бы Джо. Возможно, просто впервые появились страхи посерьезнее, чем страх возвращения в Пог-Хилл. Прошло почти пятнадцать лет после «Пьяблочного Джо». С тех пор — ничего. Это больше, чем писательский ступор. Джей словно застрял во времени, вынужденный писать и переписывать фантазии отрочества. «Пьяблочный Джо» был первой — единственной — его взрослой книгой. Но вместо того чтоб освободить его, она поймала его в ловушку детства. В 1977-м он перестал верить в волшебство. «Хватит с меня, — сказал он себе. — Хватит, хватит, хватит». Теперь он отрезанный

ломоть, как ему и хотелось. Словно, разбросав семена Джо над выемкой в Пог-Хилле, он выкинул и все, за что цеплялся три года: амулеты, красные ленточки, Джилли, берлоги, осиные гнезда, прогулки по рельсам и драки на Дальнем Крае. Все сдуло в выемку вместе с мусором и золой железной дороги. А потом «Пьяблочный Джо» окончательно похоронил остатки. По крайней мере, так думал Джей. Но, может, что-то осталось. Любопытство, например. Зуд в глубине головы, который никак не удавалось унять. Какие-то следы веры.

Возможно, он неправильно прочел знаки. В конце концов, какие улики он нашел? Пару коробок журналов? Карту, раскрашенную цветными карандашами? Возможно, в спешке он сделал неправильный вывод. Возможно, Джо все-таки говорил правду.

Возможно, Джо вернулся.

Он не смел даже вообразить это. Джо вернулся в Пог-Хилл? Как он ни сопротивлялся, сердце встало в горле. Джей представил дом таким, каким он был, заросшим, быть может, но участок по-прежнему аккуратен за маскировкой окончательного решения Джо, деревья с красными ленточками, на кухне жарко от ароматов зрею-

щего вина… Он несколько месяцев ждал, прежде чем решился. Керри охотно его поддержала, даже слишком охотно, воображая, вероятно, обновленный источник вдохновения, новую книгу, что впихнет его обратно в свет рампы. Она хотела поехать с ним, столь настойчиво, что в итоге он согласился.

Он ошибся. Он понял это, едва приехал. Дождь цвета сажи моросил с неба. Дальний Край превратился в участок застройки вдоль берега; бульдозеры и трактора ползали по бывшему руслу железной дороги среди опрятных одинаковых бунгало. Поля обернулись автомобильными салонами, супермаркетами, торговыми центрами. Даже газетный кисок, где Джей столько раз покупал сигареты и журналы для Джо, сменил кожу.

Последние шахты Керби были закрыты уже много лет. Канал отреставрировали, и на деньги, выделенные на празднование встречи третьего тысячелетия, собирались отгрохать туристический центр, где гости города смогут спуститься в перестроенную шахту или проплыть на барже по недавно почищенному каналу.

Надо ли говорить, что Керри нашла все это очаровательным?

Но худшее ждало впереди.

Несмотря ни на что, он надеялся, что Пог-Хилл, по крайней мере, цел. Главная улица более или менее осталась прежней, с ее элегантными, пусть и немного почерневшими, домами эпохи Эдуарда и липовой аллеей. Мост тоже был таким, каким Джей его помнил, рядом появился новый пешеходный переход, но шеренга тополей, что отмечала вход в переулок Пог-Хилл, никуда не делась, и сердце Джея сыграло забавную маленькую импровизацию на ребрах, когда он подъехал к желтой линии и взглянул на холм.

— Это он? — Керри разглядывала свое отражение в пассажирском зеркальце. — Что-то ничего не видать.

Джей промолчал и вылез из машины. Керри последовала за ним.

— Так вот где все началось. — В ее голосе слышалось разочарование. — Забавно. Я почему-то думала, здесь будет что-то особенное.

Проигнорировав ее, он сделал пару шагов вверх по холму. Название переулка изменилось. Пог-Хилл больше не найдешь ни на одной карте, как и Дальний Край и любое другое из мест, вокруг которых его жизнь вращалась в те три долгих года. Теперь он назывался Медоубэнк-Вью, дома снесли, чтобы освободить место череде кирпичных

двухэтажных квартир с крохотными балкончиками и геранями в пластиковых горшках. На ближайшем здании висела табличка: «Качественные уединенные квартиры Медоубэнк». Джей направился туда, где стоял дом Джо. Пусто. Сбоку маленькая забетонированная парковка «только для проживающих». За квартирами, где некогда высился сад Джо, — невыразительная маленькая квадратная лужайка с единственным деревцем. От фруктового сада Джо, от его трав, от черной смородины, малины, бузины, виноградных лоз, слив, груш, моркови, пастернака, «Особых» ничего не осталось.

— Ничего.

Керри взяла его за руку.

— Бедняжка, — прошептала она ему в ухо. — Надеюсь, ты не слишком расстроен?

Она казалась почти довольной, словно картина пришлась ей по вкусу. Джей покачал головой.

— Подожди в машине, ладно?

Керри нахмурилась:

— Но, Джей…

— Две минуты, ладно?

Как раз вовремя. Ему казалось, он взорвется, если еще немного подержит это в себе. Он побежал в глубь сада и глянул через стену в выемку. Там

было полно хлама. Мешки домашнего мусора усыпали землю: старые холодильники, автомобильные шины, деревянные ящики, поддоны, консервные банки, стопки журналов, перевязанные бечевкой. Смех заклокотал в горле Джея. Джо это пришлось бы по вкусу. Его мечта воплотилась в жизнь. Мусор раскидан по откосу, словно выброшен проезжими. Детская коляска. Тележка из супермаркета. Рама древнего велосипеда. Выемка Пог-Хилл превратилась в свалку. Джей с усилием подтянулся и перелез через стену. Бывшая железная дорога отсюда просматривалась далеко, в основном — крутым обрывом в заросли чахлых кустов и горы мусора. Подальше на стене ребята рисовали граффити. Россыпь битого стекла сверкала на солнце. Уцелевшая бутылка прислонилась к торчащему пню, свет мерцал на пыльном донышке. Красный шнурок, заскорузлый от возраста, обвивал горлышко. Джей мгновенно узнал вино Джо.

Джей не представлял, как она пережила снос дома, и еще менее — как не разбилась с тех пор. Но это была одна из бутылок Джо, целехонькая. Цветной шнурок тому доказательство, а также этикетка, на которой до сих пор различался старательный почерк старика: «Особые». По пути

к мосту Джею казалось, что он видит и другие пожитки Джо, раскиданные по насыпи. Сломанные часы. Лопата. Несколько ведер и горшков, в которых когда-то росли растения. Словно кто-то встал на вершине холма и попросту вывернул содержимое дома Джо в выемку. Джей пробирался по печальным руинам, стараясь не ступать на битое стекло. Древние номера «Нэшнл джиографик» и обломки кухонного стула. И наконец, чуть подальше, он нашел комод с семенами: ножки отвалились, одна дверца болталась на соплях. Внезапно бешеная ярость застила ему глаза. Сложное чувство — ярость на себя и свои идиотские надежды, на Джо за то, что позволил этому произойти, а также на того парня, что встал на вершине холма и выбросил стариковскую жизнь в дыру, будто мусор, от которого надо избавиться. Хуже того, к этой ярости примешивался страх, ужасное знание, что если бы он вернулся раньше, то еще смог бы что-то найти, но, как всегда, опоздал.

Джей рыскал, пока Керри не явилась за ним почти через час. Он испачкался, вымазался в грязи по колено. В картонной коробке он нес шесть бутылок, найденных в разных местах по пути вниз и чудом уцелевших.

«Особые».

58

Ланскне, лето 1999 года

Вот и все. Джей сразу понял, что он ушел. Была некая окончательность в этом прощании, от которой не отмахнуться. Точно с последней каплей своего вина старик вовсе испарился. Несколько дней Джей отрицал очевидное, убеждал себя, что Джо вернется, что он ушел не навсегда, что он не покинул его вторично. Но суть улетучилась. Дом больше не пахнул его табаком. Ретростанция прекратила вещание, на той же частоте появилось местное радио, извергавшее современные хиты. И Джо не мелькал больше аккурат за углом парника или за сараем и не инспектировал деревья во фруктовом саду. Никто не сидел и не смотрел, как Джей барабанит по клавишам машинки, — ну разве что Роза, которая иногда пробиралась по лестнице и наблюдала за ним с кровати. Вино стало обычным вином, без всяких фокусов. На сей раз Джей не злился. Напротив, покорился неотвратимому. Волшебство снова кончилось.

Прошла неделя. Дождь начал утихать, порушив еще немало. Джей и Роза почти не выходили

из дома. Розу легко было порадовать. Она развлекалась сама. Сидела и читала в своей заново обставленной комнате под крышей, или играла в «Эрудит» на полу, или с Клопеттой шлепала по лужам на полях. Иногда она слушала радио или играла с тестом на кухне. Иногда пекла маленькие, жесткие, мучнистые печенья. Каждый вечер приходила Мариза, готовила ужин, оставаясь ровно настолько, чтобы поесть и проверить, как дела у Розы, прежде чем вернуться к работе. Генератор починили. Дренажные канавы отнимали время, но через пару дней закончат и с ними. Она наняла Ру и еще нескольких рабочих Клермона себе в помощь. Но все равно виноградник был наполовину затоплен.

У Джея бывали гости. Попотта заглянула пару раз с почтой и один — с пирогом от Жозефины, но Роза играла за домом и осталась незамеченной. Однажды приехал Клермон с очередным грузом барахла, но надолго не остался. Теперь, когда худшее осталось позади, у большинства было полно работы.

Присутствие Розы озаряло дом. После ухода Джо это было более чем желанно, ибо дом казался странно обездоленным, будто унесли что-то привычное. Для своего возраста, однако, Роза

была очень тихой, и иногда Джей почти верил, что она принадлежит скорее миру Джо, чем его миру. Девочка скучала по матери. Они расстались лишь во второй раз в жизни. По вечерам она встречала Маризу отчаянными и безмолвными объятиями. Их совместные ужины были веселыми и оживленными, но у Маризы оставалась некая заповедная территория, на которую Джей пока не сумел пробраться. Она редко говорила о себе. Не упоминала Тони и не обещала закончить рассказ, начатый в день наводнения. Джей не пытался давить. Это подождет.

Через несколько дней Попотта принесла пакет от Ника — контракты с новым издателем Джо и несколько газетных вырезок, датированных с июля по сентябрь. В короткой записке Ник нацарапал: «Я подумал, тебе это может быть интересно».

Джей извлек из конверта вырезки.

Все они так или иначе касались его. Он прочитал. Три небольшие новостные заметки из британских газет с домыслами о его исчезновении. Статья из «Паблишере уикли», очерчивающая его возвращение на писательское поприще. Ретроспектива из «Санди таймс», озаглавленная: «ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ПЬЯБЛОЧНЫМ ДЖО?» и с фо-

тографиями Керби-Монктона. Джей перевернул страницу. С фотографии, нахально улыбаясь, на него уставился Джо.

«НЕ ЭТО ЛИ НАСТОЯЩИЙ ПЬЯБЛОЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК?» — вопрошал заголовок.

Джей смотрел на снимок. На нем Джо было пятьдесят, может, пятьдесят пять. Без кепки, в уголке рта сигарета, маленькие очки-полумесяцы сдвинуты на кончик носа. В руках он держал большой горшок хризантем, украшенный розеткой. Подпись: «Местный чудак».

«Макинтош, со своей обычной уклончивостью, так и не решился открыть, кем же был настоящий Джо, — продолжала статья, — но, согласно некоторым источникам, на создание образа любимого садовода нации его вдохновил именно этот человек. Джозеф Кокс, родившийся в Шеффилде в 1912 году, сперва работал главным садовником в старинном помещичьем доме, а потом тридцать лет трудился на „Шахте Дальнего Края“ в Керби-Монктоне, прежде чем проблемы со здоровьем заставили его удалиться на пенсию. Известный местный чудак, мистер Кокс много лет жил в переулке Пог-Хилл, но взять интервью в месте нынешнего его проживания, доме престарелых „Медоубэнк“, не представлялось возможным.

Мисс Джулия Мойнихен, дневная медсестра, описала мистера Кокса нашему корреспонденту: „Ужасно милый старый джентльмен с чудесным запасом историй. Я вся дрожу при мысли, что он может оказаться настоящим Джо“».

Джей едва проглядел остаток статьи. Чувства раздирали его. Удивление, что он мог быть так близко к Джо и не знать, неким образом не почувствовать его присутствие. Но более всего невероятное облегчение, радость. Прошлое все-таки можно исправить. Джо до сих пор живет в Пог-Хилле. Все можно исправить.

Он заставил себя дочитать статью. Ничего особо нового. Пересказ «Пьяблочного Джо» и копия оригинальной обложки. Маленькое фото хлебного барона под руку с Кандидой за два года до их развода. Имя журналиста под статьей — К. Марсден — показалось смутно знакомым. Через несколько минут он опознал в нем дотелевизионное имя Керри.

Ну конечно. Керри. Все сходится. Она знала о Пог-Хилле и Джо. И конечно, уйму всего знала о Джее. У нее был доступ к фотографиям, дневникам, бумагам. Она пять лет слушала его разглагольствования и воспоминания. Его мимолетно стиснула тревога. Что именно он ей

сказал? О чем проговорился? Он так ее бросил, что, конечно, не вправе рассчитывать на ее преданность или благоразумие. Он лишь надеялся, что она останется профессионалом и оставит его личную жизнь личной. Он понял, что знает Керри слишком плохо и не в силах предугадать, как она поступит.

Но все это казалось не важным. Важен лишь Джо. «Через несколько часов я сяду на самолет в Лондон, — размечтался он, — потом в экспресс на север». Джей доберется туда уже к вечеру. Он вновь увидит Джо. Он даже сможет забрать его сюда, если старик захочет. Джей покажет ему шато Фудуин. Полоска газетной бумаги, размером едва ли с блок марок, вылетела из пачки и приземлилась на пол. Джей подобрал ее и перевернул. Слишком маленькая для статьи. Должно быть, он ее пропустил, когда листал вырезки.

Наверху ручкой было нацарапано: «Кербі-Монктон пост».

> Некрологи (продолжение).
>
> Джозеф Эдвин КОКС мирно, после продолжительной болезни, 15 сентября 1999 года.

Поцелуем солнца простится

грех,

Птицы грянут хорал;

К сердцу Творца ты в саду ближе всех,

Ближе никто не бывал[116].

Джей долго смотрел на листок. Бумага выскользнула из пальцев, но он все равно видел объявление, ярко освещенное пред его внутренним оком, несмотря на пасмурный день. Его рассудок отказывался это переварить. Пустота. Отказ. Джей смотрел в никуда, думал ни о чем.

[116] Примечания: 116

Цитата из стихотворения Дороти Фрэнсис Бломфилд Герни «Сад Господень», которое в Великобритании нередко пишут на садовых табличках. Пер. М. Порядиной.

59

Следующие несколько дней затопил вакуум. Джей спал. Ел и пил в ошеломлении. Повсеместная дыра в форме Джо стала чудовищной, заслоняла свет. Книга лежала заброшенная, близкая к завершению, и собирала пыль в коробке под кроватью. Хотя дождь прекратился, Джей не смел выглянуть в сад. Запущенные «Особые» изрядно вымахали в своих горшках в ожидании пересадки. Немногие фрукты, пережившие дождь, без присмотра падали на землю. Сорняки, жадно росшие в мокрую погоду, начали наступление. Через месяц и следа не останется от его трудов.

«Поцелуем солнца простится грех…»

Хуже всего было неведение. Оказаться совсем рядом с разгадкой тайны — и снова ее потерять, глупо, без объяснения. Все казалось таким бессмысленным. Джей представлял, как Джо наблюдает из-за кулис, готовый выпрыгнуть. Сюрпри-из! Просто шутка, вот и все. Искусный обман, друзья выстроились за занавесками с сувенирчиками и лентами, Джилли, и Мэгги, и Джо, и все-все-все из переулка Пог-Хилл, маски

сдвинуты и обнажают истинные лица. Горе, что превращается в смех по выяснении истины. Но Джея на эту вечеринку не пригласили. «Особые» кончились. Выпиты до дна — ежевика и бузина, пьяблоко и шиповник. Волшебство кончилось. Навсегда.

И все же я по-прежнему слышал их. Словно часть их существа улетучилась в воздух, слившись с домом, просочившись в дерево и пластик, подобно запаху сигарет и жженого сахара. Все гудело их минувшим присутствием, гудело, и пело, и смеялось громче прежнего; камень, и плитки, и полированное дерево — все шептало в волнении и возбуждении; вечно беспокойное, вечно говорливое. Только Джей не слышал. Оставив ностальгию далеко позади, он окунулся в уныние, из которого, казалось ему, ничто его не вытащит. Он вспоминал все мгновения, когда ненавидел Джо. Все мгновения, когда злился на дезертирство старика; все то, что говорил себе и другим. Ужасные слова. Он думал, что мог отыскать Джо сто лет назад, но даже не попытался. Он мог нанять детектива. Он мог заплатить кому-нибудь, чтобы его нашли, раз уж не сумел найти его сам. Вместо этого он сидел и ждал, пока Джо найдет его. Столько потерянных лет принесено в

жертву гордости. А теперь уже слишком поздно.

Он смутно помнил чьи-то слова о том, что прошлое — это остров, окруженный временем. Он упустил последнюю лодку на остров, горько повторял он себе. Пог-Хилл теперь в списке мест, безвозвратно утерянных для него, хуже чем просто утерянных. После смерти Джо Пог-Хилл будто и не существовал никогда.

«Поцелуем солнца простится грех…»

Но то, что он сделал, выходит за рамки. Джо был здесь, сказал он себе. Джо жил в Пог-Хилле все это лето. «Астральное путешествие, — сказал он. — Вот почему я так много сплю, во как». В конце концов Джо вернулся к нему. Джо попытался все исправить. И все-таки Джо умер в одиночестве.

Хорошо, что Роза еще здесь. Визиты Маризы тоже на время подбадривали Джея. По крайней мере, заставляли не напиваться с утра пораньше. Надо следовать обычному порядку вещей, даже если он потерял всякий смысл.

Мариза отчасти заметила перемену в нем, но на ферме дел было невпроворот — не до Джея. Прокладку дренажа почти закончили, стоячая вода ушла с виноградника, Танн наконец вернулся в свои берега. Ей пришлось расстаться с частью

сбережений, чтобы заплатить за работу и новое оборудование, но все же воодушевление вернулось к ней. Если урожай удастся спасти, останется надежда на будущий год. Если только ей удастся найти денег, чтобы выкупить землю — не слишком подходящую для строительства и в основном слишком болотистую для земледелия. Она знала, что Пьер Эмиль не заинтересован в аренде: такое соглашение не слишком выгодно. В Тулузе у него семья. Нет. Он продаст. Она знала, что продаст. Вполне возможно, задешево, говорила она себе. В конце концов, это не Ле-Пино. Даже теперь она, возможно, еще сумеет наскрести денег. Двадцать процентов — все, что ей нужно. Оставалось надеяться, что Мирей не помешает. В конце концов, старухе невыгоден ее отъезд. Совсем наоборот. Но земля должна принадлежать Маризе. Она не будет во власти договора об аренде. Мирей понимает почему. Они нуждались друг в друге, как бы ни была отвратительна старухе одна мысль о подобной связи. Они шли по краю пропасти, и каждая держала в руках конец веревки. Упадет одна — упадет и другая.

Мариза лгала без угрызений совести. В конце концов, она оказала Мирей услугу. Ложь защищала их, как оружие, слишком ужасное для

использования в войне. Но время утекало для обеих. Перед ней маячило окончание срока аренды. Перед Мирей — болезни и старость. Старуха хотела выжить ее с фермы, потому что это делало ее уязвимой. Маризе оставалось лишь гадать, в силе еще старые угрозы или нет. Возможно, теперь они ничего для Мирей не значат. Перспектива потерять Розу когда-то заткнула рот им обеим. Но теперь… Мариза гадала, важна ли еще Роза для Мирей.

Гадала, что им обеим осталось терять.

60

Джей проснулся от пения птиц. Он слышал, как Роза бродит наверху, соломенный солнечный свет проникал через ставни. На мгновение ему показалось, что жизнь прекрасна. А затем воспоминание о смерти Джо пронзило его, арбалетная стрела горя, которую не отразишь, вылетела из засады. Каждый день он просыпался в ожидании, что все изменится, но каждое утро ничем не отличалось от предыдущего.

Полуодетый, он выкарабкался из постели и поставил чайник. Поплескал в лицо холодной водой из кухонного крана. Заварил кофе и выпил, обжигаясь. Слышно было, как Роза наверху набирает ванну. Джей выставил на стол ее завтрак и молоко. Кружка café au lait[117], рядом три кусочка сахара в обертке. Ломтик дыни. Зерновые хлопья. У Розы здоровый аппетит.

— Роза! Завтракать!

Его голос был хриплым. В блюдце на столе валялась кучка окурков, хотя он не помнил, чтобы покупал или курил сигареты. Мгновенный укол

---

[117] Примечания: 117
Кофе с молоком *(фр.)*.

чего-то вроде надежды. Но ни один из окурков не был «Плейерс».

Стук в дверь. Попотта, неясно подумал он, — наверное, очередной счет принесла или тревожное письмо от Ника, вопрошающего, почему Джей не вернул контракты. Он отпил еще глоток выдохшегося кофе и направился к двери.

Кто-то стоял снаружи, безупречный в серых слаксах и кашемировом кардигане, изящная новая стрижка, «Джей Пи Тод», «Берберри» и красная папка для бумаг «Луи Вюиттон».

— Керри?!

Мгновение он видел себя ее глазами: босой, небритый, опустошенный. Она ослепительно улыбнулась.

— Бедняжка Джей. Ты выглядишь таким заброшенным. Можно войти?

Джей помедлил. Больно гладко. А он всегда не доверял гладкости Керри. Слишком часто она служила сигналом к войне.

— Да. Конечно. Заходи.

— Какое чудесное место. — Проплыла мимо на волне зависти. — Комод для пряностей — просто прелесть. И буфет тоже.

Она элегантно помедлила, выискивая свободное место, чтобы присесть. Джей убрал грязную

одежду со спинки стула и кивнул.

— Извини за бардак, — начал он.

Слишком поздно он осознал, что его виноватый тон дает ей преимущество. Она одарила его патентованной улыбкой Керри О'Нил и села, положив ногу на ногу. Словно очаровательная сиамская кошка. Джей понятия не имел, о чем она думает. Никогда не имел. Улыбка могла оказаться искренней. Кто знает?

— Как ты меня нашла? — Он снова попытался перейти из обороны в наступление. — Я определенно не лез вон из кожи, чтобы растрепать всем, где я живу.

— А сам как думаешь? Ники сказал. — Она улыбнулась. — Конечно, мне пришлось его убедить. Ты в курсе, что все очень переживали из-за тебя? Взял и сбежал. И ни с кем не поделился своим новым проектом.

Она лукаво посмотрела на него и положила руку ему на плечо. Он заметил, что ее глаза изменили цвет — из зеленых стали голубыми. Джо был прав насчет контактных линз. Он пожал плечами — воплощение неловкости.

— Конечно, я все понимаю. — Ее ладонь переместилась на его волосы, зализывая их назад. Джей вспомнил, что опаснее всего она бывала,

когда вела себя, точно мамочка. — Но ты выглядишь таким истощенным. Что ты с собой сделал? Постоянно засиживался допоздна?

Джей отбросил ее руку.

— Я прочитал твою статью, — сказал он. Керри пожала плечами.

— Да, я написала пару статей для литературных приложений, — согласилась она. — Никак не могла отделаться от мысли, что «Форум!» стал слишком замкнутым, как по-твоему? Слишком ограниченным.

— Что случилось? Тебе не продлили контракт?

Керри выгнула брови.

— Дорогой, ты научился сарказму, — отметила она. — Ужасно за тебя рада. Но теперь Пятый канал придумал совершенно чудесную штуку. — Она глянула на хлопья, кофе и фрукты на столе. — Можно? Я так оголодала.

Джей наблюдал, как она наливает полную кружку café au lait и снова меряет взглядом вторую чашку в его руке.

— А ты тут прямо аборигеном стал, я смотрю. Серьезно. Кофе кружками, и «Голуаз» на завтрак. Кого-то ждал или мне лучше не спрашивать?

— Приглядываю за соседским ребенком, — объяснил Джей, стараясь не уйти опять в оборону. —

Всего пару дней, пока наводнение не сойдет.

Керри улыбнулась.

— Как мило. Пожалуй, я знаю, за каким именно ребенком. Прочитав твою рукопись…

— Ты ее читала?

Хватит уже защищаться. Должно быть, она слепая, раз не заметила, как его рука дернулась, плеснув горячим кофе на пол. Она снова улыбнулась.

— Да, проглядела наискосок. Такой наивный стиль весьма освежает. Очень… «здесь и сейчас». И еще совершенно изумительное чувство места — ужасно захотелось посмотреть своими глазами. А потом, когда я поняла, как мило можно связать все вместе — твою книгу и мою передачу…

Джей покачал головой. Голова гудела, и ему все казалось, будто он пропустил нечто важное.

— В смысле?

Керри посмотрела на него в фальшивом нетерпении.

— Ну, я как раз собиралась тебе рассказать. Передача на Пятом канале, разумеется, — сообщила она. — «Новые пастбища». Она вся будет об англичанах, живущих за рубежом. Очередное шоу, стиль жизни и путешествия. И когда Ники упомянул об этом чудесном месте — и обо всем,

что происходит с твоей книгой, — мне показалось, это дар судьбы, вроде того.

— Погоди-ка. — Джей отставил кофейную кружку. — Ты же не собираешься втянуть меня в эти свои делишки, а?

— Еще *как собираюсь*, — нетерпеливо парировала Керри. — Место просто идеальное. Я уже поговорила кое с кем из местных, и все ужасно заинтересовались. И ты идеален. В смысле, только подумай, какая реклама. Когда выйдет новая книга…

Джей покачал головой:

— Нет. Мне это неинтересно. Послушай, Керри, я знаю, ты хочешь помочь, но реклама — последнее, что мне сейчас нужно. Я приехал сюда, чтобы побыть одному.

— Одному? — иронично переспросила Керри. Джей увидел, что она заглядывает ему за спину, на кухню. Он обернулся. Роза в красной пижаме стояла за дверью, глаза ее блестели любопытством, кудри торчали во все стороны.

— Salut! — улыбнулась Роза. — C'est qui, cette dame? C'est une Anglaise?[118]

Улыбка Керри стала еще чуточку шире.

---

[118] Примечания: 118
Привет! А это что за дама? Она англичанка? *(фр.)*

— Ты, наверное, Роза, — сказала она. — Я столько слышала о тебе. Но знаешь, милочка, мне почему-то казалось, что ты глухая…

— Керри. — Джей раздражался, ему было не по себе. — Потом поговорим. Сейчас не лучшее время, правда. Хорошо?

Керри лениво потягивала кофе.

— Ой, ну что за церемонии между близкими, — сказала она. — Какая прелестная малышка. Наверняка вся в мамочку. Разумеется, мне кажется, что я уже знаю обеих. Как мило с твоей стороны списывать персонажей с реальных людей. Просто какой-то roman-à-clef[119]. Я уверена, это замечательно украсит передачу.

Джей посмотрел на нее:

— Керри, никакую передачу я делать не буду.

— Не сомневаюсь, ты передумаешь, когда хорошенько пораскинешь мозгами, — сказала она.

— Не передумаю, — отрезал Джей. Керри выгнула брови:

— Но почему? Это же то, что надо. И поможет тебе заново начать карьеру.

— Как и тебе, — сухо сказал он.

— Возможно. Что в этом плохого? В конце кон-

---

[119] Примечания: 119

Зашифрованный роман, где под вымышленными именами выведены реальные люди *(фр.)*

цов, после всего, что я для тебя сделала — столько труда в тебя вложила, — за тобой должок. Может, когда все устроится, я смогу написать твою биографию, поделиться своим видением Джея Макинтоша. Я все еще могу тебя раскрутить, знаешь ли, если ты мне позволишь.

— Должок? — Прежде он разозлился бы на нее. Даже принялся бы угрызаться. Но сейчас это было почти смешно. — Ты слишком часто мне это швыряла, Керри. Больше не сработает. Эмоциональный шантаж не основа для отношений. И никогда ею не был.

— Да ладно тебе. — Она сдерживалась из последних сил. — Что ты об этом знаешь? Единственные отношения, которые тебе были не по барабану, это отношения со старым жуликом, который разыграл тебя и бросил, когда ты ему надоел. Вечно твое «Джо то, Джо се». Может, теперь, когда он помер, ты наконец вырастешь и поймешь, что миром правят деньги, а не волшебство.

Джей улыбнулся.

— Как пафосно, — спокойно произнес он. — Но, как ты и сказала, Джо мертв. Он тут больше ни при чем. Возможно, это было важно, когда я только приехал сюда. Возможно, я пытался оживить прошлое. Пытался в некотором роде быть Джо.

Но не теперь.

Она посмотрела на него.

— Ты изменился, — заметила она.

— Может быть.

— Сначала я решила, что дело в месте, — продолжала она. — В этом миленьком городишке с единственным знаком «Стоп» и деревянными домиками на реке. Как раз в такое ты мог влюбиться. Превратить в новый Пог-Хилл. Но причина в другом, верно?

Он кивнул:

— Да, отчасти в другом.

— Все хуже. И так понятно. — Она надтреснуто хохотнула. — Это так на тебя похоже. Ты здесь нашел свою музу, да? Здесь, среди смехотворных коз и тощих крохотных виноградников? Как фантастически нелепо. Как на тебя похоже.

Джей уставился на нее.

— О чем ты?

Керри пожала плечами. Она умудрялась выглядеть веселой и злой одновременно.

— Я тебя знаю, Джей. Эгоистичнее человека я в жизни не видела. Ты нипочем не станешь париться ради другого. Так какого черта ты присматриваешь за ее ребенком? Слепому видно, что ты влюбился не только в место. — Она злоб-

но хихикнула. — Я знала, что рано или поздно этим кончится. Кто-то сумеет поджечь фитиль. Когда-то я даже верила, что это буду я. Господу богу известно, сколько я для тебя сделала. Я заслужила, чтобы это была я! А что для тебя сделала она? Она вообще знает о твоей работе? Ей вообще есть до нее дело?

Джей налил себе еще кофе и закурил.

— Нет, — сказал он. — Думаю, нет. Ей есть дело до земли. До лоз. До дочери. До всего настоящего.

Он улыбнулся этой мысли.

— Ты быстро устанешь, — насмешливо предсказала Керри. — Ты никогда не годился для жизни в реальном мире. У тебя до сих пор не было проблем, от которых нельзя убежать. Вот погоди, пока все станет немножко слишком настоящим. Пулей умчишься.

— Не на этот раз. — Он говорил ровно. — Не на этот раз.

— Посмотрим, — холодно сказала она. — Посмотрим. Как только закончим «Новые пастбища».

Сразу после ухода Керри Джей поехал в Ланскне, строго наказав Розе не выходить из дома, и отчасти излил злость на Ника Хорнели. Ник оказался бесчувственнее, чем Джей надеялся.

— Я думал, это будет для тебя неплохой рекламой, — вежливо сказал он. — Нечасто получаешь второй шанс в издательском бизнесе, Джей, и, на мой взгляд, ты должен был ухватиться за возможность выжать из этого все.

— Вот как?

Не это он ожидал услышать и на мгновение был выбит из колеи. Интересно, что именно наговорила Керри?

— К тому же не хочу тебя торопить, но я до сих пор жду от тебя подписанные контракты и последнюю часть новой рукописи. Издатели бьют копытом и гадают, когда ты намерен закончить. Если бы у меня был хоть черновик…

— Нет. — Джей слышал напряжение в своем голосе. — Не надо на меня давить, Ник.

Тон Ника внезапно стал пугающе равнодушным.

— Не забывай, ты нынче темная лошадка, Джей. Отчасти легенда, конечно. И это неплохо. Но и репутация у тебя тоже сложилась.

— Какая еще репутация?

— Не думаю, что сейчас разумно…

— Какая, к черту, репутация?

Слышно было, как Ник пожал плечами.

— Ладно. Ты неблагонадежен, Джей. Ты полон

великих идей, но не создал ничего мало-мальски значимого за много лет. Ты темпераментен. Ты не соблюдаешь сроки. Вечно опаздываешь на встречи. Ты — гребаная примадонна, которая живет за счет славы десятилетней давности и не понимает, что в нашем деле нельзя быть щепетильным с рекламой.

Джей старался не повышать голос.

— Что ты хочешь сказать, Ник?

Ник вздохнул.

— Только то, что надо быть чуточку гибче, — сказал он. — Издательское дело сильно изменилось со времен «Пьяблочного Джо». В те дни можно было вести себя эксцентрично. Это было ожидаемо. И даже мило. Но сейчас ты всего лишь товар, Джей, и не смеешь никого подводить. В особенности меня.

— И?

— И я тебе говорю, что, если ты не подпишешь контракт и не закончишь рукопись в разумные сроки, скажем за месяц, «Уорлд уайд» выйдет из игры и я подорву доверие к себе за здорово живешь. У меня есть и другие клиенты, Джей. О них мне тоже нужно заботиться.

— Понятно, — выдавил Джей.

— Слушай, Джей, я на твоей стороне, ты же

знаешь.

— Знаю. — Внезапно ему захотелось удрать. — У меня выдалась плохая неделя, Ник. Слишком много случилось. И когда Керри явилась ко мне на порог…

— Она хочет помочь, Джей. Она заботится о тебе. Мы все заботимся.

— Конечно. Я знаю. — Он говорил тихо, пусть и кипел от ярости. — Со мной все будет в порядке, Ник. Вот увидишь.

— Ну конечно.

Джей повесил трубку с четким ощущением, что его крепко отделали. Что-то изменилось. Словно с исчезновением защитного влияния Джо он внезапно вновь стал уязвим. Джей сжал кулаки.

— Мсье Джей? С вами все хорошо?

Жозефина, порозовевшая от беспокойства. Он кивнул.

— Хотите кофе? Кусочек моего пирога?

Джей знал, что должен вернуться и проверить, как там Роза, но соблазн посидеть еще немного был слишком силен. Слова Ника оставили во рту гадкий привкус — в немалой степени потому, что были правдой.

Жозефину распирало от новостей.

— Жорж и Каро Клермон познакомились с

английской леди, откуда-то с телевидения. Она говорит, что может захотеть снять у нас фильм, что-то о путешествиях. Люсьен Мерль тоже в восторге. Он думает, это станет триумфом Ланскне.

Джей устало кивнул:

— Я в курсе.

— Вы ее знаете?

Он снова кивнул. Пирог был хорош — глазированные яблоки на миндальном тесте. Он сосредоточился на еде. Жозефина рассказала, что Керри несколько дней беседовала с людьми, записывала кое-что на маленький диктофон, делала снимки. Еще с ней был фотограф, англичанин, très comme il faut[120]. Джей видел по лицу Жозефины, что Керри ей не по душе. Неудивительно. Керри не из тех женщин, что нравятся женщинам. Она старается только ради мужчин. Похоже, оба не первый день в здешних краях — остановились у Мерлей. Он вспомнил, что Туанетта Мерль — журналистка. Это объясняло фотографию и статью в «Courrier d'Agen».

— Они приехали из-за меня.

Он рассказал, как все было, от поспешного бегства из Лондона до появления Керри. Жозефина

---

[120] Примечания: 120
Очень элегантный *(фр.)*.

выслушала молча.

— Долго они тут пробудут, как по-вашему?

Джей равнодушно пожал плечами:

— Сколько нужно.

— Вот как. — Пауза. — Жорж Клермон уже говорит, что собирается купить заброшенные участки в Мароде. Он думает, цены на землю скакнут, когда пойдут слухи.

— Все может быть.

Она странно смотрела на него.

— Сейчас самое время покупать, после мокрого лета, — продолжала она. — Людям нужны деньги. Весь урожай сгнил на корню. Они не могут себе позволить цепляться за неплодородную землю. Люсьен Мерль уже пустил слушок по Ажену.

Джею почему-то казалось, что она смотрит на него неодобрительно.

— Но вашему-то бизнесу нечего бояться, правда? — попробовал пошутить он. — Столько томимого жаждой народу будет ошиваться вокруг.

Она пожала плечами.

— Недолго, — сказала она. — Не здесь.

Джей понял. В Ле-Пино — двадцать кафе, рестораны, «Макдональдс» и центр досуга. Местные заведения закрылись, их сменили предприимчивые городские фирмы. Жители уехали, не в

состоянии быстро меняться вместе со временем. Фермы стали нежизнеспособны. Цены на аренду удвоились, утроились. Он не знал, выдержит ли Жозефина конкуренцию. Скорее всего, нет.

Винила ли Жозефина его? По ней не поймешь. Ее лицо, обычно такое румяное и улыбчивое, словно захлопнулось. Волосы вяло упали на лоб, пока она хлопотала над пустыми чашками.

Он уехал обратно на ферму; его терзала неловкость, которую не смягчило равнодушное прощание Жозефины. По дороге он увидел Нарсисса и помахал ему, но тот не помахал в ответ.

Почти через час Джей вернулся в шато Фудуин. Он оставил машину на дороге и отправился на поиски Розы — она наверняка проголодалась. Дом был пуст. Клопетта бродила по краю огорода. Плащ и шапка Розы висели на кухонной двери. Он окликнул ее. Нет ответа. Слегка забеспокоившись, он обошел дом, потом направился в любимое место Розы у реки. Ничего. Что, если она свалилась в воду? Танн до сих пор был опасно вздут, берега подмыло так, что они вот-вот готовы рухнуть. Что, если она попалась в один из тех старых капканов на лис? Или упала со ступенек погреба?

Он снова обыскал дом, потом земли. Сад. Вино-

градник. Сарай и старый сенник. Ничего. Даже следов. Наконец он пересек поле Маризы в надежде, что ребенок отправился повидать мать. Но Мариза наносила последние штрихи на заново высушенную и покрашенную кухню, волосы ее были убраны со лба красным платком, колени джинсов перепачкались в краске.

— Джей! — Казалось, она ему рада. — Все нормально? Как Роза?

Он не мог ей сказать.

— Все хорошо. Я подумал, может, вам нужно что-нибудь из деревни.

Мариза покачала головой. Похоже, она не заметила его неловкость.

— Нет, у меня все есть, — весело ответила она. — Я тут уже почти закончила. Роза может вернуться утром.

Джей кивнул:

— Вот и чудесно. В смысле…

Она одарила его одной из своих редких, теплых улыбок.

— Я знаю, — сказала она. — Вы были очень добры и терпеливы. Но я знаю, что вы с радостью получите дом в свое распоряжение.

Джей скривился. У него снова заболевала голова. Он сглотнул.

— Слушайте, мне надо обратно, — неуклюже сказал он. — Роза…

Она кивнула.

— Я знаю, — сказала она. — Вы были так добры с ней. Вы даже не представляете…

Джей не мог вынести ее благодарность. Он бежал всю дорогу до фермы.

Еще час он обходил возможные укрытия. Он знал, что не должен был оставлять ее одну. Роза — озорной ребенок, у нее случаются прихоти и капризы. Может, она до сих пор от него прячется, как пряталась в первые его недели на ферме. Вполне вероятно, она думает, что это удачная шутка. Но время шло, найти Розу не удавалось, и он начал обдумывать другие возможности. Слишком просто вообразить, например, как она лазает по берегам Танна и соскальзывает в воду, поток несет ее пару километров и выбрасывает на илистую банку или даже еще дальше, в Мароде. Не менее легко было представить, как она просто бредет по дороге в Ланскне и, может, садится в машину к какому-нибудь незнакомцу.

К какому-нибудь незнакомцу? Но в Ланскне нет незнакомцев. Все друг друга знают. Не запирают двери. Разве что… Внезапно он вспомнил Патриса, парижского преследователя Маризы. Да

нет, конечно, — семь лет прошло. Но это многое объясняло. Ее нежелание заходить в деревню. Ее неохоту покидать место, ставшее для нее надежной гаванью. То, как отчаянно она защищала Розу. Уж не сумел ли Патрис как-то отыскать их в Ланскне? Возможно, он наблюдал за фермой и ждал, когда представится шанс сделать ход? Не мог ли он быть одним из деревенских, держаться поблизости, выжидать? Нелепая мысль, настоящая байка из комиксов, вроде тех, что он сам мог написать в четырнадцать лет ленивым днем на берегу канала. И все же сердце его сжалось. Он воображал Патриса немного похожим на Зета, с возрастом ставшего еще выше и противнее, его семейные щеки стали тоньше, глаза — хитрее и безумнее. Зет, на этот раз с настоящей винтовкой, ждал у ворот, глядел цинично, оценивающе. Нелепо, но тогда это казалось вполне возможным, логическим заключением лета, окончательного исчезновения Джо, того, как снежным комом все катилось обратно к последнему октябрю и переулку Пог-Хилл. По крайней мере, не менее нелепо, чем все остальное.

Джей хотел было взять машину, но передумал. Роза может прятаться в кустах у дороги, и он легко пропустит ее, даже если будет ехать медленно.

Вместо этого он зашагал по дороге к Ланскне, время от времени останавливаясь и окликая Розу. Он заглядывал в канавы и за деревья. Он обошел гостеприимный утиный пруд, который вполне мог прельстить любознательного ребенка, потом заброшенный сенной сарай. Никаких следов. Наконец, добравшись до деревни, он проверил последний возможный вариант. Он заглянул к Мирей.

Первым делом он заметил машину перед домом: длинный серый «мерседес» с дымчатым ветровым стеклом и табличкой прокатной конторы. Тачка гангстера, подумал он, или ведущего телевикторины. Сердце забилось от внезапного понимания. Джей направился к двери. Не удосужившись постучать, он распахнул ее и резко крикнул:

— Роза!

В оранжевом джемпере и джинсах она сидела на лестничной площадке, разглядывая альбом с фотографиями. Ее высокие сапоги стояли у двери. Она подняла глаза, когда Джей ее окликнул, и улыбнулась. От облегчения он едва не рухнул на колени.

— Что это еще за шуточки, а? Я тебя обыскался. Как ты сюда попала?

Роза не смутилась.

— Твоя подруга за мной заехала. Твоя английская подруга.

— Где она? — Джей чувствовал, как слепая ярость вытесняет облегчение. — Где эта сука?

— Джей, дорогой. — Керри стояла в дверях, совсем как у себя дома, с бокалом вина в руке. — Не стоит употреблять такие слова при ребенке, за которым присматриваешь.

Она обаятельно улыбнулась. За ней стояла Мирей, монументальная в своем черном домашнем платье.

— Я заглянула еще перемолвиться с тобой словечком, но ты ушел, — любезно объяснила Керри. — Роза открыла дверь. Мы с ней поговорили по душам, правда, Роза? — Последняя фраза была произнесена по-французски — возможно, чтобы ее поняла Мирей, коя хранила безмолвие. — Должна сказать, ты был пугающе скрытным, Джей, дорогой. Бедная мадам Фэзанд ни о чем и не подозревала.

Джей глянул на Мирей, которая наблюдала, скрестив руки на необъятной груди.

— Керри, — начал он.

Она снова жестко, ослепительно улыбнулась.

— Прелестное воссоединение, — заметила

она. — Знаешь, я начинаю понимать, что ты нашел в этом городке. Так много секретов. Так много очаровательных персонажей. Мадам д'Апи, например. Мадам Фэзанд мне все о ней рассказала. Однако в твоей книге она предстает несколько в ином свете.

Джей посмотрел наверх, на Розу.

— Иди сюда, Роза, — тихо сказал он. — Нам пора домой.

— Здесь все говорят, что очень тебя любят, — сказала Керри. — Полагаю, ты станешь местным героем, когда «Новые пастбища» выйдут в эфир. Городок расцветет.

Джей не обращал на нее внимания.

— Роза, — повторил он.

Девочка театрально вздохнула и поднялась на ноги.

— Нас правда покажут по телевизору? — живо спросила она, влезая в сапоги. — Maman, тебя и всех остальных? У нас дома есть телевизор. Мне нравится «Cocoricoboy» и «Nos amis les animaux». Но maman не разрешает мне смотреть «Cinéma de minuit»[121]. — Она скорчила рожу. — Там слишком много целуются.

---

[121] Примечания: 121

«Мальчик-кукареку», «Наши друзья животные», «Кино для полуночников» *(фр.)*.

Джей взял ее за руку.

— Никого по телевизору не покажут, — сказал он.

— Да?

— Я думаю, выбора у тебя нет, — мягко заметила Керри. — Я уже сделала наброски для прекрасной передачи, с тобой или без тебя. Художник, что на него влияет и так далее. Забудь о Питере Майле[122]. Не успеешь оглянуться, как люди толпами повалят сюда, в Страну Джея Макинтоша. Серьезно, ты меня на руках носить должен.

— Керри, не надо.

— Ради Христа! Можно подумать, я тебе пистолет к виску приставила. Да кто угодно душу бы продал за такую рекламу!

— Только не я.

Она засмеялась.

— Вечно мне приходится все делать самой, — весело заметила она. — Встречи, интервью. Гонять тебя на правильные вечеринки. Тянуть за ниточки. А теперь ты воротишь нос от потрясающего шанса — ради чего? Взрослей уже, солнышко. Нелепость больше не в чести.

Она говорила совсем как Ник, и мгновение

---

[122] Примечания: 122

Питер Майл — британский писатель, прославившийся серией книг о Провансе.

Джей пребывал в кошмарной уверенности, что они сговорились, что они все это задумали вместе.

— Я не хочу, чтобы сюда ломились люди, — сказал он. — Я не хочу, чтобы в Ланскне появились туристы, гамбургерные и сувенирные лавки. Ты же знаешь, что творит такая реклама.

Керри пожала плечами.

— А по мне, этому городку того и надо, — здраво заметила она. — Он какой-то полудохлый. — Мгновение она изучала ногти и хмурилась. — В любом случае, не тебе ведь решать, верно? Что-то я не вижу, чтоб местные сворачивали дела.

Конечно, она права. Вот что хуже всего. Поток сметет перед собой все, нравится это кому-то или нет. Он представил, что Ланскне, как и Пог-Хилл, попал в растущие списки вещей, оставшихся только в прошлом.

— Не здесь. Здесь этого не будет.

Он шел по улице, и вдогонку ему неслась смех Керри.

61

Мариза, как обычно, пришла в семь, с бутылкой вина и корзиной из ивовых прутьев. Она вымыла голову и впервые с их знакомства надела длинную красную юбку с черным свитером, отчего казалась совсем другой, похожей на цыганку. Губы она слегка подвела помадой. Глаза ее сияли.

— Мне хочется отпраздновать, — объявила она, ставя бутылку на стол. — Я принесла сыра, foie gras и ореховый хлеб. И еще пирог и миндальное печенье. И свечи.

Она достала из корзины два медных подсвечника и водрузила их на стол.

Затем вставила в них две свечи.

— Красиво, правда? — спросила она. — Уж и не припомню, когда мы в последний раз ужинали при свечах.

— В прошлом году, — нахально вклинилась Роза. — Когда генератор сломался.

Мариза засмеялась:

— Это не считается.

В тот вечер она была расслабленной, какой Джей ее еще не видел. Мать и дочь выставили на

стол ярко раскрашенные тарелки и хрустальные бокалы. Роза нарвала в саду цветов и поставила их на середину. Они намазывали foie gras на ореховый хлеб и запивали вином производства Маризы, отдававшим медом, персиками и жареным миндалем, потом ели салат и теплый козий сыр, потом кофе, пирог и petits fours. Всю маленькую вечеринку Джей изо всех сил пытался собраться с мыслями. Роза, которой было запрещено упоминать об их визите в Ланскне, бойко выпрашивала canard — кусочек сахара, смоченный в вине, — и исподтишка скармливала Клопетте объедки под столом, а затем, когда козочку изгнали в сад, через полуоткрытое окно. В золотистом свете Мариза была яркой, говорливой и прекрасной. Казалось бы, все должно быть чудесно.

Джей убеждал себя, что ждет подходящего момента. Конечно, он знал, что таковой не наступит, что он просто оттягивает неизбежное. Он должен сказать ей прежде, чем она узнает сама. Более того — прежде, чем проболтается Роза.

Но вечер шел своим чередом, и ему становилось все сложнее признаться. Он с трудом поддерживал беседу. У него разболелась голова. Похоже, Мариза ничего не замечала. Напротив,

она охотно описывала следующий этап осушения, расширения погреба, радовалась, что лоза все же уродит, пусть и совсем немного, предвкушала будущий год. Она собирается выкупить землю, когда закончится срок аренды, сказала она. В банке есть деньги, в погребе — пятьдесят бочек cuvée spéciale[123], которые только и ждут хорошего предложения. Земля в Ланскне недорогая, особенно такая плохо осушенная, проблемная земля, как ее. После плохого лета цены могут упасть еще ниже. И Пьер Эмиль, который унаследовал поместье, не деловой человек. Он только рад будет сбыть ферму и виноградник с рук. Недостающую сумму она возьмет в банке под долгосрочный кредит.

Чем больше она говорила, тем хуже становилось Джею. Он вспоминал слова Жозефины о ценах на землю, и сердце у него екало. Он осторожно спросил, что будет, если случайно, возможно… Ее лицо слегка окаменело. Она пожала плечами.

— Мне придется уехать, — просто сказала она. — Все бросить, вернуться в Париж или Марсель.

---

[123] Примечания: 123

Специального кюве *(фр.).* Кюве — смесь белых сухих вин (в производстве шампанского). Специальное кюве — наиболее гармоничное кюве, составленное из лучшего винограда в самые удачные годы.

В какой-нибудь большой город. Позволить Мирей… — Остаток фразы она проглотила и надела неунывающую маску. — Но этого не случится, — твердо сказала она. — Ничего этого не случится. Я всегда мечтала о таком месте, — продолжала она, и лицо ее смягчилось. — Ферма, собственная земля, деревья и, может, речушка. Что-то личное. Безопасное. — Она улыбнулась. — Может, когда земля станет моей и надо мной перестанет висеть аренда, все переменится, — неожиданно сказала она. — Может, я смогу начать в Ланскне с чистого листа. Найти Розе друзей-одногодков. Дать людям второй шанс. — Она подлила себе сладкого золотистого вина. — Дать себе второй шанс.

Джей с трудом сглотнул.

— А как же Мирей? Она не сможет вам навредить?

Мариза покачала головой. Ее глаза были полузакрыты — кошачьи, сонные.

— Мирей не вечна, — сказала она. — Потом я справлюсь с Мирей, — наконец сказала она. — Вот только заполучу ферму.

Ненадолго разговор перешел на другие темы. Они пили кофе и арманьяк, Роза кормила козочку petits fours через щель в ставнях. Затем Мариза отослала Розу в постель, выслушав лишь симво-

лический протест — было уже около полуночи, и девочка провела на ногах намного больше, чем привыкла. Джей с трудом верил, что ребенок за ужином его не выдал. В каком-то смысле он даже об этом жалел. Когда Роза исчезла наверху — в каждой руке по печенью, на завтрак обещаны блинчики, — он включил радио, налил еще арманьяка и передал его Маризе.

— Ммм. Спасибо.

— Мариза.

Она лениво глянула на него.

— Почему именно Ланскне? — спросил он. — Разве вы не могли куда-нибудь переехать после смерти Тони? Избежать всей этой… нервотрепки с Мирей?

Она потянулась за последним petit four.

— Я должна была жить здесь, — наконец сказала она. — Просто должна.

— Но почему? Почему не Монтобан, не Нера, не какая-нибудь соседняя деревушка? Что такого есть в Ланскне, чего нигде больше нет? Это потому, что Роза здесь выросла? Это… это из-за Тони?

Она засмеялась, не вполне недобро, но с некой ноткой, которую Джей не смог расшифровать.

— Возможно.

Его сердце внезапно сжалось.

— Вы мало о нем говорите.

— Да. Да. Да, мало.

Она молча смотрела в бокал.

— Простите. Я не должен лезть. Простите, что спросил.

Мариза странно посмотрела на него, потом снова уставилась в бокал. Ее длинные пальцы нервно двигались.

— Ничего. Вы мне помогли. Вы были добры. Но понимаете, все так сложно. Я хотела рассказать вам. Я давно уже хотела.

Джей пытался сказать, что она ошибается, что он не хочет знать, ему отчаянно нужно рассказать ей кое-что. Но не сумел.

— У меня долго были проблемы с доверием, — медленно начала Мариза. — После Тони. После Патриса. Я говорила себе, что мне никто больше не нужен. Что безопаснее жить вдвоем с Розой. Что в любом случае никто не поверит, если я расскажу правду. — Она замолчала, чертя замысловатую фигуру на темной поверхности стола. — Правда — такая штука, — продолжала она. — Чем больше хочешь рассказать, тем это сложнее. Тем невозможнее кажется.

Джей кивнул. Он прекрасно ее понимал.

— Но с вами… — Она улыбнулась. — Возможно,

дело в том, что вы иностранец. Мне кажется, я сто лет вас знаю. Доверяю вам. Разве иначе я доверила бы вам Розу?

— Мариза. — Он снова сглотнул. — Мне очень нужно вам…

— Шшш. — Она была медлительна, раскраснелась от вина и тепла комнаты. — Я должна вам рассказать. Должна объяснить. Я уже пыталась, но… — Она покачала головой. — Я думала, это так сложно, — мягко сказала она. — А на самом деле очень просто. Как все трагедии. Просто и глупо. — Она перевела дыхание. — Оглянуться не успела, как меня затянуло. А когда поняла, что происходит, было слишком поздно. Налейте мне еще арманьяка, пожалуйста.

Он налил.

— Мне нравился Тони. Я не любила его. Но одной любовью все равно не прожить. Деньги, вот что важно. Безопасность, ферма, земля. Вот что мне нужно, говорила я себе. Спастись от Патриса. Спастись от города и одиночества. Я обманывала себя, что все хорошо, что мне ничего больше не нужно.

Какое-то время все было нормально. Но Мирей становилась все требовательнее, а Тони вел себя все непредсказуемее. Мариза пыталась пого-

ворить с Мирей, но безуспешно. В понимании Мирей с Тони все было хорошо.

«Он сильный, здоровый мальчик, — упрямо повторяла она. — Нечего кутать его в одеяла. Еще превратишь в такого же неврастеника, как сама».

С тех пор любая странность в поведении Тони списывалась на Маризу: вспышки ярости, приступы депрессии, навязчивые идеи.

— Однажды он ополчился на зеркала, — сказала она. — Пришлось завесить все зеркала в доме. Он сказал, отражения высасывают весь свет из его головы. Он брился без зеркала. И вечно резался. Однажды сбрил себе брови. Сказал, так гигиеничнее.

С известием о беременности Маризы у Тони начался новый этап. Он стал сверхзаботлив. Всюду ходил за ней, даже в ванную. Он постоянно ждал ее. Мирей видела в этом проявления любви. Мариза задыхалась. А потом начали приходить письма.

— Я сразу поняла, что это Патрис, — призналась Мариза. — Его стиль. Обычные оскорбления. Но почему-то здесь он не испугал меня. У нас были сторожевые псы, ружья, пространство. Я думала, Патрис это тоже знает. Он как-то разузнал о моей

беременности. Все письма были о ней. Избавься от ребенка, и я тебя прощу, всякое такое. Я не обращала внимания.

А потом Тони все узнал.

— Я все ему рассказала, — скривилась она. — Я думала, это мой долг. К тому же я хотела, чтобы он понял: мы в безопасности, все в прошлом. Даже письма приходили все реже. Последние отголоски. — Она вздохнула. — Надо было думать головой. С тех пор мы жили как в осаде. Тони ездил в город раз в месяц за покупками, вот и все. Он перестал ходить в кафе с друзьями. Ну и славно, думала я. По крайней мере, не пьет. Он почти не спал по ночам. Почти все время стоял на страже. Конечно, Мирей винила меня.

Роза родилась дома. Мирей помогла ее принять. Расстроилась, что Роза — не мальчик, но ничего, успеется. Она удивлялась, что внучка такая крошечная и хрупкая. Надавала советов по кормлению, смене пеленок и уходу за ребенком. Советы эти часто граничили с тиранией.

— Конечно, он уже все ей рассказал, — вспоминала Мариза. — Этого следовало ожидать. Он ничего не мог от нее утаить. В ее понимании я быстро оказалась главной злодейкой, женщиной, которая завлекает мужчин, а потом ждет, что

муж защитит ее от последствий.

Между женщинами выросла ледяная стена. Мирей постоянно торчала дома, но редко обращалась к Маризе напрямую. Целые вечера проходили за оживленными беседами Тони и Мирей о событиях и людях, о которых Мариза ничего не знала. Казалось, Тони вовсе не замечает ее молчания. Он всегда был весел и оживлен, позволял матери трястись над ним, словно был еще мальчиком, а не женатым мужчиной, отцом новорожденной. А затем, точно гром среди ясного неба, явился Патрис.

— Было позднее лето, — вспоминала Мариза. — Около восьми вечера. Я только что покормила Розу и тут услышала, что подъезжает машина. Я была наверху, дверь открыл Тони. На пороге стоял Патрис.

Он изменился. Стал печальным, почти робким. Он не требовал встречи с Маризой. Вместо этого рассказал Тони, что сожалеет обо всем, что был болен, что лишь теперь стал способен посмотреть правде в лицо. Мариза слушала наверху. Он принес деньги, сказал Патрис, двадцать тысяч франков. Слишком мало, чтобы загладить вред, который он причинил, но, может, хватит, чтобы создать доверительный фонд для ребенка.

— Они с Тони вместе вышли на задний двор. Их долго не было. Тони вернулся, уже когда стемнело, один. Сказал мне, что все кончено, Патрис больше нас не побеспокоит. Он был нежным, каким не был очень давно. Я поверила, что все будет хорошо.

Несколько недель они были счастливы. Мариза ухаживала за Розой. Мирей держалась на расстоянии.

Тони больше не стоял на страже по ночам. А потом как-то раз, отправившись нарвать трав рядом с домом, Мариза увидела, что дверь сенного сарая приоткрыта. Собираясь ее закрыть, она обнаружила машину Патриса, едва прикрытую парой тюков соломы.

— Сперва он все отрицал, — сказала она. — Как ребенок. Не хотел верить, что я все видела. Потом впал в буйство. Назвал меня шлюхой. Заявил, что я встречалась с Патрисом за его спиной. Но в конце концов признался. Он заманил Патриса в сенной сарай в тот день и убил заступом.

Он не выказывал раскаяния. У него не было выбора. Если кто и виновен, так это Мариза. Усмехаясь, как школьник-проказник, он объяснил, как затащил машину в сенной сарай и спрятал, а после похоронил Патриса где-то на ферме.

«Где?» — спросила Мариза.

Тони снова усмехнулся и лукаво покачал головой.

«Ты никогда не узнаешь», — сказал он.

После этого поведение Тони покатилось под откос. Он часами сидел наедине с матерью, потом запирался у себя в комнате и на всю катушку включал телевизор. Он даже не смотрел на Розу. Мариза, узнав симптомы шизофрении, пыталась убедить его снова принимать лекарства, но он ей больше не доверял. Мирей об этом позаботилась. Вскоре он убил себя, но Мариза ощутила лишь какое-то виноватое облегчение.

— После этого я попыталась уехать, — ровно сказала она. — У меня ничего не осталось в Ланскне, кроме плохих воспоминаний. Я собрала сумки. Я даже заказала билеты на поезд до Парижа для себя и Розы. Но Мирей не отпустила меня. Тони оставил ей письмо, сказала она, в котором поведал обо всем. Патрис похоронен где-то на землях Фудуина, на нашем конце или через реку. Она одна знала где.

«Теперь ты должна остаться, — триумфально заявила Мирей. — Я не позволю тебе увезти мою Розу. Если что — скажу полиции, что ты убила мужчину из Марселя, что мой сын рассказал мне

об этом перед смертью, что он убил себя потому, что не вынес груза твоей защиты».

— Она была очень убедительна, — сказала Мариза с оттенком горечи. — Дала понять, что будет молчать ради Розы. Сохранит тайну в семье.

А потом началась кампания за изоляцию Маризы от остальных деревенских. Это оказалось несложно: в тот год она почти ни с кем не разговаривала и в основном сидела одна на ферме. Мирей дала волю затаенной обиде. Она распустила по деревне слухи, намекая на мрачные тайны. Тони в Ланскне любили. Мариза была всего лишь пришлой, городской штучкой. Скоро начались ответные действия.

— О, ничего особо серьезного, — уточнила Мариза. — Пускали фейерверки у меня под окнами. Писали письма. Оскорбляли. Патрис был куда хуже.

Но скоро стало ясно, что Мирей не просто хочет ей досадить.

— Ей нужна была Роза, — пояснила Мариза. — Она думала, если сможет выжить меня из Ланскне, Роза останется с ней. Я бы действительно оставила ей дочку, понимаете. Из-за того, что она знала. А если бы меня арестовали за убийство Патриса, Роза все равно досталась бы ей как

единственной близкой родственнице.

Она поежилась.

Вот она никого к себе и не подпускала. Ни единого человека. Отсиживалась на ферме, намеренно обособившись от жителей Ланскне. Роза тоже ни с кем не общалась, Мариза использовала ее временную глухоту, чтобы обмануть Мирей. Машину Патриса она утопила в болотах, дождавшись, пока та уйдет глубоко под камыши в стоячую воду. Она понимала, что машина лишь усугубляет ее вину. Но ей было необходимо держать ее под рукой. На своей земле. Знать, где она. Оставалось тело.

— Сперва я его искала, — продолжала Мариза. — Обшарила все постройки. Залезла под половицы. Методично. Все без толку. Земли поместья простираются до болот. Я не могла обыскать каждый метр.

Да еще старый Эмиль. Не исключено, что Тони залез аж на его земли. Вообще-то Мирей уже на это намекнула, мрачно ликуя, наслаждаясь своей властью и хваткой. Вот почему Мариза так старалась заполучить ферму Фудуина. Джей попытался представить, что она чувствовала, видя его в доме, наблюдая, как он копается на грядках, бродит по саду. Каждый божий день гадая, не

сегодня ли…

Импульсивно он схватил ее за руку. Ладонь была холодна. Кончики пальцев чуточку дрожали, почти незаметно. Волна восхищения ею вскружила ему голову. Ее мужеством.

— Так вот почему вы не хотели, чтобы кто-то работал на вашей земле, — понял он. — Вот почему вы не продали болота под новый гипермаркет. Вот почему вы должны были остаться.

Она кивнула.

— Я никому не могла позволить найти то, что он спрятал, — сказала она. — Столько времени прошло, теперь никто не поверит, что я ни при чем. И я знала, что Мирей меня не поддержит. Не признает, что ее драгоценный Тони… — Она глубоко вздохнула. — Итак, теперь вы знаете, — с усилием сказала она. — Теперь еще кто-то знает.

Она пахла дождем и тимьяном. Ее волосы ниспадали цветочной рекой. Джей представил, как говорит ей, что случилось сегодня, и видит, как свет уходит из ее зеленых глаз, как лицо ее напрягается, каменеет, замыкается.

Кто-нибудь другой ей бы сказал. Тот, кто обладал бы таким же мужеством, такой же чистотой. А Джей притянул ее к себе, ее волосы коснулись его лица, ее губы прижались к его губам, она

воском таяла в его руках, ее дыхание опаляло его щеку. Ее поцелуй на вкус был совсем таким, каким Джей его представлял: малина и дымная роза. Они занимались любовью прямо там, на неубранной постели Джея, и козочка в недоумении заглядывала в полуоткрытые ставни, и душистый золотистый свет чертил бесчисленные узоры на неярких голубых стенах.

Тогда казалось, что этого довольно.

62

«Скоро. Скоро». Они, «Особые», все пропитали собой — воздух, землю, любовников; он лежал на кровати и глядел в потолок; она спала, уткнувшись лицом в подушку, точно ребенок, ее яркие волосы вымпелом реяли на белье. Более могущественных, чем когда-либо, я чувствовал их, я слышал, как их страстные голоса уговаривают, подгоняют. «Скоро, — шептали они. — Непременно скоро. Непременно сейчас».

Джей смотрел на спящую Маризу. Такая доверчивая, мирная. Тихонько бормотала что-то неразборчивое во сне. Улыбалась. Джей получше укрыл ее одеялом, и она с долгим вздохом зарылась в одеяло лицом.

Джей наблюдал за ней и думал об утре. Он должен что-то придумать. Нельзя, чтобы она потеряла ферму. Нельзя сдать Ланскне застройщикам. Съемочная бригада приезжает завтра. Что это ему дает? Шесть часов? Семь?

Но на что? Что можно сделать за семь часов? Да пусть даже и за семьдесят — кто тут вообще смог бы хоть что-то сделать?

«Джо смог бы».

Голос был смутно знакомый. Циничный, сердечный, немного насмешливый.

«Сам знаешь, что он смог бы».

Конечно. Джей чуть не произнес это вслух. Но Джо мертв. Горе вновь поразило его, как при любой мысли о Джо. Джо мертв. Волшебства больше нет. Как и «Особые», оно кончилось навсегда.

«Здравого смысла тебе малехо не хватало, сынок».

Теперь уж точно голос Джо. На мгновение сердце у Джея подпрыгнуло, но он тут же осознал, что голос Джо звучит в его голове, в его воспоминаниях. Присутствие Джо — настоящее, самостоятельное присутствие — осталось в прошлом. А это всего лишь суррогат. Игра. Пустое воображение, вроде свиста в темноте.

«Я же сказал, чтоб ты помнил „Особые“. Забыл?»

— Ну разумеется, не забыл, — беспомощно прошептал Джей. — Но «Особых» больше нет. Кончились. Я их выпил. Потратил их на всякую ерунду, чтоб людям языки развязать. Или чтобы уговорить Маризу…

«Ты почему не слушаешь, а?» Голос Джо, это

был голос Джо, он теперь был повсюду — в воздухе, в отблесках умирающих угольков, в мерцании ее волос, рассыпавшихся по подушке. «Я же сотни раз тебя учил в Пог-Хилле, где ты был все это время? Так ничему и не научился?»

— Научился. — Джей озадаченно покачал головой. — Но без Джо ничего не работает. Как в тот последний раз в Пог-Хилле…

Смех со стен. Воздух загустел от смеха. Призрачный аромат яблок и дыма, казалось, поднимался от углей. Ночь искрилась.

«Будешь часто совать руку в осиное гнездо, — произнес голос Джо, — и тебя укусят. Даже волшебство тут не поможет. Даже волшебство не идет против природы. Иногда волшебству надо подсобить, сынок. Дать ему что-нибудь полезное. Шанс сработать. Надо создать волшебству подходящие условия».

— Но у меня был амулет. Я верил… «Амулет тебе был ни к чему, — ответил голос. — Ты и сам мог себе помочь. Мог дать сдачи, а? Но нет. Ты только убегал. Говоришь, это вера? По мне, так дурь несусветная. Так что про веру можешь мне лапшу не вешать».

Джей на мгновение задумался.

«У тебя уже есть все, что нужно, — весело про-

должал голос. — Оно внутри, сынок. И всегда там было. Прекрасно обойдешься и без бражки некоего старого хрыча. Ты сам можешь все сделать».

— Но я не могу…

«Нету такого слова, сынок, во как, — сказал голос. — Нету такого слова».

А потом голоса умолкли, и вдруг голова его зазвенела — не от головокружения, а от внезапной ясности. Он знал, что делать.

Шесть часов, сказал он себе. Нельзя терять ни минуты.

Никто не видел, как он вышел из дома. Никто не смотрел. А даже если б и смотрел, не спросил бы, зачем он явился, и не удивился бы. В большой корзине трав, которую он нес, тоже не было ничего необычного. Ее наполняли растения с широкими листьями — может, подарок, дабы оживить гибнущий сад. Даже то, что Джей бормотал себе под нос что-то отдаленно похожее на латынь, вряд ли смутило бы очевидцев. В конце концов, он всего лишь англичанин, а они все немножко того. Un peu fada[124] мсье Джей.

Как выяснилось, он прекрасно помнил ритуал обхода Джо. Времени готовить ладан или шить

---

[124] Примечания: 124
Капельку чокнутый *(фр.)*.

новые саше не было, но Джей решил, что теперь это не имеет значения. Даже он ощущал присутствие «Особых» вокруг, слышал их шепотки, их ярмарочный смех. Лопаткой и крохотными вилами он осторожно вынул рассаду из парника — сколько смог унести. Он посадил «Особые» с промежутками на обочине. Несколько на перекрестке с дорогой на Тулузу, еще два у знака «Стоп», еще два на дороге в Марод. Туман, особый туман Ланскне, что накатывает с болот на виноградники, вздымался вокруг ярким парусом под первыми лучами солнца. Джей Макинтош спешил завершить круг, почти бежал, стараясь успеть, посадить tuberosa rosifea Джо на каждой развилке, у каждых ворот, у каждого знака. Дорожные указатели он переворачивал или прикрывал зеленью, когда не получалось выкопать. Заодно он убрал приветственную табличку Жоржа и Люсьена. Когда он закончил, не осталось ни одного указателя на Ланскне-су-Танн. Джею понадобилось почти четыре часа, чтобы провести окружность длиной в четырнадцать миль, обойти вокруг деревни, сначала к дороге на Тулузу, потом обратно через Марод. К концу он изрядно вымотался. Голова болела, ноги шатались, точно ходули. Но он закончил. Дело сделано.

«Как Джо спрятал переулок Пог-Хилл, — триумфально думал Джей, — так я спрятал деревню Ланскне-су-Танн».

Когда он вернулся, Мариза и Роза уже ушли. Небо светлело. Дымка рассеялась.

63

Керри явилась в двенадцатом часу. Жесткая и невозмутимая, в белой блузке и серой юбке, в руке — папка для документов. Джей ее ждал.

— Доброе утро, Джей.

— Ты вернулась.

Она заглянула через его плечо в комнату, отметив пустые бокалы и винные бутылки.

— Мы должны были начать раньше, — сообщила она, — но, ты не поверишь, заблудились в тумане. Огромные полосы белого тумана, прямо как сухой лед на концерте хэви-метал. — Она засмеялась. — Представляешь? Уже полдня потеряли. И выбились из сметы. Я до сих пор жду съемочную бригаду. Похоже, они где-то не туда повернули и оказались на полпути обратно в Ажен. Ох уж эти дороги. Хорошо хоть, я уже знала путь.

Джей смотрел на нее. Не сработало, уныло думал он. Несмотря ни на что, несмотря на его веру.

— Так ты все равно не отступишься?

— Ну разумеется, не отступлюсь, — нетерпе-

ливо ответила Керри. — Грех упускать такую возможность. — Она оглядела свои ногти. — Ты знаменитость. Когда книга выйдет, я покажу миру, где ты нашел вдохновение. — Она ослепительно улыбнулась. — Такая чудесная книга, — добавила она. — Успех будет ошеломительным. Пожалуй, она даже переплюнет «Пьяблочного Джо».

Джей кивнул. Конечно, она права. Пог-Хилл и Ланскне; две стороны одной потускневшей медали. Две жертвы, каждая по-своему, писательской карьере Джея Макинтоша. После публикации городок станет иным. Он сам рано или поздно уедет. Нарсисс, Жозефина, Бриансон, Гийом, Арнольд, Ру, Пуату, Роза, даже Мариза — все станут лишь словами на страницах, легковесными выдумками, которые пролистываешь, чтобы тут же забыть, а когда он уедет, вторгнутся застройщики, чтобы чертить и разрушать, перестраивать и модернизировать…

— Не понимаю, почему у тебя такое лицо, — сказала Керри. — В конце концов, у тебя контракт с «Уорлд уайд». Тебе очень щедро заплатят. Более чем щедро. Я не слишком вульгарна?

— Ничуть.

Им овладело престранное спокойствие, грани-

чащее с опьянением. Голова будто наполнилась пузырьками. Бродящий воздух бурлил и шипел.

— Похоже, ты им чертовски нужен, — заметила Керри.

— Да, — медленно сказал Джей. — Наверное, нужен.

«Будешь часто совать руку в осиное гнездо, — сказал Джо, — и тебя укусят. Даже волшебство тут не поможет. Иногда волшебству надо подсобить, сынок. Дать ему что-нибудь полезное… подходящие условия».

Ну конечно, оцепенело подумал он. Так просто. Так… просто.

Джей засмеялся. И в тот же миг голова его переполнилась светом. Он слышал запах дыма и болотной воды и теплый пьянящий аромат спелой ежевики. Воздух стал шампанским из бузины. Он знал, что Джо рядом, что Джо никогда не покидал его. Даже в семьдесят седьмом. Джо никогда не уходил. Джей почти видел, как тот стоит у двери в своей старой шахтерской кепке и ботинках и улыбается так, как улыбался, лишь когда был чем-то ужасно доволен, и хотя Джей знал, что это просто воображение, он одновременно знал, что это и реальность тоже. Оказывается, иногда реальность и воображение все-таки едины.

Два шага — и он у постели, где все еще лежали в коробке рукопись и контракты с «Уорлд уайд». Джей выволок их из-под кровати. Керри повернулась к нему.

— Что ты делаешь?

Джей показал ей рукопись и засмеялся.

— Знаешь, что это? — спросил он ее. — Это моя единственная копия книги. А это, — показывая ей подписанный контракт, — всякая канцелярщина. Смотри. Все готово. Можно отсылать.

— Джей, что ты задумал? — резко спросила она. Джей усмехнулся и шагнул к камину.

— Ты не можешь… — начала Керри. Джей глянул на нее.

— Нет такого слова, во как, — сказал он.

И ему показалось, что за внезапным воплем Керри он расслышал стариковский смешок.

Она кричала, потому что неожиданно поняла, что он собирается делать. Безумие, глупость, импульсивный поступок, к каким он никогда не был склонен, и все же его глаза горели странным огнем, какого она никогда прежде не видела. Словно кто-то поджег фитиль. Его лицо светилось. Он взял контракты, смял их и забросил в глубь очага. Затем принялся делать то же самое с машинописными страницами. Бумага занялась,

потом скрутилась, побурела и исчезла в ликующем пламени. В воздухе кружились черные бабочки.

— Это что еще за игры? — Голос Керри пронзительно взмыл. — Джей, что ты творишь?

Он усмехнулся ей в лицо, задыхаясь от смеха.

— А как по-твоему? Вот погоди денек-другой, свяжись с Ники — и перестанешь сомневаться.

— Псих, — рявкнула Керри. — Так я тебе и поверила, что у тебя копий нет. К тому же контракты можно и заменить…

— Конечно, можно. — Он расслабился, улыбаясь. — Но только их никто не заменит. Все это уже не заменишь. А кому нужен писатель, который никогда не пишет? Долго ты сможешь удерживать зрительский интерес ко мне? Чего оно стоит? Чего я без этого стою?

Керри смотрела на него. Мужчина, уехавший полгода назад, стал неузнаваем. Прежний Джей был рассеянным, замкнутым, бесцельным. Новый — энергичным и просветленным. Его глаза сияли. Несмотря на то что он выбрасывал свое детище — глупый, преступный, безумный поступок, — он выглядел счастливым.

— Да ты и правда псих, — натянуто сказала она. — Все выбросил — и ради чего? Просто жест?

Это не твое, Джей. Я тебя знаю. Ты еще пожалеешь.

Джей просто смотрел на нее, улыбаясь краешком рта. Терпеливо.

— Больше года ты здесь не протянешь. — Презрение не скрывало, что голос ее дрожит. — Что ты собираешься делать? Ферму держать? У тебя почти не осталось денег. Ты все вбухал в это место. Что ты собираешься делать, когда кончатся деньги?

— Не знаю. — Он говорил весело и равнодушно. — Тебе-то какое дело?

— Никакого!

Он пожал плечами.

— Лучше позвони своей съемочной бригаде и скажи им, чтобы ждали тебя в другом месте, — тихо сказал он. — Здесь нет для тебя историй. Попробуй заглянуть в Ле-Пино, это рукой подать, через реку. Наверняка найдешь что-нибудь вполне оптимистичное и развлекательное.

Она изумленно таращилась на него. На мгновение ей показалось, будто она слышит какой-то запах, странный, живой аромат сахара, и яблок, и ежевичного желе, и дыма. Запах ностальгии, и секунду она почти понимала, отчего Джей так любит это место с его маленькими вино-

градниками, яблонями и козами, что бродят по болотистым равнинам. На миг она снова стала маленькой девочкой, и бабушка пекла пироги на кухне, и ветер с моря пел в телефонных проводах. Почему-то она понимала, что запах этот — часть его, что запах пропитал его, словно застарелый дым, и пока она смотрела на него, на мгновение он показался ей словно *позолоченным,* как бы освещенным из-за спины, нити света тянулись из его волос, его одежды. А потом аромат исчез, свет исчез, и не осталось ничего, кроме затхлости непроветренной комнаты да остатков вина на столе. Керри пожала плечами.

— Тебе же хуже, — мрачно сказала она. — Делай, что хочешь.

Он кивнул.

— А передача?

— Поеду в Ле-Пино, — сказала она. — Жорж Клермон растрепал, что там недавно снимали «Клошмерль». Вполне потянет на очерк.

Он улыбнулся.

— Удачи, Керри.

Когда она ушла, он умылся и надел чистые футболку и джинсы. Секунду размышлял, что делать дальше. Даже сейчас уверенности не было. В жизни счастливых концов на всех не хватает.

Вокруг дома стояла невероятная тишина. Гудение энергии, что пронизывало стены, умолкло. Испарился и призрачный аромат сахара и дыма. Даже в погребе все утихло; вина — новые вина, сотерны, «Сент-Эмильон» и дюжина молодых «Анжу» — помалкивали. Ждали.

64

В районе полудня Попотта принесла бандероль и вести из деревни. Съемочная бригада так и не приехала, возбужденно сообщила она. Английская леди ни у кого не взяла интервью. Жорж и Люсьен были в ярости. En tout cas[125], пожала она плечами, это, наверное, к лучшему. Все знали, что их планы никогда не осуществляются. Жорж уже заговорил о новом предприятии, каком-то плане застройки в Монтобане, который просто не может провалиться. Ланскне не стоял на месте.

Бандероль отправили из Керби-Монктона. Джей осторожно открыл ее, когда Попотта ушла, развернул жесткие слои коричневой бумаги, развязал шпагат. Бандероль была большой и тяжелой. Когда он снял упаковку, выпал конверт. Он узнал почерк Джо. Внутри оказался листочек выцветшей почтовой бумаги.

Переулок Пог-Хилл, 15 сентября.

---

[125] Примечания: 125
Во всяком случае *(фр.)*.

Дорогой Джей, прости за спешку. Никогда не умел толком прощаться. Собирался побыть еще немного, но сам понимаешь, какова жизнь. Чертовы доктора ничего не говорят до последней минуты. Думают, если ты старый, то ничего не соображаешь. Посылаю тебе свою коллекцию — думаю, ты знаешь, что с ней делать. Ты должен уже кое-чему научиться к тому моменту, когда это получишь. И смотри, сделай так, чтоб земля им понравилась. Любящий тебя

Джозеф Кокс.

Джей перечитал письмо. Он касался слов, написанных черными чернилами старательным некрасивым почерком. Он даже поднес бумагу к лицу, чтобы проверить, не осталось ли на ней частиц Джо — запаха дыма, быть может, или слабого аромата свежей ежевики. Не осталось. Если волшебство и существует, оно где-то не здесь. Потом Джей заглянул в бандероль. Все на месте. Содержимое комода для семян, сотни крошечных конвертиков и фунтиков из газетной бумаги, сухие луковицы, зерна, клубни, растертые в пыль семена, не материальнее, чем дуновение праха, —

и все подписано и пронумеровано. Все озарено ароматом иных мест. Tuberosa rubra maritima, tuberosa diabolica, tuberosa panax odorata, тысячи картофелин, кабачков, перцев, моркови, больше трех сотен видов одного только лука — вся коллекция Джо. И конечно, «Особые». Tuberosa rosifea во всей своей красе, истинное пьяблоко, заново открытый предок.

Он долго на них смотрел. Позже он изучит все по отдельности, уложит каждый пакетик в правильный ящичек старого комода для пряностей. Позже у него будет время разобрать, пометить, пронумеровать и занести в каталог, пока последнее семечко вновь не окажется на своем месте. Но сначала он должен сделать кое-что еще. Кое-кого повидать. И кое-что найти. Кое-что в погребе.

Выбора у него не было. Он смахнул знакомую пыль тряпкой со стекла, надеясь, что время не превратило содержимое в уксус. Вино для особого случая, подумал он, последнее из его собственных «Особых» — 1962, хороший был год; первый, надеялся он, из множества хороших лет. Он обернул бутылку в салфетку и положил ее в карман куртки. Мирное подношение.

Когда он пришел, она сидела на кухне и лущила горох. На ней были джинсы и белая блузка

навыпуск, солнце играло красным на ее осенних волосах. На улице Роза звала Клопетту.

— Я принес его тебе, — сказал он. — Берег его для особого случая. Я подумал, может, нам выпить его вместе.

Она долго смотрела на него, что в лице — не поймешь. Глаза были прохладны, зелены, оценивали его. Наконец она взяла протянутую бутылку и взглянула на этикетку.

— «Флёри 1962», — прочитала она и улыбнулась. — Мое любимое.

Здесь кончается мой рассказ. Здесь, на кухне фермерского домика в Ланскне. Здесь он разливает меня, высвобождая ароматы летних дней забытых и мест, давно утраченных. Он пьет за Джо и переулок Пог-Хилл; сей тост — одновременно салют и прощание. Что ни говорите, а со вкусом хорошего винограда ничто не сравнится. Не знаю, что там с послевкусием черной смородины, но свое собственное волшебство у меня есть, и наконец оно выпущено на свет после тридцати семи лет ожидания. Я надеюсь, они оценят его оба, соединив губы и руки. Теперь они должны говорить. Моя роль сыграна. Мне нравится думать, что их история закончится счастливо. Но это за пределами моих познаний. Я повинуюсь иной

химии. Весело испаряясь в сияющий воздух, я приближаюсь к разгадке собственной тайны, но призраков не вижу и будущего не предсказываю, лишь блаженное настоящее, едва различимое — через стекло, неясно.

ПОСТСКРИПТУМ

Из «Lansquenet-gratuit»:

Некрологи

Мирей Аннабелла Фэзанд, внезапно после быстротечной болезни. Оставила племянника Пьера Эмиля, невестку Маризу и внучку Розу.

Продажа недвижимости

Мадам Маризе д'Апи четыре гектара окультуренной и неокультуренной сельскохозяйственной земли между улицей Мародо, бульваром Святого Упования и Тайном, в том числе фермерский дом и постройки — Пьер Эмиль Фудуин, улица Женевьевры, Тулуза.

Из «Courrier d'Agen»:

Насколько известно, местный землевладелец стал первым за последние триста лет, кто вырастил картофель tuberosa

rosifea. Этот древний вид, привезенный, вероятно, в 1643 году из Южной Америки, представляет собой крупные розовые клубни со сладким ароматом и процветает на наших болотистых, известковых почвах. Мсье Джей Макинтош, бывший писатель, эмигрировавший из Англии полтора года назад, планирует выращивать этот и другие редкие виды овощей на своей ферме в Ланскне-су-Танн.

«Я намерен заново ввести многие из этих старых видов во всеобщее употребление, — недавно сообщил он нашему корреспонденту. — Лишь чудом некоторые из них не были утрачены навеки». На вопросы о происхождении этих драгоценных семян мсье Макинтош ответил уклончиво. «Я всего лишь коллекционер, — скромно пояснил он. — Я собрал множество различных семян в своих путешествиях по свету».

Но, можете вы спросить, что такого особенного в горстке старых семян? Неужели действительно важно, из какого сорта

картофеля мы готовим pommes frites?[126]

«Безусловно, — твердо говорит мсье Макинтош. — Это важно. Многие тысячи видов растений и животных уже были навеки потеряны из-за современных сельскохозяйственных методов и стандартов Брюсселя. Очень важно сохранить традиционные виды. У растений есть множество свойств, которые мы толком еще не понимаем. Кто знает, быть может, через несколько лет ученые смогут спасать жизни посредством одного из этих заново открытых видов».

Необычные методы мсье Макинтоша уже выплеснулись за пределы его собственной маленькой фермы. Местные фермеры присоединились к нему и выделили часть земель для культивирования этих старых видов. Мсье Андре Нарсисс, мсье Филипп Бриансон и мадам Мариза д'Апи тоже решили проверить новые семена. Учитывая, что рыночная стоимость tuberosa rosifea — сто франков, а то и больше, за килограмм, фермеры

[126] Примечания: 126
Жареный картофель *(фр.)*.

Ланскне-су-Танн вновь могут смотреть в будущее с оптимизмом. Сам мсье Макинтош, тридцати шести лет, проживающий в шато Кокс, Ланскне, удивительно скромен, невзирая на внезапный успех. Когда его спрашивают, чем он объясняет такой впечатляющий триумф, он отвечает: «Обычным везением. — Он лукаво улыбается нашему корреспонденту. — И конечно, капелькой волшебства».

БЛАГОДАРНОСТИ

Огромное спасибо: Кевину и Анушке за то, что мирились со мной; Г. Д. Полу и Братству однокашников; Франческе Ливерсидж за вдохновенную редактуру; Дженнифер Лютлен, моему замечательному агенту; Серафине Кларк за то, что вручила мне путеводную нить, и притом достаточно тонкую, чтобы я не сумела на ней повеситься; а также нашему человеку в Лондоне, Кристоферу Фаулеру. Прощайте, мои коллеги и ученики из средней школы Лидса, и удачи вам. Я буду скучать.